Джеймс Оливер Кервуд

Бродяги Севера

#эксмодетство

Бродяги Севера
Джеймс Оливер Кервуд

Аннотация
Джеймс Оливер Кервуд. Бродяги Севера
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26

Аннотация

Известный роман Джеймса Оливера Кервуда «Бродяги Севера» – одно из лучших произведений мировой литературы о дикой природе. Удивительная дружба медвежонка и щенка, их совместная борьба за выживание, необыкновенные приключения, разлука и новая встреча полюбились нескольким поколениям читателей во всём мире. Яркие, реалистичные иллюстрации петербургского художника Владимира Канивца.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Джеймс Оливер Кервуд
Бродяги Севера

Все права защищены. Книга или любая её часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или её части без согласия издателя является незаконным и влечёт уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Гурова И., перевод, наследники, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

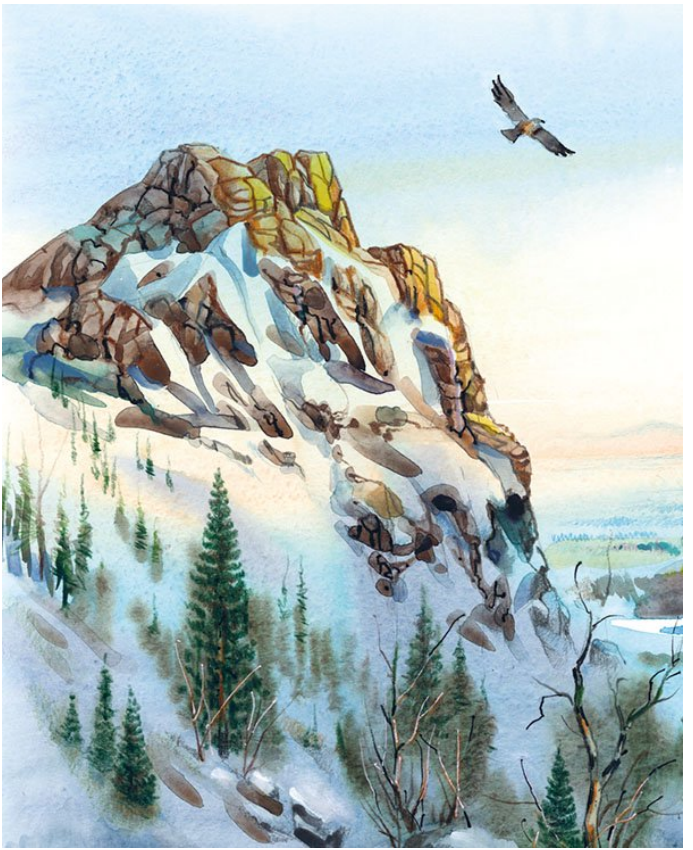
* * *

Глава 1

Неева, маленький чёрный медвежонок,
впервые увидел мир,
в котором ему предстояло жить...

Неева, маленький чёрный медвежонок, впервые увидел мир, в котором ему предстояло жить, в конце марта — на исходе Орлиного месяца. Нузак, его мать, была уже пожилой медведицей, а потому любила поспать подольше, чтобы понежить свои ревматические косточки. Вот почему в эту зиму — в зиму рождения маленького Неевы — она проспала не обычные три месяца, а целых четыре, и Нееве, когда они вылезли из берлоги, было больше двух месяцев, хотя чаще всего медвежата начинают знакомство с лесной жизнью в шестинедельном возрасте.

Зимовала Нузак в пещере у гребня высокого каменистого холма, и вот с этого-то гребня Неева впервые посмотрел в долину. Вначале солнечные лучи совсем ослепили его глаза, до сих пор не знавшие ничего, кроме густого сумрака пещеры. И поэтому он услышал, почуял и ощутил множество самых разнообразных вещей раньше, чем увидел их. Впрочем, Нузак тоже словно растерялась, обнаружив за стенами пещеры солнечный свет и тепло вместо холода и снега, и долго стояла на вершине холма, нюхала ветер и оглядывала свои владения.



Уже две недели ранняя весна творила чудеса в прекрасном северном краю, который тянется с запада на восток от хребта Джексона до реки Шаматтава и с юга на север от озера Готс до реки Черчилл.

И сейчас этот край был великолепен. С высокой скалы, на которой они стояли, он походил на безбрежное солнечное море, и лишь кое-где ещё белели остатки высоких сугробов, наметённых зимними буранами. Их холм круто поднимался над широкой долиной. Повсюду перед ними, насколько хватал глаз, простирались синевато-чёрные полосы леса, мерцали озёра, ещё не сбросившие ледяной панцирь, блестели речки и ручьи и начинали зеленеть луга, над которыми поднимались благоуханные запахи земли. Нузак, чёрная медведица, жадно втягивала носом эти бодрящие запахи, обещавшие сытную и изобильную еду. Внизу, в долине, уже буйствовала жизнь. Почки на тополях набухли и должны были вот-вот развернуться, из тёмной почвы пробивались сочные и нежные стебли трав, съедобные корни наливались соком, подснежники, ранние фиалки и весенние красавицы тянулись к тёплому блеску солнца, приглашая Нузак и Нееву на пир.

За двадцать лет своей жизни Нузак успела хорошо изучить все эти запахи: восхитительный аромат елей и сосен, резкий сладкий запах корневищ водяных лилий и сочных луковиц, поднимавшийся над оттаявшим болотцем у подножия холма, а главное — победный, всепоглощающий, преисполненный жизни запах самой земли.

Вдыхал эти запахи и Неева. Его ошеломлённое тельце впервые дрожало и трепетало от радостного волнения бытия. Ещё минуту назад он был окутан темнотой — и вдруг очутился в стране чудес, о существовании которой он и не подозревал. Эти несколько минут необычайно много поведали ему о дарах, припасённых для него матерью-природой. Он ещё ничего не знал, но в нём заговорил врождённый инстинкт: он понял, что этот мир создан для него, что солнце и тепло существуют для него и что сладостные запахи земли зовут его вступить во владение её плодами. Он сморщил бурый носишко, втянул ноздрями воздух и познал острое благоухание всего, что было приятным и желанным.

Кроме того, Неева внимательно прислушивался — его насторожённые ушки ловили музыку пробуждающейся земли.

Даже корни травы словно пели от радости, и всю залитую солнцем долину заполняла тихая бормочущая мелодия, свидетельствовавшая о том, что покой этого мирного края ещё не нарушен появлением человека. Повсюду раздавалось журчание бегущей воды, и Неева различал множество ещё незнакомых звуков, которые могли

издавать только живые существа: чириканье воробьёв, серебристые трели малиновки внизу у болотца, пронзительный, радостный крик нарядной канадской сойки, отыскивающей место для гнезда в густой поросли бархатистых ёлок. А в бездонной высоте над его головой раздался резкий клёкот, от которого он вздрогнул: на сей раз инстинкт сказал ему, что это опасность. Нузак подняла голову и увидела тёмный силуэт: Упиок, огромный орёл, парил между землёй и солнцем. Неева тоже увидел этот кружащий силуэт и прижался к матери.

А Нузак, хотя она и была так стара, что потеряла половину зубов и стала хуже видеть, а в сырые холодные ночи все её кости ныли, всё-таки по-прежнему испытывала ликующую радость, когда смотрела вниз. Её мысли уносились далеко за

пределы долины, над которой они проснулись. За стеной лесов, за самым дальним озером, за рекой и лугами лежали безграничные просторы, которые были её домом. И она различила глухой гул, который не уловили ушки Неевы, — еле слышный рёв большого водопада. Именно этот дальний голос вместе с журчанием тысяч стремительных ручейков, вместе с шелестом ветра в елях и соснах и создавал весеннюю музыку, наполнявшую тёплый воздух.

В конце концов Нузак шумно вздохнула, ласковым ворчанием позвала Нееву за собой и начала медленно спускаться по каменистому откосу.

В золотом омуте долины было ещё теплее, чем на гребне холма. Нузак направилась прямо к болотцу. Перед ними, затрещав крыльями, вспорхнула стайка рисовок, и Неева чуть не перекувыркнулся от неожиданности. Однако Нузак не обратила на них внимания. Гагара, увидев бесшумно ступающую медведицу, возмущённо крякнула, а затем испустила пронзительный крик, от которого у Неевы шерсть встала дыбом. Но Нузак не обратила никакого внимания и на гагару.

Неева всё это заметил. Он не спускал глаз с матери и, повинуясь инстинкту, готов был пу-

ститься наутёк по первому её сигналу. И теперь в его круглой смешной головёнке быстро зрел вывод, что его мать — самое удивительное существо на свете. И уж, бесспорно, самое большое, то есть самое большое из всего, что живёт и движется. Он пребывал в этом убеждении минуты две, а потом они приблизились к болотцу. Раздалось громкое фырканье, треск ломающихся веток, чавканье грязи под мощными ногами, и гигантский лось, вдвое выше, чем Нузак, кинулся бежать прочь. Глаза у Неевы вылезли на лоб. А Нузак и на лося не обратила ни малейшего внимания!

И вот тут-то Неева сморщил носишко и рявкнул, как он рявкал на уши и патлатую шерсть Нузак в тёмной пещере и на палки, которые грыз там. Он вдруг понял замечательную вещь: ему можно было рявкать на всё, на что ему захотелось бы рявкнуть, пусть даже на самое большое. Потому что и те, кто был больше Нузак, его матери, всё равно убегали от неё.

Весь этот первый чудесный день Неева то и дело открывал что-то новое, и с каждым часом в нём крепла уверенность, что его мать — единовластная владычица всех этих залитых солнцем удивительных новых мест.

Нузак была заботливой старой матерью — за

свою жизнь она вырастила чуть ли не два десятка медвежат, и в этот день она не стала уходить далеко от холма, чтобы дать время немного затвердеть нежным подошвам на лапках Неевы. Почти всё время они оставались около болотца и только заглянули в соседнюю чащу, где Нузак ободрала когтями молодое деревце, чтобы они могли полакомиться скрытой под корой сочной губчатой массой. Нееве очень понравился этот десерт после плотного обеда из луковиц и корней, и он попытался сам ободрать соседнее деревце. К вечеру Нузак наелась так, что её бока стали совсем круглыми, а Неева, который, кроме материнского молока, перепробовал множество новых и вкусных вещей, стал похож на готовый лопнуть гороховый стручок. Ленивая старая Нузак выбрала нагретый заходящим солнцем белый валун и прилегла возле него вздремнуть, а Неева отправился искать приключений в одиночку и вскоре столкнулся со свирепым жуком.

Это был гигантский рогач, дюйма два длиной. Его грозные челюсти были иссиня-чёрными и загибались, как железные крючья. Ярко-коричневые жёсткие крылья блестели на солнце, точно металлическая броня. Неева припал к земле и не сводил глаз с жука. Сердце его отчаянно билось.

Жук был от него в двух шагах и… двигался прямо на него. Это озадачило и возмутило Нееву. Все остальные живые существа, встреченные в этот день, убегали от него, а жук не захотел! Рогач двигался вперёд, перебирая шестью ногами, и прищёлкивал — это прищёлкивание Неева расслышал очень хорошо. В медвежонке взыграла воинственная кровь Суминитика, его отца, и он осторожно протянул вперёд лапу. В тот же момент Чегавассе, жук, преобразился самым страшным образом: его крылья загудели, как круговая пила, челюсти раскрылись так, что могли бы защемить палец взрослого мужчины, и он весь завибрировал, словно исполняя боевой танец.

Неева поспешно отдёрнул лапу, и несколько секунд спустя Чегавассе успокоился и… опять пошёл вперёд.

Неева, разумеется, не мог знать, что поле зре-

ния жука не превышает четырёх дюймов[1], а потому совсем растерялся. Однако сын такого отца, как Суминитик, даже в возрасте девяти недель никак не мог уступить победу без боя. С мужеством отчаяния Неева снова протянул лапу, и, к несчастью для него, один из его маленьких коготков опрокинул Чегавассе на спину и прижал к земле так, что жук уже не мог ни гудеть, ни щёлкать. Медвежонка охватил неистовый восторг. Он принялся медленно-медленно подтягивать лапу к себе, и вскоре жук очутился прямо под его острыми зубками. И тут Неева понюхал свою добычу.

Чегавассе не упустил удобного случая. Мощные челюсти сомкнулись, и Нузак была внезапно разбужена отчаянным воплем. Она подняла голову и увидела, что Неева катается по земле словно в припадке. Он царапал землю, рычал и фыркал. Нузак несколько секунд задумчиво смотрела на сына, затем поднялась и направилась к нему. Большая материнская лапа перевернула Нееву на спину, и Нузак увидела, что в нос её отпрыска впился Чегавассе. Распластав Нееву на спине, так что он не мог пошевелиться, Нузак захватила

---

[1] Примечания: 1
Дюйм — 2,54 сантиметра.

жука зубами и принялась медленно их сжимать, пока Чегавассе не разжал челюсти. И тогда она его проглотила.

До самых сумерек Неева старался утишить боль в носу. Когда начало смеркаться, Нузак привалилась к большой скале, и Неева плотно поужинал. А потом он свернулся в изгибе её большой тёплой лапы, словно в уютном гнезде. Нос у него всё ещё побаливал, но медвежонка счастливее него не нашлось бы на всём свете: после своего первого дня в лесу он чувствовал себя необыкновенно мужественным и бесстрашным, хотя от роду ему было всего девять недель. Он посмотрел мир, он увидел очень много нового и если не сумел победить жука, то всё равно показал себя с самой лучшей стороны.

Глава 2

В эту ночь Неева перенёс жестокий приступ «миступайю», или, проще говоря, у него сильно разболелся живот. Представьте себе, что младенец, привыкший только к материнскому молоку, вдруг накинется на бифштекс! А именно это и сделал Неева. Обычно такой переход к твёрдой пище происходит у медвежат постепенно и на месяц позже, но природа словно нарочно преподала Нееве курс ускоренного обучения, как будто сознательно готовя его к той тяжкой и неравной борьбе, которая поджидала его в недалёком будущем. Несколько часов Неева вопил и хныкал, а Нузак массировала носом его вспученный животик; наконец его стошнило, и он почувствовал себя лучше.

После этого он крепко уснул. Когда же он проснулся и открыл глаза, их ослепило красное пламя. Накануне солнце весь день было золотое, сверкающее, далёкое, а теперь впервые он увидел, как оно встаёт над горизонтом весенним северным утром. Это солнце было алым, как кровь, и, пока Неева смотрел, оно быстро

поднималось из-за края земли, так что вскоре его срезанный низ закруглился и оно превратилось в огромный непонятный шар. Сначала медвежонок подумал, что это какое-то живое существо, какое-то чудовище, которое подбирается к ним по вершинам деревьев, и с негромким визгом вопросительно покосился на мать. Однако Нузак ничуть не испугалась таинственного шара. Её большая голова была повёрнута к нему, и она довольно щурилась. В эту минуту и Неева ощутил приятное тепло, исходившее от алого шара, и, несмотря на пережитый испуг, блаженно заурчал. Вскоре солнце из алого снова стало золотым, и вся долина вновь наполнилась радостным биением жизни.

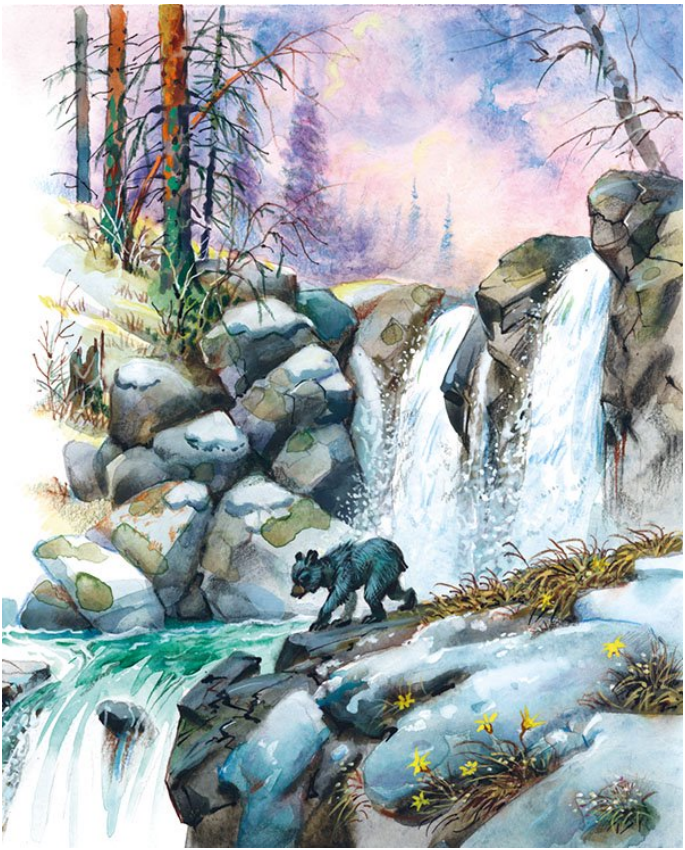
Ещё две недели после этого первого солнечного восхода, который довелось увидеть Нееве, Нузак оставалась возле гряды каменистых холмов и целыми днями бродила вокруг болотца. Затем, когда Нееве исполнилось одиннадцать недель, она обратила нос в сторону далёких чёрных лесов и отправилась в летние странствия. Подошвы Неевы загрубели, и он весил уже добрых шесть фунтов[2] — неплохая прибавка, если вспомнить,

---

[2] Примечания: 2
Фунт — 0,45 килограмма.

что в первый день его жизни его вес был меньше одного фунта.

Именно с того дня, как Нузак отправилась в свой поход, и начались настоящие приключения Неевы. В глухих таинственных чащах ещё попадались сугробы, даже не начинавшие таять, и первые два дня Неева всё время хныкал, тоскуя по солнечной долине. Они прошли мимо водопада, и Неева впервые узнал, с какой бешеной силой может мчаться вода. Всё темнее, мрачнее и глуше становился лес, по которому шла Нузак. В этом лесу Неева получил первые охотничьи уроки. Нузак уже далеко углубилась в низины между хребтом Джексона и водоразделом, с которого берут начало притоки Шаматтавы. Ранней весной эти места превращаются в настоящий медвежий рай.



Когда Нузак не спала, она без устали разыскивала пищу: то копалась в земле, то переворачивала камни, то разламывала на мелкие кусочки гнилые стволы и пни. Любимым её лакомством были, несмотря на их малую величину, крохотные серые лесные мыши, и Неева только дивился, видя, какими стремительными становились движения его старой, неуклюжей матери, когда ей попадался на глаза живой серый комочек. Иногда Нузак удавалось позавтракать целым выводком, прежде чем мыши успевали разбежаться. Кроме того, она поедала ещё по-зимнему сонных лягушек и жаб, муравьёв, которые валялись в древесной трухе скрюченные и неподвижные, а иногда и шмелей, шершней и ос. Неева, конечно, тоже перепробовал все эти медвежьи блюда. На третий день Нузак откопала большой смёрзшийся ком зимующих уксусных муравьёв. Ком этот был величиной в два кулака взрослого мужчины, и Неева вдосталь полакомился кисловато-сладкими муравьями, которые показались ему удивительно вкусными.

По мере того как дни становились всё теплее, съедобные существа, прятавшиеся под камнями и валежником, оживали и уже сами выбирались на свет. Теперь Неева познал волнующую радость

самостоятельной охоты. Он встретился ещё с одним жуком и убил его. Он поймал свою первую лесную мышь. В нём стремительно развивались черты характера, унаследованные от Суминитика, его старого забияки-отца, который жил через три долины к северу от них и никогда не упускал случая затеять драку. Когда Нееве исполнилось четыре месяца — это произошло в конце мая, — он спокойно ел пищу, которую ни за что не смогли бы переварить желудки большинства медвежат его возраста, и от кончика его нахального носишки до кончика короткого хвоста в нём не нашлось бы ни капли трусости. Он весил в это время девять фунтов и был чёрен как трубочист.

Однако в первую неделю июня произошло роковое событие, которое положило начало великой перемене в судьбе Неевы, и случилось оно в такой тёплый и ласковый солнечный день, что Нузак сразу же после обеда улеглась вздремнуть. К этому времени они уже выбрались из густых лесов и бродили по долине, в которой между длинных белых песчаных кос петляла по камушкам мелкая речушка. Нееве не спалось. У него не было никакого желания дремать в такой чудесный день. Он глядел на окружающий удивительный мир круглыми любопытными

глазёнками и слышал его неумолчный манящий зов. Он посмотрел на мать и взвизгнул. Ему по опыту было известно, что Нузак будет лежать так много часов, если только он не куснёт её за пятку или за ухо. Но и тогда она только заворчит на него и снова погрузится в сон. Это ему надоело. Ему хотелось чего-нибудь более интересного, и со внезапной решимостью он в поисках приключений затрусил прочь от спящей Нузак.

В этом огромном золотисто-зелёном мире Неева был маленьким чёрным шариком, почти одинаковым в длину и в ширину. Он спустился к речке и поглядел через плечо. Отсюда он ещё видел Нузак. Потом его лапы погрузились в мягкий белый песок широкого пляжа, и он забыл про мать.

Дойдя до конца пляжа, медвежонок вскарабкался по зелёному откосу — молодая травка нежила его подошвы, как бархат. Тут он принялся переворачивать небольшие камни в поисках муравьёв. Потом он вспугнул земляную белку и двадцать секунд гнался за ней, почти не отставая. Несколько минут спустя прямо перед его носом вспрыгнул большой кролик, и он помчался за ним, но Вапуз в десять длинных прыжков добрался до зарослей и скрылся в них. Неева сморщил нос и визгливо зарычал. Никогда ещё кровь Суминитика не

бушевала в нём с такой силой. Ему не терпелось вцепиться во что-нибудь. Впервые в жизни ему хотелось подраться — всё равно с кем. Он был похож на мальчишку, который получил в подарок на Новый год боксёрские перчатки и не может найти себе противника. Неева присел на задние лапы и воинственно посмотрел по сторонам, всё ещё морща нос и вызывающе рыча. Он победил весь свет. Это он знал хорошо. Всё живое в мире боялось его матери. Всё живое в мире боялось его самого. И вот результат — юному храбрецу не с кем помериться силами. Было от чего прийти в бешенство! Мир оказался довольно пресной и скучноватой штукой.

Неева повернул в другую сторону, вышел к большому камню и вдруг застыл на месте.

Из-за дальнего конца камня торчала большая задняя лапа. Несколько секунд Неева созерцал эту могучую лапу, полный приятного предвкушения. Сейчас он так цапнет мать, что она уже больше не уснёт до самой ночи! Он заставит её окунуться в радость этого прекрасного дня или он будет не он! И Неева крадучись подобрался к лапе, выбрал удобную подушечку, не прикрытую шерстью, и погрузил в неё свои зубки до самых дёсен.

Раздался рёв, от которого содрогнулась земля. Следует упомянуть, что укушенная лапа принадлежала вовсе не Нузак, а была собственностью Макуза, старого свирепого медведя, всегда отли-

чавшегося на редкость скверным характером. С возрастом он стал особенно зол и, в отличие от Нузак, утратил всякое добродушие и мягкость. Макуз вскочил на ноги, прежде чем Неева успел сообразить, какую он совершил ошибку. Старый медведь был не только угрюм и злобен — он к тому же особенно ненавидел медвежат. На своём веку он, случалось, и закусывал ими. Короче говоря, Макуз был «учаном» — так индейцы-охотники называют медведей-каннибалов, которые едят своих сородичей, и едва взгляд его налитых кровью глазок упал на Нееву, как он испустил новый рёв.

Тут Неева напряг свои толстые лапки и во весь дух пустился наутёк. Никогда ещё он не бегал так быстро. Инстинкт подсказывал ему, что наконец-то он встретил существо, которое его не боится, и что ему грозит смертельная опасность. Неева бежал, не выбирая направления, потому что ошибка, которую он допустил, совсем его ошеломила и он совершенно не представлял,

где находится его мать. Позади него раздавался топот Макуза, и он испустил отчаянный вопль, исполненный ужаса и мольбы о помощи. Нузак, любящая, мужественная мать, услышала этот вопль. Она вскочила на ноги — и как раз вовремя. Из-за камня, около которого она спала, выскочил Неева, точно чёрное пушечное ядро, а в десяти шагах за ним бежал, настигая его, Макуз. Уголком глаза Неева заметил мать, но с разгона проскочил мимо. И тут Нузак бросилась на Макуза. Как регбист, прорывающийся с мячом, она всем весом своего тела ударила старого разбойника в рёбра, и два медведя покатились по земле в схватке, которая Нееве показалась чрезвычайно увлекательным и чудесным зрелищем.

Он остановился и начал наблюдать поединок своей матери с Макузом. Его выпуклые, как две луковички, глаза весело блестели. Всё утро он жаждал подраться, но то, что он увидел теперь, ввергло его в настоящий столбняк. Два медведя сцепились в смертельном объятии: они ревели, драли друг друга когтями и зубами, расшвыривая камешки и землю. Сначала преимущество было на стороне Нузак: её первый натиск оглушил Макуза, и теперь она стёртыми, сломанными зубами сжимала его горло, а мощными когтями

задних лап рвала его шкуру, так что по бокам старого злодея ручьями стекала кровь, и он ревел как задыхающийся бык. Неева понял, что его преследователю приходится туго, и, возбуждённым визгом подбодряя мать, в надежде, что она задаст старому Макузу хорошую трёпку, он подбежал к месту схватки, сморщил нос, с яростным рычанием оскалил зубы и принялся возбуждённо приплясывать в пяти шагах от дерущихся, дух Суминитика гнал его в бой, но одновременно ему было страшно.

Затем в положении бойцов неожиданно произошла перемена, и Неева в растерянности понял, что начал торжествовать слишком рано. Макуз, как самец, естественно, был более опытен в драках: внезапно он вырвал горло из челюстей Нузак, подмял её под себя и в свою очередь принялся раздирать её бока с таким бешенством, что бедная старая медведица жалобно застонала, и сердце Неевы оледенело от ужаса.

Что испытывает маленький мальчик, видя, как его отец терпит поражение? Конечно, он бросится ему на выручку и пустит в ход первую попавшуюся под руку палку. Всякий ребёнок считает, что его родители — самые лучшие, самые умные, самые сильные люди на свете. А в Нееве было много общего с человеческими детёнышами. Чем громче вопила его мать, тем острее он ощущал, что происходит неслыханная катастрофа. А если старость и лишила Нузак былой силы, мощь её голоса осталась прежней, так что её рёв разносился, наверное, на целую милю. Неева не выдержал — ослепнув от ярости, он кинулся вперёд. Совершенно случайно его крепкие маленькие челюсти сомкнулись на пальце именно Макуза, а не Нузак, но палец этот они пронзили как два ряда острых булавок. Макуз дёрнул лапой, но Неева только

крепче сжал челюсти. Тогда Макуз подогнул укушенную лапу и брыкнул ею так резко, что Неева, несмотря на всю свою решимость не размыкать зубов, взлетел в воздух, точно камень, пущенный из пращи[3]. Описав крутую дугу, он стукнулся о валун шагах в десяти от дерущихся и был настолько оглушён, что несколько секунд никак не мог подняться на ноги. Наконец в глазах у него прояснилось, он поглядел на мать и на Макуза, и его сердце снова отчаянно забилось.

Макуз уже не дрался — он улепётывал с поляны во все лопатки, заметно припадая на заднюю лапу.

Бедная старая Нузак стояла пошатываясь и глядела вслед убегающему врагу. Она задыхалась, как загнанная лошадь. Её пасть была широко открыта, язык высунут. С её боков на землю стекали струйки крови. Макуз умело измял её и искалечил. С первого взгляда можно было увидеть, что она потерпела решительное поражение. Но великолепное зрелище обращённого в бегство врага заслонило от Неевы всё остальное. Макуз позорно покинул поле боя! Следовательно, побеждён был именно он. И, ликующе повизгивая,

---

[3] Примечания: 3

Праща́ — древнее метательное оружие.

Неева кинулся к матери.

Глава 3

Они стояли облитые жарким солнцем июньского дня и смотрели, как Макуз торопливо взбирается на откос по ту сторону речки. В эту минуту Неева чувствовал себя старым закалённым бойцом, а вовсе не пузатым медвежонком с круглой мордочкой, которому едва исполнилось четыре месяца и который весит не четыреста фунтов, а всего девять.

Однако после того, как Неева сжал свирепыми зубками нежный палец Макуза, прошло ещё немало времени, прежде чем Нузак настолько отдышалась, что смогла издать глухое ворчание. Её бока раздувались, как кузнечные мехи, и, когда Макуз исчез в зарослях на другом берегу речки, Неева присел на толстые задние лапы, насторожил смешные круглые ушки и обеспокоенно уставился на мать круглыми блестящими глазами. Нузак с хриплым стоном повернулась и медленно побрела к большому валуну, возле которого она спала, когда её разбудили панические вопли Неевы. Ей казалось, что все её старые кости перебиты или вывихнуты. Она брела хромая, припадая к земле и постанывая, а позади неё по зелёной траве тянулись цепочки кровавых пятен. Макуз отделал её самым беспощадным образом.

Нузак со стоном легла и поглядела на Нееву, словно говоря: «Если бы не твои проказы, старый разбойник не взбесился бы и ничего этого не произошло бы! А теперь только погляди, что сталось со мной!»

Молодой медведь быстро оправился бы после подобной драки, но Нузак пролежала без движения весь вечер и всю ночь. А такой красивой ночи Неева ещё не видел. Теперь, когда ночи ста-

ли тёплыми, он полюбил луну ещё больше, чем любил солнце, потому что по своей природе, по всем своим инстинктам был более ночным бродягой, чем дневным охотником. Луна встала на востоке в золотистом ореоле. Купы елей и сосен казались тёмными островками в море серебряного света, а речка, петляя по озарённой луной долине, блестела и прыгала по камням, словно живое существо. Но Неева хорошо запомнил преподанный ему урок, и, как ни манили его луна и звёзды, он только теснее прижимался к матери, слушал доносившийся до него прихотливый хор ночных голосов и не двигался с места.

Когда забрезжил рассвет, Нузак встала, тихим ворчанием приказала Нееве следовать за собой и начала медленно подниматься по склону к озарённому солнцем гребню. Ей вовсе не хотелось двигаться, но где-то в глубине её сердца прятался страх, что злобный старый Макуз вернётся, — она понимала, что теперь он легко с ней справится, а потом позавтракает Неевой. Вот почему она принудила себя перебраться через гребень, пересечь ещё одну долину и сквозь узкую, похожую на дверь расселину выбраться в просторы холмистой равнины, где среди еловых и кедровых лесов на лугах блестели озёра. Всю прошлую неделю

Нузак неторопливо направлялась к одной из речек на этой равнине, а теперь, подгоняемая маячившей сзади грозной тенью Макуза, она трусила без отдыха, и короткие толстые лапки Неевы подгибались от усталости.

До речки они добрались далеко за полдень, и Неева был так измучен, что еле взобрался на ёлку, на которую мать послала его вздремнуть. Отыскав удобный развилок, он крепко уснул, а Нузак спустилась к воде, чтобы заняться рыбной ловлей. Речка кишела чукучанами[4], которые после метания икры не сумели выбраться через отмели, и час спустя Нузак уже устлала рыбами весь берег. Когда с наступлением сумерек Неева покинул свою воздушную колыбель, его ждал роскошный ужин, а сама Нузак успела наесться так, что стала похожа на бочку. Неева впервые в жизни попробовал рыбу. И после этого он целую неделю наслаждался этим изысканным лакомством. Он ел рыбу утром, днём и вечером, а когда был уже не в силах проглотить ни кусочка, то валялся на рыбах как на матрасе. И Нузак тоже обжиралась рыбой — казалось, шкура на ней вот-вот лопнет. Куда бы они ни шли, они несли

[4] Примечания: 4

Чукуча́н — пресноводная рыба, распространённая в Северной Америке.

с собой рыбный запах, который день ото дня становился всё более резким и потому всё больше нравился Нееве и его матери. Неева опять начал походить на перезрелый стручок. За эту неделю рыбных пиршеств он прибавил три фунта. Сосать материнское молоко ему уже больше не приходилось, потому что Нузак была слишком стара и молоко у неё совсем иссякло.

Под вечер восьмого дня Неева и его мать улеглись на краю травянистой лужайки, чтобы хорошенько поспать после дневного обжорства. Во всех здешних местах не сыскать было медведицы счастливей старой Нузак. Теперь ей уже не приходилось с утра до ночи отыскивать пищу — бочаги[5] речки хранили неисчерпаемые запасы вкуснейшей еды, и никакой другой медведь не посягал на её владения. Она полагала, что может рассчитывать на безмятежное существование в своих богатых охотничьих угодьях, пока речка не вздуется от летних гроз, а к тому времени должны были поспеть ягоды. И Неева, счастливый маленький гурман, сладко дремал рядом с ней.

Но в этот самый день, освещённый лучами того

---

[5] Примечания: 5
Боча́г — глубокое место в реке.

же самого заката, милях[6] в пяти-шести ниже по речке какой-то человек, стоя на четвереньках, рассматривал полосу влажного песка. Его закатанные к самым плечам рукава открывали тёмные от загара руки. Шляпы на нём не было, и вечерний ветерок взлохмачивал густую гриву белокурых волос, которые вот уже девять месяцев подравнивались только с помощью охотничьего ножа.

С одного бока этого человека стояло жестяное ведро, а с другого, глядя на человека с неутолимым любопытством, сидел такой некрасивый и такой симпатичный щенок, какой только мог родиться от отца — гончей маккензи — и матери, в жилах которой текла кровь эрдельтерьера и шпица.

Результат подобного смешения мог быть лишь просто дворнягой. Его вытянутый на песке хвост был очень длинным, с узлом на каждом суставе; лапы, крупные, точно ступни долговязого подростка, походили на миниатюрные боксёрские перчатки; голова у него была в три раза больше, чем полагалось бы по такому туловищу, а к тому же на помощь природе в её творческих усилиях

---

[6] Примечания: 6
Ми́ля — 1,61 километра.

пришёл несчастный случай, лишивший этот шедевр половины уха. Уцелевшая половина в эту минуту стояла торчком, а другое, целое, ухо загибалось вперёд, выражая неистовый интерес к тому, чем занимался хозяин. Голову, лапы и хвост щенок унаследовал от отца-маккензи, но его уши и худое поджарое тело возникли в результате битвы, разыгравшейся между кровью шпица и кровью эрдельтерьера. Добавьте ко всему этому детскую неуклюжесть, и вы получите такого щенка-дворняжку, какого нелегко отыскать даже в трущобах большого города.

Впервые за несколько минут хозяин нарушил молчание, и Мики завилял всем телом, от кончика хвоста до кончика носа, в восторге от того, что эти слова были обращены непосредственно к нему.

— Это медведица с медвежонком, Мики, можешь не сомневаться, — сказал хозяин. — И если я хоть как-то разбираюсь в медвежьих повадках, они провели тут добрую часть дня.

Он поднялся на ноги, поглядел на сгущающийся сумрак у лесной опушки и набрал в ведро воды. Последние лучи солнца на несколько секунд озарили его лицо — волевое и весёлое. Сразу было видно, что в этом человеке ключом бьёт радость

жизни. А теперь к тому же ему в голову пришла счастливая мысль, и в его глазах сверкали не только отблески заката, когда он добавил:

— Мики, я везу тебя, нескладёныша, к моей девчушке, потому что ты — неотполированный алмаз добродушия и красоты и за это она непременно тебя полюбит. Уж это-то я знаю твёрдо, недаром она — моя сестра. Так вот: если вместе с тобой я прихвачу ещё и медвежонка…

Насвистывая, он понёс ведро к еловой поросли шагах в сорока от них. Мики следовал за ним по пятам.

Чэллонер, недавно назначенный на одну из факторий[7] Компании Гудзонова залива, устроил свой лагерь на берегу озера, неподалёку от устья речки. Это был самый простенький лагерь: заплатанная палатка, видавший виды челнок и кучка пожитков. Но взгляду опытного лесовика стоянка Чэллонера, озарённая последними отблесками заката, сказала бы очень много. Он увидел бы снаряжение мужественного человека, который побывал на самом краю света и теперь возвращался с тем, что ещё уцелело. Чэллонер испытывал почти дружескую теплоту к этим

[7] Примечания: 7

Факто́рия — торговое поселение, образованное иностранными купцами на территории другого государства или колонии.

остаткам вещей, которые почти год помогали ему бороться с трудностями и лишениями. Челнок покоробился, был в нескольких местах пробит и хранил следы многочисленных починок; бури и дым костров так вычернили палатку, что цветом она больше всего напоминала древесный уголь, а сумки для провизии были почти пусты.

Над костром, к которому он вернулся с Мики, что-то ворчало и бурлило в котелке и на сковородке, а рядом с костром, в помятой и кое-как выправленной железной духовке, уже покрылся аппетитной коричневой корочкой пресный хлебец из муки, замешенной на воде. В котелке бурлил кофе, а на сковороде дожаривалась рыба.

Мики присел на костлявые задние лапы, упиваясь благоуханием рыбы. Он уже давно открыл, что предвкушение еды приносит почти столько же удовольствия, как и сама еда.

Щенок внимательно следил за Чэллонером, завершавшим последние приготовления к ужину, и его глаза блестели как два рубина. Каждые

две-три секунды он облизывался и сглатывал голодную слюну. Мики потому и получил свою кличку, что постоянно был голоден и как будто ничуть не насыщался, каким бы обильным обедом его ни угощали. Казалось, живот его всегда был пуст, как барабан, а «мики» на языке индейцев кри и значит «барабан».

Когда они съели рыбу и хлебец, Чэллонер закурил трубку и только после этого заговорил о

своих намерениях.

— Завтра я выслежу эту медведицу, — сказал он.

Мики, который свернулся в клубок возле угасающих углей, сильно ударил хвостом по земле, показывая, что он внимательно слушает.

— Я думаю подарить девчушке не только тебя, а ещё и медвежонка. Вот она обрадуется!

Мики снова забил хвостом, словно говоря: «Ну и отлично!»

— Нет, ты только подумай! — продолжал Чэллонер, глядя через голову Мики на родной дом, от которого его отделяла добрая тысяча миль. — Прошло уже четырнадцать месяцев, и мы наконец возвращаемся к себе домой. Я и тебя, и медвежонка обучу всему, что положено, чтобы вы не осрамились перед моей сестричкой. Тебе это придётся по вкусу, верно? Ты её не знаешь, а то бы ты сейчас не сидел, уставясь на меня, точно деревянная игрушка! И где тебе, глупышу, вообразить, какая она красавица! Вот ты видел сегодняшний закат? Так она ещё красивее, и я говорю это не потому, что она мне сестра. Хочешь что-нибудь добавить, Мики? Нет? Ну так позвольте пожелать вам спокойной ночи. Пора и на боковую.

Чэллонер встал и потянулся так, что у него за-

трещали кости. Его переполняла радость бытия.

Мики перестал стучать хвостом, тоже поднялся на свои неуклюжие лапы и последовал за хозяином в палатку.

Ранний летний серый рассвет только-только занимался, когда Чэллонер вылез из палатки и раздул костёр. Мики выбрался наружу через несколько минут после хозяина, и тот обвязал его шею истёртой верёвкой, а другой конец верёвки

обмотал вокруг молодого деревца и туго затянул узел. Другую такую же верёвку Чэллонер привязал к углам продовольственной сумки, чтобы её можно было надеть на плечи как рюкзак. Едва небо порозовело, он уже отправился выслеживать Нузак и Нееву. Мики, обнаружив, что его оставили одного в лагере, отчаянно заскулил, и когда Чэллонер оглянулся, он увидел, что щенок рвётся с привязи так отчаянно, что то и дело кувыркается через голову. Только отойдя на целую четверть мили, Чэллонер наконец перестал слышать протестующие вопли Мики.

Чэллонер отправился на эту охоту не только ради удовольствия и не только потому, что ему захотелось, кроме Мики, обзавестись ещё и медвежонком. Запас мяса у него кончился, а медвежатина в эту пору года бывает очень вкусной. А главное, ему совершенно необходимо было пополнить запас жира. Если удастся подстрелить эту медведицу, думал он, то до конца пути можно будет не тратить время на охоту, а это сэкономит ему несколько дней.

Только в восемь часов Чэллонер наконец обнаружил, несомненно, свежие следы Нузак и Неевы. У этого мыска Нузак ловила рыбу дней пять-шесть назад, и накануне они вернулись

сюда, чтобы полакомиться «дозревшей» добычей. Чэллонер обрадовался. Он не сомневался, что найдёт медведицу где-нибудь чуть выше по речке. Ветер дул ему навстречу, и он начал осторожно пробираться вперёд, держа ружьё наготове. Он шёл неторопливым, ровным шагом около часа, внимательно прислушиваясь ко всем звукам, доносившимся из зарослей перед ним, и стараясь не упустить в них ни одного подозрительного движения. Время от времени он облизывал палец и поднимал его вверх, проверяя, не переменил ли ветер направления. В сущности, эта охота не требовала особой хитрости. Всё и так складывалось в пользу Чэллонера.

Там, где долина расширялась и речка разбивалась на десяток узких рукавов, по песчаным и галечным отмелям лениво бродили Неева и его мать, намереваясь наловить себе на завтрак раков. Мир ещё никогда не казался Нееве таким прекрасным. От солнечного тепла мягкая шерсть на его спине распушилась, как у мурлыкающей кошки. Ему очень нравилось чавканье мокрого песка под его подошвами и напевное щекотное журчание струй вокруг его лап. Ему очень нравился сложный хор звуков вокруг: шелест ветра, вздохи, доносившиеся с вершин елей и кедров,

лепет речки, чириканье воробьёв, перекличка певчих птиц и больше всего — негромкое ворчание матери.

И на этих залитых солнцем отмелях Нузак внезапно почуяла приближение опасности. Весть о ней принёс переменивший направление ветер — старая медведица уловила запах человека!

Нузак тотчас застыла, как каменное изваяние. Глубокий рубец на её плече был памяткой о ране, которую она получила много лет назад, почти сразу же после того, как почуяла этот запах — запах единственного врага, которого она боялась. Вот уже три года её ноздри не улавливали его присутствия, и она почти забыла о существовании этого врага. И теперь его запах, неожиданно принесённый ветром, совсем её парализовал — он был таким сильным и страшным!

Тут и Неева словно почувствовал близость смертельной опасности. Он застыл чёрным шариком на белом песке в двухстах шагах от Чэллонера, не сводя глаз с матери, — его чуткий нос напряжённо пытался опознать угрозу, которой был пронизан воздух.

Затем раздался звук, какого он ещё никогда не слышал: оглушительный, отрывистый треск, чем-то похожий на гром, и всё-таки не гром, и

тут же он увидел, что его мать подскочила на месте и тяжело осела на передние лапы. Затем она поднялась и испустила отчаянное протяжное «у-уф!» — он никогда не слышал этого сигнала, но понял, что она велит ему бежать со всех ног, спасая жизнь.

Подобно всем заботливым и любящим матерям, Нузак, забывая о себе, думала только о том,

как спасти своего детёныша. Протянув лапу, она внезапно толкнула Нееву, и он припустился бежать к лесу. Нузак побежала за ним. Раздался второй выстрел, и над самой её головой что-то пронзительно и страшно свистнуло. Но Нузак не ускорила бега. Она держалась позади Неевы и подгоняла его, а брюхо её разрывала жгучая боль, словно в него вонзался раскалённый железный прут. Третья пуля Чэллонера зарылась в землю под лапой Нузак, когда они были уже у самой опушки.

Ещё мгновение — и они скрылись за спасительной стеной деревьев. Инстинкт гнал Нееву в самую густую чащу, а быстро слабеющая Нузак из последних сил торопила его сзади. В её старом мозгу сгущался страшный чёрный сумрак, который начинал застилать ей глаза, и она поняла, что её жизненный путь кончается здесь. Позади осталось двадцать лет, впереди она могла рассчитывать лишь на несколько минут, купленных отчаянным напряжением всего её существа. Она остановила Нееву под большим кедром и, как делала это много раз прежде, велела ему взобраться по стволу. На миг её горячий язык с последней лаской коснулся его мордочки, а потом она повернулась, чтобы дать свой последний

безнадёжный бой.

Она поплелась навстречу Чэллонеру, но в двадцати шагах от кедра остановилась в ожидании, низко опустив голову. Её бока тяжело вздымались, зрение совсем отказывалось служить, и вот с судорожным вздохом она упала на землю, преграждая путь врагу. Быть может, она на мгновение увидела золотые луны и жаркие солнца

всех её ушедших двадцати лет, быть может, она вновь услышала чудесную нежную музыку весны, сплетающуюся с извечной песней жизни, и в награду за материнскую самоотверженность смерть её была безболезненна и легка.

Когда Чэллонер подошёл к старой медведице, она была мертва. С укромной развилки, спрятанной высоко среди могучих ветвей кедра, Неева смотрел вниз, на первую страшную трагедию своей жизни и на приближающегося человека. При виде этого двуногого зверя он ещё плотнее прижался к суку, и его сердчишко готово было разорваться от неизъяснимого ужаса. Он ни о чём не думал. И не разум подсказал ему, что произошло непоправимое и что причиной тому было это двуногое существо. Его маленькие глазки поблёскивали над самой развилкой. Он не понимал, почему его мать не встаёт и не бросается на этого нового врага. Несмотря на свой испуг, он был готов свирепо зарычать, только бы она проснулась; он готов был спуститься с дерева и помочь ей победить, как тогда в схватке со старым разбойником Макузом. Но огромное тело Нузак застыло в неподвижности — она не шевельнулась, даже когда Чэллонер нагнулся над ней. Последняя искра жизни уже угасла в

старой медведице.

Лицо Чэллонера раскраснелось от охотничьего азарта. Он убил Нузак не ради забавы. Теперь он получил великолепную шкуру и достаточный запас мяса, чтобы без задержек добраться до цивилизованных мест. Прислонив ружьё к дереву, Чэллонер начал искать медвежонка. Он достаточно хорошо разбирался в звериных повадках и знал, что далеко от матери медвежонок уйти не мог, а потому принялся осматривать соседние заросли и большие деревья.

Неева во время этих поисков испуганно скорчился на своей развилке за завесой ветвей, стараясь стать как можно меньше. Через полчаса Чэллонер разочарованно махнул рукой и направился к речке, чтобы напиться перед тем, как освежевать свою добычу, — работа обещала быть нелёгкой.

Едва он скрылся из виду, как Неева настороженно высунул мордочку из-за сука. Подождав несколько секунд, медвежонок спиной вперёд соскользнул по стволу кедра на землю. Он испустил призывное повизгивание, но мать не шевельнулась. Он подошёл к ней и остановился возле её неподвижной головы, втягивая в ноздри воздух, пропитанный страшным запахом человека. По-

том он потёрся щекой о щёку матери, подсунул нос под её шею и, наконец, укусил её за ухо — решительное средство, к которому он прибегал, когда желал разбудить её во что бы то ни стало. Он ничего не понимал. Жалобно поскуливая, он взобрался на большую мягкую спину матери и прильнул к ней. Его поскуливание становилось всё более тоскливым, а потом из его горла вырвался жалобный плач, удивительно похожий на плач ребёнка.

Чэллонер, уже возвращавшийся от речки, услышал этот жалобный вопль, и внезапно его сердце мучительно сжалось. Ему приходилось слышать, как плакали осиротевшие дети, и этот медвежонок, лишившийся матери, плакал точно так же.

Осторожно подкравшись к телу Нузак под прикрытием разлапистой карликовой ели, он увидел Нееву на спине мёртвой медведицы. За свою жизнь Чэллонер убил немало зверей, потому что убивать их и скупать шкуры зверей, убитых другими людьми, было его профессией. Но ничего подобного ему ещё не доводилось видеть, и у него возникло такое ощущение, словно он совершил преступление.

— Ах ты бедняга! — прошептал он. — Но что ж теперь сделаешь? Можно только пожалеть…

Эти слова прозвучали как просьба о прощении. Но раз дело было уже начато, необходимо было довести его до конца — ничего другого Чэллонеру не оставалось.

И вот так тихо, что Неева не услышал его шагов, он подкрался к нему с подветренной стороны. Медвежонок заметил опасность, когда Чэллонер

был от него всего в пяти шагах. И не успел он опомниться и спрыгнуть со спины матери, как охотник накинул на него сумку для провизии.

Следующие пять минут были, пожалуй, самыми бурными пятью минутами в жизни Чэллонера. Горе и страх Неевы отступили на второй план — в нём взыграла кровь свирепого старого Суминитика, его отца. Он царапался, кусался, бил лапами и рычал. В течение этих пяти минут он дрался, как пять дьяволят, вселившихся в одного медвежонка, и когда Чэллонер наконец обвязал верёвку вокруг его шеи и запихнул толстенькое тельце Неевы в сумку, его руки были покрыты глубокими кровоточащими царапинами.

Однако и в сумке Неева продолжал буйствовать, пока совсем не обессилел, а Чэллонер тем временем освежевал старую медведицу и срезал с её туши мясо и жир, которые были ему нужны, чтобы продолжать путь без больших задержек. Оценив достоинства шкуры Нузак, Чэллонер довольно улыбнулся, затем завернул в неё жир и мясо, перевязал свёрток сыромятным ремнём и вскинул на спину, словно заплечный мешок. Сгибаясь под тяжестью этой ноши, он поднял с земли ружьё… и Нееву. В путь к своему лагерю он двинулся в разгар дня, а добрался туда на закате.

Всю дорогу Неева сопротивлялся с упорством спартанского воина и затих, только когда до стоянки оставалось не более полумили.

Но теперь медвежонок лежал в сумке из-под провизии обмякнув, еле живой, и, когда Мики подозрительно обнюхал его тюрьму, он даже не шевельнулся. Все запахи теперь казались Нееве одинаковыми, и он не различал звуков, но и Чэллонер еле держался на ногах. Каждая мышца, каждая косточка в его теле болела или ныла на свой лад. И всё-таки на его потном, перепачканном лице играла гордая улыбка.

— Ну и храбрый же ты, чертёнок! — сказал он, глядя на неподвижный мешок и впервые за весь день набивая трубку. — Ах ты чертёнок, чертёнок!

Он привязал конец верёвки, обмотанной вокруг шеи Неевы, к молодому деревцу и принялся осторожно развязывать сумку. Потом он вывалил Нееву на землю и отступил на несколько шагов. В эту минуту Неева был готов заключить с Чэллонером перемирие, но когда, оказавшись на земле, он раскрыл полуослепшие глаза, то увидел перед собой вовсе не Чэллонера. Он увидел Мики, который, повиливая всем телом от снедавшего его любопытства, как раз вознамерился обнюхать

нежданного гостя!

Глазки Неевы загорелись злобным огнём. А вдруг этот нескладный корноухий детёныш двуногого зверя тоже враг? А вдруг подёргивания неизвестного существа и широкие взмахи его хвоста — это вызов на бой? Неева истолковал их именно так. Во всяком случае, перед ним был противник одного с ним роста, и, натянув верёвку до предела, он в мгновение ока набросился на щенка. Мики, всего секунду назад полный самых дружеских чувств, был опрокинут на спину. Он отчаянно болтал своими нелепыми лапами и призывал на помощь, отчаянным визгом нарушая безмятежное безмолвие золотого вечера.

Чэллонер не мог сдвинуться с места от удивления. Через секунду он опомнился и собирался уже разнять драчунов, но его вмешательство не понадобилось. Неева, стоявший над Мики, который задрал все четыре лапы в воздух, словно сдаваясь на милость победителя, медленно выпустил из зубов загривок щенка. Он снова увидел перед собой двуногого зверя. Инстинкт, несравненно более могучий, чем его примитивные мыслительные процессы, заставил его застыть без движения, вперяя глазки-бусины в лицо Чэллонера. Мики заболтал ногами в воздухе, тихонько взвизгнул и

застучал хвостом по земле, словно прося пощады; потом он облизнулся и заёрзал, как будто объясняя Нееве, что у него не было никаких дурных намерений. Неева, не спуская глаз с Чэллонера, вызывающе зарычал и медленно отступил от Мики. Но Мики, боясь пошевелиться, продолжал лежать на спине и болтать лапами.

Чэллонер вне себя от удивления тихонько попятился к палатке, залез в неё и продолжал наблюдать за медвежонком и щенком сквозь прореху в брезенте.

Свирепое выражение сошло с мордочки Нееевы. Он поглядел на щенка. Возможно, какой-то глубоко скрытый инстинкт подсказывал ему, что маленьким детям нужны братья и сёстры — нужны товарищи для весёлых игр. И Мики, вероятно, почувствовал перемену в настроении мохнатого чёрного зверёныша, который ещё минуту назад был его врагом. Он исступлённо забил хвостом по земле и замахал на Нееву передними лапами. Затем он с некоторой опаской перекатился на бок. Неева не шевельнулся. Мики радостно завилял всем телом.

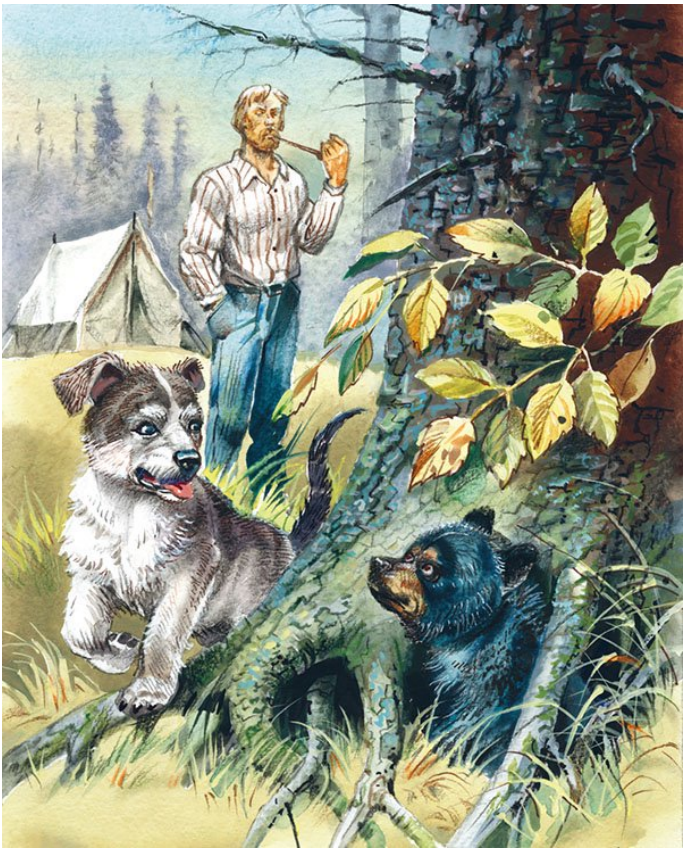
И Чэллонер, наблюдавший за ними сквозь прореху в брезенте, увидел, как они осторожно обнюхали друг друга.

Глава 4

Вечером поднялся северо-восточный ветер и пошёл мелкий холодный дождь. На заре Чэллонер вылез в промозглую утреннюю сырость, чтобы развести костёр, и увидел, что Неева и Мики спят, тесно прижавшись друг к другу, в неглубокой яме под корнем большой ели. Первым человека увидел медвежонок, и в течение нескольких секунд, прежде чем проснулся щенок, блестящие глаза Неевы были устремлены на непонятного врага, который невозвратимо изменил его прежний мир. Он был так измучен, что крепко проспал всю первую ночь своего плена и за долгие часы сна успел позабыть о многом. Но теперь он вспомнил все события прошлого дня и, забившись глубже под корень, тихим визгом позвал мать — таким тихим, что его уловил только Мики.

Это повизгивание и разбудило щенка. Мики медленно выпутался из клубка, в который свернулся ночью, потянулся, разминая длинные нескладные ноги, и зевнул так громко, что Чэллонер услышал этот зевок. Человек обернулся и увидел, что из ямы у корней большой ели на него

смотрят две пары глаз. Целое ухо щенка и обрубок второго встали торчком, и он приветствовал хозяина заливчатым радостным лаем, в который вложил всё своё необузданное добродушие. Бронзовое лицо Чэллонера, выдубленное ветрами и метелями Севера, мокрое от серой измороси, расплылось в ответной улыбке, и Мики выбрался из ямы, извиваясь всем телом и выделывая несуразные кренделя в попытке выразить то безмерное счастье, которым преисполнила его улыбка хозяина.



Теперь, когда в его распоряжении оказалась вся яма, Неева забился в дальний её угол — только его круглая голова торчала оттуда, и из этой крепости, обещавшей хотя бы временную безопасность, он злобным, испуганным взглядом следил за убийцей своей матери.

Перед ним снова с невыносимой ясностью развёртывалась вчерашняя трагедия: залитая солнечным светом отмель, на которой они с Нузак мирно ловили раков, когда неведомо откуда появился этот двуногий зверь, удар какого-то странного грома, их бегство к лесу и завершение всего — последняя попытка Нузак остановить врага. Однако теперь, утром, наиболее мучительным было воспоминание не о гибели матери, а о его собственном ожесточённом сопротивлении двуногому зверю и о чёрной душной сумке, в которой Чэллонер принёс его в лагерь. А Чэллонер в эту минуту как раз поглядывал на свои исцарапанные руки. Потом он шагнул к ели и улыбнулся Нееве той же дружеской улыбкой, какой недавно улыбался Мики, неуклюжему щенку.

Глазки Неевы зажглись красным огнём.

— Я же объяснил тебе вчера, что жалею об этом, — сказал Чэллонер, словно обращаясь к человеку.

В некоторых отношениях Чэллонер совсем не походил на типичного обитателя северного края. Например, он верил в особые свойства мозга животных и был убеждён, что у животного, если с ним разговаривать и обращаться как с товарищем-человеком, может развиться особая способность воспринимать и понимать сказанное, которую он весьма ненаучно считал разумом.

— Я объяснил тебе, что жалею об этом, — повторил он, присаживаясь на корточки всего в двух шагах от корня, из-под которого выглядывали яростные глазки Неевы. — И я правда жалею. Я жалею, что убил твою мать. Но нам было нужно мясо и жир. Что поделаешь! А мы с Мики постараемся возместить тебе твою потерю. Мы возьмём тебя с собой к моей сестрёнке, и если ты её не полюбишь, значит, ты самый последний бессердечный чурбан и вообще не заслуживаешь, чтобы у тебя была мать. Вы с Мики будете расти, как братья. Его мать тоже умерла — сдохла от голода, а это намного хуже, чем сразу умереть от пули. И я нашёл Мики совсем как тебя: он тоже прижимался к ней и плакал, словно ему не для чего было больше жить. Ну так смотри веселей и дай лапу. Давай обменяемся рукопожатием.

Чэллонер протянул руку. Неева не шелохнулся. Всего несколько секунд назад он зарычал бы и оскалил бы зубы. Но теперь он сохранял полную неподвижность. Такого странного зверя ему ещё никогда не приходилось видеть. Вчера этот двуногий не причинил ему никакого вреда — только посадил в сумку. И теперь он тоже, по-видимому, не замышлял ничего дурного. Более того, в звуках, которые он испускал, не было ничего враждебного или неприятного. Неева покосился на Мики. Щенок протиснул морду между колен Чэллонера и глядел на медвежонка с глубоким недоумением, словно спрашивая: «Ну, чего ты сидишь под корнем? Почему не вылезешь помочь с завтраком?»

Рука Чэллонера придвинулась ближе, и Неева совсем вжался в дальнюю стенку ямы. И тут произошло чудо. Лапа двуногого зверя коснулась его головы, и от этого по всему его телу пробежала непонятная, томительная дрожь. Однако лапа не причинила ему никакой боли. Если бы он не затиснулся в тесный угол, он постарался бы укусить её и исцарапать. Но теперь он просто не имел возможности пошевелиться.

Чэллонер медленно сдвигал пальцы на загривок Неевы, где кожа лежала свободными

складками. Мики, догадываясь, что сейчас должно произойти что-то необычайное, внимательно следил за всеми действиями хозяина. И вот пальцы Чэллонера сомкнулись, быстрым движением он извлёк Нееву на свет божий и продолжал держать в воздухе на вытянутой руке. Неева вскидывал лапами, извивался и так вопил, что Мики из дружеского сочувствия принялся выть, и вдвоём они подняли совсем уж оглушительный шум. Через полминуты Чэллонер снова посадил Нееву в сумку, но на этот раз он оставил его голову снаружи, крепко стянув тесёмки и для верности обмотав шею медвежонка сыромятным ремнём. Таким образом, три четверти Неевы находились в плену и только голова осталась на свободе. Одним словом, он был живой иллюстрацией к пословице, что медвежонка в мешке не утаишь.

Оставив Нееву возмущённо кататься по земле, Чэллонер занялся приготовлением завтрака. Однако Мики, против обыкновения, не следил за ним голодными глазами: щенок нашёл зрелище, показавшееся ему более интересным, чем даже увлекательная процедура стряпни. Мики крутился возле Неевы, смотрел, как он бьётся в мешке, слушал его вопли и, полный сочувствия, тщетно пытался как-то помочь ему. В конце концов Не-

ева затих, а Мики сел возле него и посмотрел на хозяина если и не с прямым осуждением, то, во всяком случае, с горьким недоумением.

Серые тучи уже начинали розоветь и редеть, обещая ясный день, когда Чэллонер был наконец готов вновь отправиться в путь на юг. Он уложил в челнок весь свой багаж, а потом очередь дошла и до Мики с Неевой. На носу он из шкуры старой медведицы устроил мягкое гнездо, а затем подозвал Мики и обвязал его шею концом старой верёвки, а другой её конец завязал вокруг шеи Неевы. В результате и медвежонок, и щенок оказались на одной сворке длиной в ярд[8]. Ухватив их обоих за загривок, Чэллонер отнёс их в лодку и положил в гнездо, которое устроил из медвежьей шкуры.

[8] Примечания: 8
Ярд — 0,91 метра.

— Ну, малыши, ведите себя прилично! — предупредил он их. — Сегодня нам надо сделать не меньше сорока миль, чтобы наверстать время, потерянное вчера.

Когда челнок покинул заводь, над восточным

горизонтом из туч вырвался сноп солнечных лучей.

Глава 5

За те несколько секунд, которые потребовались, чтобы челнок плавно заскользил по широкой глади озера, в Нееве произошла поразительная перемена. Чэллонер её не заметил, а Мики не осознал. Однако каждая жилка в теле Неевы трепетала и сердце колотилось, как в тот замечательный день, когда его мать победила в драке старого Макуза. Медвежонку казалось, что вот-вот всё пойдёт по-прежнему, всё утраченное вернётся, — ведь он чуял запах своей матери! Он скоро обнаружил, что её запах был особенно свеж и силён в мохнатой штуке, которая лежала под

ним, и поглубже вжался в неё, распластавшись на толстом пузике и поглядывая на Чэллонера из-за сложенных лап.

Ему никак не удавалось понять и связать эти две вещи — двуногий зверь на корме гнал челнок по воде, а он в то же время ощущал под собой спину матери, тёплую и мягкую, но почему-то совсем неподвижную. И он не сумел сдержаться — тихим и горестным повизгиванием он позвал мать. Но ответа не последовало. Только Мики сочувственно заскулил — так ребёнок начинает плакать, если видит слёзы приятеля. А мать Неевы не пошевелилась. Не ответила. Да он и не видел её — тут была только её чёрная мохнатая шкура. Без головы, без лап, без больших голых пяток, которые он любил щекотать, и без ушей, которые он любил покусывать.

Тут не было от неё ничего, кроме свёртка чёрной шкуры и… запаха!

И всё-таки испуганное маленькое сердце Неевы находило утешение и в этом. Он ощущал близость непобедимой силы, которая охраняла его. Тепло солнечных лучей распушило шерсть медвежонка; он опустил коричневый нос между передними лапами и сунул его в материнский мех. Мики тоже положил голову на передние

лапы и внимательно следил за своим новым приятелем, словно пытаясь разгадать его тайну. В его смешной голове, увенчанной одним целым ухом и одной половинкой уха и украшенной щетинистыми бакенбардами[9], которые он унаследовал от деда-эрделя, шла напряжённая работа. Вначале он встретил Нееву как друга и товарища, а тот вместо благодарности задал ему хорошую трёпку. Впрочем, это Мики готов был простить и забыть. Но вот полнейшего равнодушия Неевы к его персоне он простить не мог. Медвежонок просто не замечал его неуклюжих изъявлений симпатии и сочувствия. Когда он лаял, прыгал, припадал к земле и извивался всем телом, дружески приглашая его поиграть в пятнашки или просто устроить весёлую возню, Неева только смотрел на него непонимающими глазами, как дурачок. Возможно, Мики проникся убеждением, что Неева вообще ничего, кроме драк, не любит. Во всяком случае, прошло много времени, прежде чем он предпринял новую попытку завязать дружбу с медвежонком.

Произошло это спустя несколько часов после завтрака, когда солнце было уже на полпути к

---

[9] Примечания: 9

Бакенба́рды — волосы по бокам головы, между висками и ртом.

зениту. Неева всё ещё лежал не шевелясь, и Мики невыносимо скучал. Ночной дождь остался лишь неприятным воспоминанием — в синем небе над их головами не было ни облачка. Челнок уже давно покинул озеро, и Чэллонер гнал его теперь по прозрачной речке, которая вилась по южному склону водораздела, пролегающего между хребтом Джексона и Шаматтавой. Чэллонер никогда прежде не плавал по этой речке, вытекавшей из озера, и, опасаясь водопада или порогов, он внимательно вглядывался в даль и всё время был начеку. Последние полчаса течение постепенно убыстрялось, и Чэллонер не сомневался, что скоро ему придётся перетаскивать челнок по берегу волоком. Вскоре он услышал впереди низкий непрерывный гул и понял, что приближается к опасному месту. Когда он стремительно обогнул следующий мысок, держась совсем рядом с берегом, он увидел в ярдах пятистах впереди белое кипение воды и пены между камнями.

Чэллонер быстро оценил положение. Правый берег у порогов круто уходил вверх почти отвесным обрывом, слева вплотную к воде подступал густой лес. Чэллонер сразу понял, что тащить челнок волоком можно будет только по левому берегу, а он в этот момент плыл у правого берега.

Он повернул челнок под углом в сорок пять градусов и принялся грести, напрягая все силы. По его расчёту, у него едва хватало времени, чтобы добраться до левого берега, прежде чем течение станет опасным. Сквозь свирепое рокотание порогов Чэллонер теперь расслышал грохочущий рёв водопада где-то дальше за ними.

Вот в эту-то роковую минуту Мики и решил ещё раз попытаться расшевелить Нееву. Дружелюбно тявкнув, он ударил его лапой. А костлявые, длинные лапы Мики были непомерно велики для такого молодого щенка, и удар, пришедшийся по кончику носа Неевы, можно было бы сравнить с хорошим тычком боксёрской перчаткой. Немалую роль для дальнейшего сыграла также неожиданность этого удара. В довершение всего Мики взмахнул другой лапой, как дубинкой, и угодил Нееве в глаз! Этого нельзя было бы снести даже от друга. Зарычав, Неева выскочил из своего гнезда и сцепился со щенком.

Не следует забывать, что Мики, хотя он постыдно запросил пощады в их первой стычке, тоже происходил из рода испытанных бойцов. Смешайте кровь гончей маккензи — самой крупнокостной, самой широкогрудой, самой сильной собаки северного края — с кровью шпи-

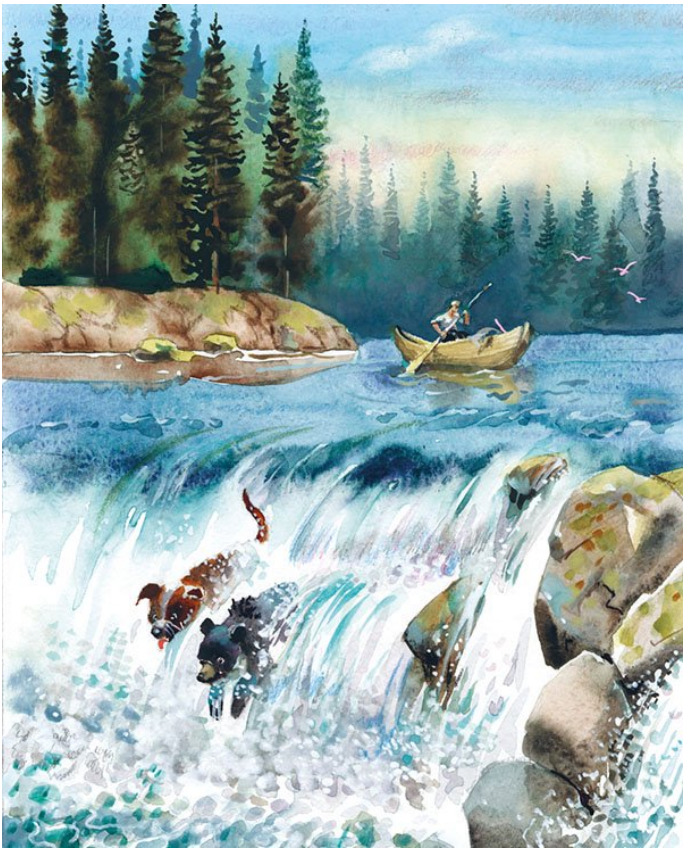
ца и эрдельтерьера, и вы получите нечто весьма незаурядное. Если гончая маккензи при всей своей бычьей силе отличается неизменным добродушием и миролюбием, то северные шпицы и эрдельтерьеры все без исключения большие забияки, и ещё вопрос, кого из них следует считать более воинственной породой. И внезапно в маленьком покладистом щенке проснулся дьявол. На этот раз Мики не стал покорно тявкать, прося пощады. Он рванулся навстречу челюстям Неевы, и через две секунды они уже сцепились в великолепной драке на носу челнока — месте, менее всего подходящем для подобного занятия.

Они не обращали внимания на грозные окрики Чэллонера, который продолжал отчаянно грести, чтобы преодолеть течение, увлекавшее его к порогам. Неева и Мики были слишком поглощены друг другом и не слышали его. Все четыре лапы Мики снова болтались в воздухе, но на этот раз его острые зубы крепко стискивали складку кожи на горле Неевы, а лапами он толкал и бил медвежонка, и, наверное, Нееве пришлось бы плохо, если бы не случилось того, чего опасался Чэллонер. Всё ещё свившись в тесный клубок, они скатились с носа челнока в стремнину.

Секунд на десять они скрылись под водой.

Затем вынырнули в добрых пятидесяти ярдах ниже по течению — бок о бок они уносились к неизбежной гибели, и с губ Чэллонера сорвался придушенный крик: спасти их он не мог, и в этом крике слышалось искреннее горе. Много недель Мики был его единственным товарищем и собеседником.

Связанные верёвкой длиной в один ярд, Мики и Неева вместе нырнули в бурлящий водоворот. Мики следовало бы только возблагодарить судьбу за то, что хозяин привязал его на одну верёвку с медвежонком. Мики в свои три месяца весил четырнадцать фунтов, причём на восемьдесят процентов он состоял из костей и лишь на один процент из жира. Неева же весил тринадцать фунтов и на девяносто процентов состоял из жира. Поэтому плавучесть Мики равнялась плавучести небольшого железного якоря, тогда как Неева держался на воде как спасательный пояс и был практически непотопляем.



Ни в щенке, ни в медвежонке не нашлось бы и капли трусости. Оба унаследовали от своих предков упрямое мужество, и, хотя первые сто ярдов Мики почти всё время находился под водой, он ни на мгновение не прекращал упорных попыток выбраться на поверхность. Иногда его переворачивало на спину, иногда на живот, но в любом положении он работал всеми своими четырьмя огромными лапами как вёслами. В известной степени это помогало Нееве, который делал поистине героические усилия, чтобы не наглотаться воды. Будь он один, благодаря десяти фунтам своего жира он пронёсся бы через пороги, как обтянутый шкурой мячик. Однако он тащил на шее четырнадцатифунтовый груз, и ему грозила серьёзная опасность захлебнуться. Раз десять, когда Мики засасывал очередной водоворот, Неева тоже полностью исчезал под водой. Однако он тут же выплывал, отчаянно загребая всеми четырьмя короткими толстыми лапами.

Затем их принесло к водопаду. К этому времени Мики уже привык передвигаться под водой и, к счастью для себя, не увидел, какой новый ужас поджидает их впереди. Его лапы почти перестали двигаться. Он ещё слышал рёв, забивавший ему уши, но рёв этот уже перестал его пугать. Дело

в том, что Мики к этому времени захлебнулся и постепенно терял сознание. Нееве же было отказано в безболезненной смерти. Когда наступил гибельный миг, он прекрасно понимал, что происходит. Его голова находилась над водой, и он всё отлично видел и слышал. Внезапно река ушла из-под него, и он унёсся вниз, увлекаемый водной лавиной и больше уже не ощущая тяжести Мики на своей шее.

Чэллонер мог бы совершенно точно определить глубину омута ниже водопада. Если бы Неева был способен высказать по этому поводу своё мнение, он поклялся бы, что глубина эта равна миле. Мики же не был способен ничего определять, и его совершенно не волновало, равна ли глубина омута двум футам или двум милям. Лапы больше ему не повиновались, и он отдался на волю судьбы. Однако Неева всплыл, а с ним и Мики — как грузило за поплавком. Щенок уже готовился испустить последний вздох, но тут течение вышвырнуло Нееву на полузатонувшую корягу, и, прилагая отчаянные усилия, чтобы выбраться из воды, медвежонок вытащил из неё и голову Мики, так что щенок закачался на конце коряги, точно повешенный.

Глава 6

Весьма сомнительно, что в следующие несколько секунд Неева действовал сознательно и обдуманно. Было бы наивно предположить, будто он хотел помочь полумёртвому, оглушённому Мики и пытался спасти его. Он стремился только к одному — выбраться из воды на какое-нибудь более сухое и безопасное место, но при этом он

волей-неволей тащил за собой щенка. И когда Неева, натянув верёвку, впился острыми коготками в корягу, а потом взобрался на неё, Мики тоже был вырван из хватки холодного враждебного потока. Только и всего. Затем Неева перебрался на бревно, вокруг которого вода закручивалась воронками, и, прильнув к нему, вцепился в него так, как ещё никогда в жизни ни во что не вцеплялся. От берега бревно полностью заслоняли густые высокие кусты. Если бы не это, Чэллонер увидел бы щенка и медвежонка, когда десять минут спустя проходил мимо этого места. Но они были скрыты от его взгляда кустами, а Мики ещё не был в состоянии учуять или услышать своего хозяина, когда Чэллонер спустился к воде посмотреть, не удалось ли всё-таки его маленькому товарищу спастись; Неева же, конечно, только плотнее прильнул к бревну. Он уже достаточно насмотрелся на двуногого зверя и больше не желал его видеть до конца своих дней. Только через полчаса Мики захрипел, закашлял и начал выплёвывать воду, и впервые с момента их драки на носу челнока Неева проявил к щенку живейший интерес. Ещё через десять минут Мики поднял голову и огляделся. Тогда Неева дёрнул верёвку, словно давая ему понять, что им

пора подумать, как выбраться на берег. Мики, мокрый, несчастный, был похож не столько на живое существо, сколько на обглоданную кость. Однако, увидев перед собой Нееву, он всё-таки попробовал завилять хвостом. Он всё ещё лежал в воде, хотя тут её глубина не достигала и двух дюймов, а потому, с надеждой оглядывая бревно, на котором расположился Неева, он кое-как поднялся на ноги и побрёл к нему. Это было очень толстое и совсем сухое бревно, но едва Мики добрался до него, как судьба снова сыграла с ним злую шутку. Щенок забросил на бревно передние лапы и начал карабкаться к Нееве, старательно и неуклюже цепляясь когтями за кору и сучки. Однако только этих лёгких толчков бревну и не хватало, чтобы сползти с топляка[10] в стремнину. Течение сначала медленно подхватило один конец бревна и развернуло его, так что он попал в главную струю, которая потащила его с такой внезапностью и силой, что Мики едва не сорвался в воду. Бревно качнулось, приняло устойчивое положение и помчалось, прыгая по волнам с быстротой, от которой даже у Чэллонера захватило бы дух, если бы он со своим верным

[10] Примечания: 10
Топля́к — затонувшее при сплаве бревно.

челноком очутился на их месте.

И действительно, Чэллонер в эту минуту обходил по берегу быстрины ниже водопада. Он не решился бы без серьёзной нужды пуститься в челноке по бешеной воде, над которой сейчас торжествовали славную победу Неева с Мики, и предпочёл потерять два часа, перетаскивая свой багаж через лес до мыска на полмили ниже по течению. Эти полмили медвежонок и щенок запомнили на всю жизнь.

Они сидели на бревне мордочками друг к другу, примерно на его середине. Неева, вонзив когти в кору, как рыболовные крючки, распластался на животе и смотрел перед собой выпученными коричневыми глазками. Оторвать его от бревна удалось бы только с помощью лома. Что до Мики, то он с самого начала удерживался на их утлом судёнышке только чудом. Его когти не были предназначены для того, чтобы во что-то вонзаться; его неуклюжие лапы, в отличие от лап Неевы, не могли обхватить бревно, как две пары человеческих рук. Ему оставалось только одно: любой ценой сохранять равновесие, приноравливаясь к движению и поворотам бревна, и ложиться то вдоль него, то поперёк, ежесекундно рискуя сорваться в воду. Неева не отводил от него пристального взгляда. Если бы глаза медвежонка были буравчиками, то он наверняка просверлил бы в Мики две дырочки. Этот взгляд был таким отчаянным и напряжённым, что можно было подумать, будто Неева отдаёт себе отчёт в том, насколько его собственная судьба зависит от того, удержится Мики на бревне или нет. Если бы щенок сорвался, медвежонка не спасли бы ни цепкость его когтей, ни крепкая хватка: ему тогда осталось бы только одно — лететь в воду

вслед за Мики.

Комель[11] бревна был гораздо шире и тяжелее остальной его части, потому оно не вертелось в воде, а летело прямо вперёд, словно огромная чёрная стремительная торпеда. Неева сидел спиной к новым порогам, ревущим и громоздящим пену впереди, но Мики это жуткое зрелище открывалось во всей своей грозной красоте. Бревно то и дело ныряло в белую гору пены и на одну-две секунды полностью скрывалось в ней. В такие моменты Мики переставал дышать и закрывал глаза, а Неева старался запустить когти ещё глубже в кору. Один раз бревно задело камень — ещё шесть дюймов, и они остались бы без своего корабля.

[11] Примечания: 11
Ко́мель — толстая часть ствола дерева или бревна.

Уже на полпути через быстрины и медвежонок, и щенок превратились в два клубка пены, в которых испуганно блестели глаза.

Но вскоре оглушительный рёв быстрин зазвучал уже позади них; огромных камней, вокруг которых река рычала и бесновалась, стало заметно меньше — всё чаще попадались совсем чистые участки, где бревно плыло ровно, без толчков, и в конце концов они достигли широкого спокойного плёса. И лишь тогда пенные клубки зашевелились. Неева только теперь увидел целиком всю картину кромешного ада, сквозь который они пронеслись, а глазам Мики открылись пологие берега ниже по течению, густой лес и тихая, сверкающая на солнце речная гладь. Он набрал в лёгкие как можно больше воздуха и выдохнул его с таким глубоким и искренним облегчением, что с кончика его носа и с бакенбардов полетели брызги. Только тут он почувствовал, что держится на бревне в крайне неудобной позе: одна задняя лапа была неловко подвёрнута, а передняя придавлена его же собственной грудью. Зеркальное спокойствие воды и близость берега придали ему уверенности, и он постарался принять более удобное положение. В отличие от Неевы, Мики был опытным путешественником.

Ведь он больше месяца изо дня в день плыл с Чэллонером в челноке и давно уже ничуть не боялся обычной благопристойной воды. Поэтому он немного ободрился и даже тявкнул, словно поздравляя Нееву с благополучным исходом их плавания среди порогов. Правда, в этом тявканье слышалась жалобная нота.

Однако Неева воспитывался в совсем других понятиях, и, хотя с челноком он познакомился только в этот день, повадки брёвен он успел изучить хорошо. Он по горькому опыту знал, что в воде брёвна — это почти живые существа и что все они в любую минуту могут сыграть с тем, кто им доверится, самую злую и непредвиденную шутку. Мики же, к несчастью, и понятия об этом не имел. Бревно благополучно пронесло их по стремнинам, страшней которых он в жизни не видывал, а потому теперь оно представлялось ему первоклассным челноком, правда зачем-то закруглённым сверху, что было крайне неудобно. Впрочем, этот единственный недостаток не очень смущал щенка. И вот, к ужасу Неевы, Мики смело приподнялся, сел на задние лапы и посмотрел по сторонам.

Медвежонок, ослабивший было свою хватку, снова инстинктивно вцепился в кору, а Мики

почувствовал непреодолимое желание встряхнуться, чтобы избавиться от пены, облепившей его всего, если не считать глаз и кончика хвоста. Он часто встряхивался в челноке. Так почему бы не встряхнуться и сейчас? И даже не задав себе этого вопроса, он энергично дёрнулся всем телом. Бревно в ответ немедленно перевернулось. Не успев даже взвизгнуть, Мики слетел с него, звучно плюхнулся в воду и снова исчез в глубине, как свинцовое грузило.

Впервые погрузившись в воду с головой, Неева доблестно не разжал лап, и когда бревно вернулось в прежнее положение, медвежонок всё ещё сидел на нём — только пену с него смыло.

Он поискал взглядом Мики, но щенка нигде не было видно. И вдруг он снова ощутил, что к его шее подвешен тяжёлый груз. Его голова невольно наклонилась, и он увидел уходящую под воду верёвку, но не Мики: щенок погрузился так глубоко, что медвежонок не мог его разглядеть. Верёвка всё сильнее тянула Нееву вниз (течения тут почти не было, и ничто не поддерживало Мики), но он не ослаблял хватки. Если бы он разжал лапы и вслед за Мики очутился в воде, им пришлось бы худо. Но теперь Мики, бивший лапами глубоко под бревном, играл одновременно роль и якоря,

и руля. Бревно медленно повернулось, попало в прибрежную струю и почти вплотную приблизилось к болотистому мыску.

Одним отчаянным прыжком Неева очутился на берегу. Почувствовав под лапами твёрдую землю, он пустился бежать, и в результате Мики медленно возник из ила и распластался на отмели, точно гигантский краб, ловя воздух разинутой

пастью. Почувствовав, что его товарищ не в силах двигаться, Неева остановился, встряхнулся и стал ждать. Мики оправился быстро. Уже через пять минут он был на ногах и с таким неистовством принялся стряхивать с себя воду, что на Нееву обрушился настоящий ливень брызг и липкого ила.

Если бы они остались на этом месте подольше, на них примерно через час наткнулся бы Чэллонер, потому что он плыл возле самого берега, высматривая, не увидит ли где-нибудь их мёртвые тела. Возможно, что инстинкт, впитавший в себя опыт бесчисленных предков, сказал Нееве о такой возможности, но, как бы то ни было, уже через четверть часа медвежонок решительно зашагал к лесу, и Мики послушно последовал за ним. Щенку это казалось интересным приключением.

К Нееве вернулось бодрое настроение. Ведь, хотя он и лишился матери, лес оставался его родным домом. После всех мучений, которые доставил ему двуногий зверь, а потом и Мики, бархатистое прикосновение мягких сосновых игл к его подошвам и знакомые запахи укромной чащи доставляли ему особенную радость. Он возвратился к прежней жизни. Медвежонок

нюхал воздух, настораживал уши, и его пьянило сознание, что он снова может делать всё, что захочет. Лес был ему незнаком, но Нееву это не смущало. Все леса казались ему одинаковыми — ведь в его владении находилось несколько сотен тысяч квадратных миль лесных угодий, и у него не было возможности побывать в них всех.

С Мики дело обстояло по-другому. Его охватила тоска по Чэллонеру и реке, а кроме того, он начал тревожиться, заметив, что Неева уводит его всё дальше и дальше в тёмные, таинственные глубины лесной чащи. Наконец он решил воспротивиться и начал с того, что упёрся в землю всеми четырьмя лапами, так что внезапно натянувшаяся верёвка опрокинула Нееву, и он упал на спину с удивлённым фырканьем. Воспользовавшись своим преимуществом, Мики повернулся и направился назад к реке; налегая на верёвку с лошадиной силой, достойной его отца, он успел протащить Нееву по земле шагов пятнадцать, и только тогда медвежонку наконец удалось подняться на ноги.

И началась борьба. Напрягая задние лапы, крепко упираясь передними в мягкую землю, медвежонок и щенок тянули верёвку в противоположные стороны, пока их шеи совсем не

онемели, а глаза не вылезли на лоб. Неева тянул ровно и флегматично, Мики же на собачий лад дёргался всем телом и выгибался; благодаря этим неожиданным толчкам ему удавалось каждый раз немного сдвинуть Нееву с места. В конечном счёте всё сводилось к тому, чья шея окажется крепче. У Неевы под слоем жира ещё не успели нарасти сильные мышцы, и Мики имел тут перед ним заметное преимущество. Несмотря на худобу и костлявость, щенок был очень силён для своего возраста — Неева ещё несколько минут героически сопротивлялся, но потом уступил и послушно пошёл в том направлении, которое выбрал Мики.

Медвежонок, подобно всем своим сородичам, без всякого труда нашёл бы кратчайший путь к реке, но у Мики умение ориентироваться далеко уступало твёрдости его намерений, и Неева заметно повеселел, когда обнаружил, что его спутник уводит его ещё дальше от опасной реки, хотя зачем-то и описывает при этом широкую дугу. Ещё через четверть часа Мики окончательно заблудился. Он присел на задние лапы, поглядел на Нееву и негромко заскулил, признавая своё поражение.

Неева не шевельнулся. Его зоркий взгляд вне-

запно остановился на сером шаре, который был прилеплен к ветке невысокого куста в десяти шагах от них. До появления двуногого зверя медвежонок только и делал, что ел весь день напролёт, но со вчерашнего утра у него даже маленького жучка во рту не было. Его томил ужасный голод, и, когда он увидел серый шар, его слюнные железы мгновенно заработали. Это было осиное гнездо! Сколько раз за свою коротенькую жизнь он видел, как Нузак, его мать, подходила к таким гнёздам, сбрасывала их на землю, давила огромной лапой, а потом звала его полакомиться мёртвыми осами! В течение последнего месяца осы неизменно входили в его дневной рацион, и их вкус ему очень нравился. И вот Неева направился к гнезду. Мики пошёл за ним. Когда до гнезда оставалось шага три, Мики ясно расслышал тихое, но крайне неприятное жужжание. Однако Неева ничуть не встревожился. Рассчитав высоту гнезда, он встал на задние лапы, передние протянул к гнезду и дёрнул его — роковое движение!

Немедленно монотонное жужжание, которое заметил Мики, стало гневным и пронзительным, словно где-то заработала электрическая пила. Мать Неевы тут молниеносно наступила бы на

гнездо тяжёлыми лапами, раздавив всех его обитателей, но рывок Неевы только слегка повредил жилище Ахму и его свирепого племени. Ахму был в этот момент дома, так же как и три четверти его воинов. Прежде чем Неева успел ещё раз дёрнуть гнездо, они вырвались наружу тёмным грозным облаком, и Мики внезапно испустил душераздирающий визг: на нос щенка опустился Ахму собственной персоной! Неева не издал ни звука, а только начал бить себя по мордочке передними лапами. Мики же, продолжая визжать, сунул свой укушенный нос в землю. Мгновение спустя в битву вступили все бойцы армии Ахму. Неева тоже вдруг испустил отчаянный вопль и бросился бежать прочь от гнезда. Мики не отставал от него ни на шаг. Ему казалось, что на его нежной шкуре нет такого места, в которое не погрузилась бы раскалённая игла. Вопли Неевы были оглушительны. Он ревел не переставая, и в эту басовую ноту вплетался альтовый визг Мики, придавая ей какой-то потусторонний оттенок. Окажись поблизости суеверный охотник, он не усомнился бы, что в лесу устроили праздник волки-оборотни.

Обратив врагов в паническое бегство, осы — противники довольно благородные — не стали

бы их преследовать и вернулись бы в свою повреждённую крепость, если бы не одно злополучное обстоятельство: улепётывая во все лопатки, Мики промчался слева от молодой берёзки, а Неева — справа от неё, и натянувшаяся верёвка остановила их так резко, что чуть было не сломала им шеи. Осиный арьергард вновь накинулся на врагов, которые вдруг перестали убегать.

Тут в Нееве наконец взыграла его воинственная кровь, и, размахнувшись, он хлопнул Мики по спине. Полуослепший щенок уже совсем обезумел от боли и ужаса, а потому принял чувствительные уколы острых когтей Неевы за новые укусы жужжащих чудовищ и, взвизгнув ещё раз, упал на землю в припадке, похожем на эпилептический.

Это их и спасло. Свиваясь в бешеных судорогах, Мики перекатился к Нееве, отцепив верёвку от берёзки, и Неева снова кинулся наутёк. Мики бросился за ним, завывая при каждом прыжке. Неева забыл о страхе, который внушила ему порожистая река. Инстинкт подсказывал ему, что он должен найти воду, и как можно скорее. Самым прямым путём, словно Чэллонер указал ему дорогу по компасу, Неева мчался к реке, но не успел он пробежать и трёхсот шагов, как наткнулся на

ручеёк, который оба они могли бы легко перескочить. Неева сразу же прыгнул в ручеёк, глубина которого достигала тут четырёх-пяти дюймов, и Мики впервые в жизни добровольно погрузился в воду. Они оба долго лежали в прохладном ручье.

Глаза Мики ничего не различали, кроме расплывчатого сияния дня, и он весь начал пухнуть — от кончика носа до кончика узловатого хвоста. Неева, благодаря защитному слою жира, пострадал меньше. Он полностью сохранил зрение и, несмотря на боль, длившуюся час, второй, третий, принялся понемногу приводить в порядок свои мысли.

Всё началось с двуногого зверя. Двуногий зверь отнял у него мать, двуногий зверь посадил его в тёмный мешок, и тот же двуногий зверь привязал ему на шею эту верёвку. Медленно, постепенно он начал проникаться убеждением, что источником всех последних бед была именно эта верёвка.

Несколько часов спустя они с трудом вылезли из ручейка и отыскали мягкую сухую ложбинку между корнями большого дерева. В лесной чаще сгущался сумрак, и даже Неева, глаза которого не пострадали, видел уже плохо. Солнце спустилось совсем низко. В воздухе потянуло прохладой. Распластавшись на животе, сунув распухшую

голову между передними лапами, Мики жалобно поскуливал.

Взгляд Неевы то и дело обращался к верёвке, а в голове у него зрело важное решение. Он взвизгнул — не то по привычке призывая мать, не то из сочувствия к Мики. Он прижался к щенку, испытывая непреодолимую потребность в чьей-то дружеской близости. Ведь Мики в конце концов был тут ни при чём. Всему виной двуногий зверь… и верёвка!

Их всё более плотно окутывала вечерняя тьма, и, теснее прижавшись к щенку, Неева схватил верёвку обеими лапами. С тихим рявканьем он впился в неё зубами и принялся настойчиво грызть. Время от времени он испускал негромкое ворчание, и в этом ворчании была успокоительная интонация, точно он уговаривал Мики: «Разве ты не видишь? Я перегрызу эту штуку пополам. К утру я кончу. Не вешай носа! Дальше будет лучше».

Глава 7

Наутро после трагического столкновения с осиным племенем Неева и Мики еле поднялись на распухшие, онемевшие лапы, когда настало время просыпаться и приветствовать зарю нового дня в таинственных глубинах леса, куда случай забросил их накануне. В них обоих жил дух неукротимой юности, и хотя Мики так раздулся от осиных укусов, что его тощее тело и неуклюжие лапы приобрели совсем уж нелепый вид, он готов был с величайшей охотой пуститься на поиски новых приключений.

Морда щенка стала круглой, как луна, а голова настолько увеличилась, что Неева, возможно,

опасался: а не лопнет ли она? Однако глаза Мики (насколько их можно было разглядеть за распухшими веками) весело блестели, а здоровое ухо и половинка стояли торчком — он словно спрашивал медвежонка, чем они займутся теперь. Боль от укусов совершенно утихла, и хотя Мики ощущал, что его тело стало заметно больше, в остальном он чувствовал себя прекрасно.

Неева благодаря своему спасительному жирку вынес из боя с осами меньше рубцов и ран. Собственно говоря, о том, что ему пришлось перенести накануне, напоминал только совершенно заплывший правый глаз. Зато левый поглядывал на мир весело и зорко. Ни опухший глаз, ни онемевшие лапы не смущали Нееву — наоборот, настроение у него было самое бодрое, и он нисколько не сомневался, что всё плохое осталось позади. Ему удалось ускользнуть от двуногого зверя, который убил его мать; он вернулся в гостеприимные, милые его сердцу леса, и, наконец, он сумел за ночь перегрызть верёвку, которой Чэллонер связал его с Мики. После благополучного избавления от такой напасти он теперь не удивился бы, если бы из-за деревьев вдруг вышла Нузак, его мать. Вспомнив о ней, он заскулил. А Мики вспомнил о своём хозяине и, ощутив безлюдную пустынность окружающего мира, заскулил в ответ.

Оба были очень голодны. Накануне одно несчастье сменялось другим с такой быстротой, что у них не было никакой возможности поесть. Вчерашние события всё-таки порядочно напугали Мики, и поэтому, пока Неева деловито оглядывал окружавший их лес, щенок каждое мгновение ожидал какой-нибудь новой беды.

По-видимому, осмотр удовлетворил медвежонка: повернувшись спиной к солнцу, как всегда делала его мать, он решительно зашагал вперёд. Мики побрёл за ним. Только в эту минуту он обнаружил, что у него в теле как будто не осталось ни единого сустава. Шея не поворачивалась, лапы превратились в деревянные ходули, и, стараясь не отставать от медвежонка, он за пять минут успел ровно столько же раз споткнуться и упасть. Вдобавок его глаза так заплыли, что он наполовину ослеп, а потому после пятого падения потерял Нееву из виду и протестующе завизжал. Неева остановился и сунул нос под гнилой ствол поваленного дерева. Когда Мики подковылял к нему, он увидел, что медвежонок, припав к земле, деловито слизывает поселение больших рыжих уксусных муравьёв. Мики несколько секунд наблюдал за его действиями. Он вскоре сообразил, что Неева разжился чем-то съедобным, но никак не мог взять в толк, чем именно. Мики начал жадно обнюхивать то место, над которым быстро мелькал язык Неевы. Потом тоже высунул язык и лизнул, но к его языку не прилипло ничего, кроме прошлогодней хвои и гнилушек. А Неева тем временем то и дело похрюкивал от удовольствия. Только через десять минут он слизнул последнего

муравья и отправился дальше.

Немного погодя они вышли на сырую полянку, и Неева принялся обнюхивать траву и приглядываться к ней единственным здоровым глазом, а потом начал быстро копать, вытащил что-то белое толщиной в человеческий палец и начал аппетитно хрустеть, усердно работая челюстями. Мики удалось схватить порядочный кусок белой штуки, но она явно не пришлась ему по вкусу. Ему показалось, что он жуёт деревяшку, и, покатав непонятный предмет во рту, он брезгливо его выплюнул, а Неева с довольным урчанием доел корешок до последнего кусочка.

Они пошли дальше. Два томительных часа Мики следовал за Неевой, и по мере того, как опадали опухоли на его теле, пустота в его желудке становилась всё больше. Голод превращался в мучительную пытку. Но он не находил никакой еды, хотя Неева на каждом шагу обнаруживал какие-то свои лакомства. К концу этих двух часов список кушаний, поглощённых медвежонком, достигал внушительных размеров. В числе прочего он включал десяток зелёно-чёрных жуков, бесчисленное множество других насекомых, как твёрдых, так и мягких, целые селения рыжих и чёрных муравьёв, несколько жирных личинок,

извлечённых из глубины трухлявых пней, горсть улиток, лягушонка и яйцо-болтун, извлечённое из покинутого гнезда куропатки, свившей его на земле под густым кустом, а из растительных блюд — две порции съедобных корней и одну заячью капусту. Время от времени он сгибал молодые топольки и отъедал нежные верхушки. Ещё он совал в рот все натёки еловой и сосновой смолы, какие успевал заметить, а иногда разнообразил завтрак молоденькой травкой.

Мики вслед за ним перепробовал немалую часть его рациона и съел бы лягушонка, если бы Неева его не опередил. Сосновая и еловая смола залепила ему зубы и была такой горькой, что его чуть не стошнило. Понять, чем улитки отличаются от камешков, он так и не сумел, а так как пробовать жуков он начал с так называемого жука-вонючки, то повторить этот опыт больше уже не рискнул. По примеру Неевы он откусил верхушку молодого побега, но это был не тополёк, а волчье лыко[12], и от жгучего сока его язык на полчаса потерял всякую чувствительность. В конце концов он пришёл к заключению, что из всего меню Неевы он ещё как-то способен есть

[12] Примечания: 12
Во́лчье лы́ко — ядовитый кустарник.

только траву.

Вот так Мики изнывал от голода, пока его спутник непрерывно пополнял пёструю коллекцию в своём желудке и становился всё веселее. По правде говоря, Неева был совершенно счастлив и, выражая своё удовольствие, то и дело блаженно урчал. К тому же опухоль на его правом глазу быстро спадала, и к нему почти вернулось нормальное зрение. Несколько раз, обнаружив новое скопление муравьёв, он дружелюбным повизгиванием приглашал Мики принять участие в пиршестве.

До полудня Мики послушно плёлся за медвежонком как привязанный. Однако, когда Неева неторопливо раскопал шмелиное гнездо, прихлопнул четырёх его обитателей и с аппетитом съел их, терпенью щенка пришёл конец. Он сообразил, что ему следует самому позаботиться о собственном пропитании и поохотиться на какую-нибудь съедобную дичь. Эта мысль вызвала у него острое волнение. К этому времени его глаза уже совсем открылись, а онемение в теле почти прошло. В нём взыграла кровь его разнообразных предков, и он принялся рыскать вокруг самостоятельно, вынюхивая подходящую добычу. Вскоре он почуял соблазнительный запах и

пошёл на него, но почти тотчас же шарахнулся в сторону: из-под самого его носа, оглушительно гремя крыльями, вспорхнула куропатка. В первую минуту щенок даже испугался, но этот испуг только усилил переполнявшее его возбуждение. А несколько минут спустя, сунув нос под кучу валежника, он наткнулся на свой обед. Это был Вабу, крольчонок. С быстротой молнии Мики стиснул зубами его спину. Неева, услышав треск сухих веток и писк крольчонка, оторвался от муравьёв и поспешил туда, откуда доносились эти звуки. Писк почти сразу оборвался, Мики задом выполз из-под валежника и, торжествуя, предстал перед Неевой с Вабу в зубах. Крольчонок уже перестал биться, и Мики со свирепым рычанием начал терзать неподвижную тушку. Неева, ласково похрюкивая, подошёл поближе. Мики зарычал ещё более свирепо. Однако Неева не устрашился и продолжал негромким заискивающим урчанием выражать свою глубокую симпатию к Мики, а сам тем временем обнюхивал крольчонка. Мики вдруг перестал рычать. Возможно, он вспомнил, с каким радушием Неева пытался угостить его своими жуками и муравьями. Но, как бы то ни было, крольчонка они миролюбиво съели вместе до последней косточки, до последнего клочка

шкурки, и тогда Неева впервые после смерти своей матери присел на толстые задние лапы и высунул красный язычок. Эта поза у него означала высшую степень сытости и превосходное настроение. Для полноты блаженства ему требовалось ещё только одно: хорошенько вздремнуть. И, лениво потянувшись, он поглядел по сторонам в поисках подходящего дерева.

У Мики же приятная сытость вызвала, наоборот, бурную жажду деятельности. Поскольку Неева всегда тщательно пережёвывал любую пищу, а Мики имел обыкновение глотать не жуя, на долю щенка пришлось добрых четыре пятых тушки, и он больше не испытывал голода. Зато впервые, после того как они с Неевой сорвались в воду с челнока Чэллонера, Мики как следует осознал, насколько переменились его судьба и вся окружающая обстановка. Впервые в жизни он сам добыл себе обед и впервые в жизни попробовал сырого мяса, и эти два обстоятельства привели его в неистовое возбуждение, которое, естественно, заглушило всякое желание прилечь и вздремнуть на солнышке. Теперь, когда ему открылась прелесть охоты, в его неуклюжем щенячьем теле пробудился древний инстинкт всего собачьего рода, и он готов был гоняться за дичью до изнеможения. Но тут Неева как раз отыскал себе удобную постель.

Вне себя от изумления, Мики следил за тем, как Неева неторопливо карабкался по стволу большого тополя. Мики приходилось видеть, как по деревьям лазают белки, и это казалось ему не менее естественным, чем способность птиц летать, но за действиями Неевы он следил в пол-

ном ошеломлении. И только когда медвежонок удобно растянулся на широкой развилке, Мики наконец выразил свои чувства вслух. Он недоверчиво затявкал. Потом обнюхал низ ствола и без особого энтузиазма, в свою очередь, попробовал взобраться на него. В результате он довольно болезненно хлопнулся спиной о землю и пришёл к выводу, что щенкам, в отличие от медвежат, по деревьям лазать не полагается. Огорчившись, он отошёл от тополя шагов на двадцать, сел и начал обдумывать положение. Он никак не мог понять, что, собственно, Нееве понадобилось на дереве. Жуков он там явно не искал. Мики несколько раз вопросительно тявкнул, но Неева не ответил. В конце концов щенок отказался от попытки привлечь внимание своего приятеля и с унылым визгом растянулся на земле.

Однако спать Мики не собирался. Ему вовсе не хотелось отдыхать. Он был бы рад немедленно продолжить исследование таинственных и манящих лесных дебрей. Безотчётный страх, который томил его всё время, пока он не поймал крольчонка, теперь бесследно исчез. За те две минуты, которые он провёл под кучей валежника, чудодейка-природа успела научить его очень многому. Эти две минуты совсем преобразили

Мики: из беспомощного, боязливого щенка он стал самостоятельным молодым псом. Беспечное детство, которое затянулось из-за опеки Чэллонера, с этого момента принадлежало прошлому. Он поймал свою первую дичь, и жаркий восторг победы пробудил в нём все древние инстинкты. За те полчаса, которые он пролежал, ожидая, когда проснётся Неева, Мики окончательно преодолел расстояние, отделяющее щенка от взрослой собаки. Он, конечно, не мог знать, что его отец Хелей был самой знаменитой охотничьей собакой в бассейне реки Литтл-Фокс и в одиночку справлялся со взрослым самцом карибу[13]. Но он всеми фибрами своего тела ощущал это. В зове предков была неотразимая настойчивость. И потому, что он покорился этому зову и жадно ловил чутким слухом шепчущие голоса лесной чащи, он сумел различить тихое, монотонное похрюкивание Кавука, старого дикобраза.

Мики замер, прижимаясь к земле. Спустя мгновение он услышал лёгкое пощёлкивание игл — на полянку вышел Кавук и поднялся на задние лапы в самой середине большого пятна солнечного света.

---

[13] Примечания: 13

Кари́бу — северный олень, распространённый в лесах Северной Америки.

Кавук вот уже тринадцать лет вёл мирное суще-

ствование в этом уголке леса и теперь, на склоне лет, весил никак не меньше тридцати фунтов. В этот день он запоздал с обедом, но даже это всё равно не омрачило его благодушного настроения. Зрение у него и в юности было скверным. Природа сотворила его, как и всех его сородичей, близоруким, возместив этот недостаток грозной бронёй из острых игл. Он не замечал Мики, от которого находился шагах в десяти, или делал вид, что не замечает. А Мики совсем распластался на земле, так как новообретённый инстинкт предупреждал его, что нападать на это существо было бы неблагоразумно.

Кавук около минуты простоял на задних лапах, застыв в неподвижности и тихонько похрюкивая гимн своего племени. Мики видел его сбоку — в этой позе дикобраз удивительно походил на дородного муниципального советника. Он был таким толстым, что его живот выпячивался, как половинка воздушного шара. Передние лапы он как-то очень по-человечески сложил на животе и больше смахивал на старую дикобразиху, чем на признанного главу своего племени.

Только тут Мики заметил, что из-за куста вблизи Кавука кокетливо вышла Исквазиз, молоденькая самочка. Хотя Кавук был уже в годах, он сохранил галантный нрав своей юности и при виде красавицы немедленно принялся демонстрировать свою благовоспитанность и изящные манеры. Начал он с потешной пляски, заменяющей у дикобразов ухаживание: он хрюкал всё громче и громче, переминался с лапы на лапу, и его округлое брюхо подпрыгивало, как мячик. Правда, красавица Исквазиз могла бы вскружить голову кому угодно. Она была блондинкой — другими словами, она была альбиноской, что среди дикобразов встречается очень редко. Нос у неё был розовый, мягкие подушечки на лапах тоже были розовые, а радужная оболочка её очаровательных розовых глазок была небесно-голубого цвета. Прельстительный танец Кавука явно не пришёлся ей по вкусу, и Кавук, заметив это, переменил тактику: он встал на все четыре лапы и принялся крутиться как бешеный, ловя свой хвост. Когда он остановился, чтобы посмотреть, какое впечатление произвёл этот манёвр, то, к огромному своему разочарованию, обнаружил, что Исквазиз давно уже и след простыл.

Ошеломлённо присев на задние лапы, он ми-

нуту оставался неподвижным, а затем, к ужасу Мики, направился прямо к дереву, на котором устроился Неева. Дело в том, что Кавук всегда обедал на этом дереве, и теперь он начал взбираться по стволу, что-то ворча себе под нос. Шерсть у Мики встала дыбом. Он не знал, что Кавук, как и все его сородичи, был добродушнейшим существом и никогда никому не причинял вреда, если только на него не нападали. Мики это было неизвестно, и потому он внезапно поднял оглушительный лай, чтобы предупредить Нееву.

Неева проснулся не сразу, а когда наконец он открыл глаза, то увидел перед собой щетинистую морду неведомого зверя и страшно перепугался. С молниеносной быстротой, чуть не сорвавшись со своей развилки, он повернулся и вскарабкался

выше по стволу. Кавук ничуть не был выведен из душевного равновесия. После исчезновения Исквазиз он помышлял только об обеде и продолжал неторопливо взбираться всё выше. Неева в панике начал пятиться от ствола по большой ветке, уступая дорогу Кавуку.

К несчастью для Неевы, именно на этом суку Кавук обедал накануне. И вот дикобраз перебрался со ствола на ветку, всё ещё, по-видимому, не замечая присутствия там медвежонка. Тут Мики внизу затявкал с таким визгливым исступлением, что Кавук наконец как будто сообразил, что происходит что-то необычное. Он прищурился и поглядел вниз на Мики, который кидался на ствол в тщетных попытках влезть на дерево и помочь приятелю. Затем Кавук повернулся и в первый раз посмотрел на медвежонка с некоторым интересом. Неева крепко обхватил ветку всеми четырьмя лапами. Отступать дальше он не мог — ветка здесь была настолько тонкой, что уже сгибалась под его тяжестью.

Кавук начал сердито браниться. Мики испустил завершающее визгливое тявканье и, присев на задние лапы, принялся следить за душераздирающей драмой, которая развёртывалась над его головой. Кавук делал шажок вперёд, а Неева немного отползал, и так продолжалось до тех пор, пока медвежонок не соскользнул с ветки и не повис на ней, раскачиваясь между небом и землёй. Тут Кавук перестал браниться и спокойно

приступил к обеду. Около трёх минут Нееве кое-как удавалось удерживать свою позицию. Раза два он тщетно пытался подтянуться и снова лечь на ветку животом. Но вот его задние лапы разжались. Несколько секунд он провисел на передних лапах, а затем сорвался с высоты в пятнадцать футов и полетел вниз. Он шлёпнулся на землю возле Мики и долго не мог перевести дух. Потом с ворчанием поднялся, ошеломлённо поглядел на дерево и, ничего больше не объяснив Мики, зашагал дальше в лес — прямо навстречу опаснейшему приключению, которому суждено было стать решительным испытанием для них обоих.

Глава 8

Неева остановился, только когда прошёл четверть мили, а может быть, и больше.

Мики показалось, что они внезапно из яркого солнечного дня попали в густые вечерние сумерки. Эта часть леса, куда забрёл Неева, стараясь уйти подальше от страшного зверя, столкнувшего его с дерева, походила на огромную таинственную пещеру. Даже Чэллонер остановился бы тут в благоговении, подавленный величавым безмолвием этой чащи, заворожённый загадочными шорохами, которыми она была полна. Солнце по-прежнему сияло высоко в небе, но не единый его луч не проникал под зелёный свод густых еловых ветвей, сплетавшихся над головами Ми-

ки и Неевы в непроницаемый полог. Вокруг не было ни единого куста, под их лапами не было ни единого цветка, ни единой травинки — ничего, кроме толстого мягкого слоя бурой хвои, душившей всякую жизнь. Казалось, будто лесные девы устроили себе здесь опочивальню, куда не могут проникнуть ни ветер, ни дождь, ни снег; будто тут был приют волков-оборотней, на время покидающих этот мрачный, наводящий ужас тайник, чтобы строить козни людям.

На сумрачных елях здесь не пела ни одна птица, на их разлапистых ветках не резвились весёлые белки. Тишина была такой глубокой и мёртвой, что Мики даже расслышал стук собственного сердца. Он посмотрел на Нееву и увидел, что в полутьме глаза медвежонка горят странным огнём. Ни тот ни другой не испытывали страха, и всё-таки эта гробовая тишина по-новому укрепила их нарождающуюся дружбу. Какое-то неясное чувство пробудилось в их лесных душах и заполнило пустоту, оставшуюся у Неевы после потери матери, а у Мики — после разлуки с хозяином. Щенок тихонько взвизгнул, а Неева мягко заворчал и легонько хрюкнул, как совсем юный поросёнок. Они придвинулись друг к другу и встали бок о бок, с вызовом глядя на окружающий мир. Потом

они пошли дальше, точно двое маленьких мальчиков, которые забрались в пустой покинутый дом. Они не охотились, и тем не менее все их охотничьи инстинкты были насторожены, и оба часто останавливались, чтобы посмотреть по сторонам, прислушаться и понюхать воздух.

Нееве эта мгла напомнила чёрную пещеру, в которой он родился. Так, может быть, из какого-нибудь сумрачного прохода между стволами сейчас появится Нузак, его мать? Может быть, она спит где-нибудь тут, как спала в их тёмной берлоге? Возможно, в мозгу медвежонка и правда смутно возникали вопросы вроде этих. Ведь тут царила та же мёртвая тишина, что и в их пещере. И казалось, будто всего в нескольких шагах перед ними мрак сгущается в чёрные провалы. Такие места индейцы называют «мухнеду» — глухие закоулки леса, где злые духи уничтожили всякую жизнь, вырастив деревья столь густые, что сквозь их хвою не в силах проникнуть ни один солнечный луч. Только совы, друзья злых духов, живут в их заклятых владениях.

Взрослый волк остановился бы и повернул назад там, где сейчас стояли Неева и Мики, лиса поспешила бы ускользнуть прочь, припадая к земле; даже бесстрашный убийца горностай только поглядел бы на эту чащобу красными глазами-бусинами и вернулся бы в светлый лес, повинуясь велению инстинкта. Ибо в этом безмолвии и мраке крылась своя жизнь. Она таилась и подстерегала в глубине бездонных чёрных провалов. И теперь, когда Неева и Мики продолжали

углубляться в сумрачную тишину, эта жизнь начала пробуждаться — круглые глаза открывались и загорались жутким зелёным огнём. Однако в чаще по-прежнему не раздавалось ни единого звука, и нельзя было заметить никакого движения. Истинные злые духи, обитающие в мухнеду, — огромные совы — поглядывали вниз, что-то соображали медлительным мозгом… и выжидали.

Затем из хаотического мрака выплыла чудовищная тень и скользнула над головой маленьких пришельцев так низко, что они расслышали грозный шелест гигантских крыльев. Когда это призрачное существо скрылось из виду, они услышали шипение и скрежещущее щёлканье мощного клюва. От этого звука по спине Мики пробежала дрожь. Дремавший инстинкт внезапно заговорил в полный голос. Щенок вдруг почувствовал близкое присутствие какой-то неведомой и страшной опасности.

Теперь тишина вокруг них наполнилась звуками — шорохами среди ветвей, еле слышным шелестом в вышине и резким, металлическим щёлканьем над их головами. Снова Мики увидел, как появилась и исчезла огромная тень. За ней последовала вторая, третья, четвёртая… пока не стало казаться, что весь воздух под сводом ветвей заполнен этими тенями. И с появлением каждой новой тени всё ближе к ним раздавалось угрожающее щёлканье сильных хищных клювов. И подобно волку или лисе, Мики съёжился и припал к земле. Но поступил он так из осторожности, а не от поскуливающего щенячьего страха. Его мышцы были напряжены, и, когда одна из сов пронеслась над ним совсем низко, почти задев его голову крылом, он с рычанием оскалил клыки. Неева встретил сову фырканьем — со временем оно должно было превратиться в яростное «уф!», с которым его мать бросалась в бой. Как и положено медведю, он поднялся на задние лапы. И именно на него стремительно ринулась одна из теней — чудовищное оперённое ядро, вырвавшееся из мрака.

Сверкающие глаза Мики увидели, что в трёх шагах от него его товарищ исчез под бесформенной серой массой. Несколько секунд щенок стоял

в оцепенении, с ужасом прислушиваясь к громовому хлопанью мощных крыльев. Неева не издал ни звука. Он был опрокинут на спину и тщетно рвал когтями перья, такие мягкие и густые, что казалось, под ними нет живой плоти. Он почувствовал, что справиться с этим существом у него не хватит сил, а это означало смерть. Удары крыльев были как удары дубиной: они оглушали его, мешали дышать, — и всё-таки он продолжал терзать навалившуюся на него бесплотную грудь, которая состояла из одних перьев.

Свирепо бросившись на свою жертву, великан Ухумисью (размах его крыльев достигал пяти футов!) чуть-чуть промахнулся. Стальные когти-кинжалы, которые он намеревался погрузить во внутренности Неевы, сомкнулись слишком рано и сжали только густую шерсть медвежонка и складки кожи. Вот почему Ухумисью бил теперь свою жертву крыльями, стараясь улучить удобный момент, чтобы разом покончить с ней жестоким ударом острого клюва. Ещё полминуты — и мордочка Неевы была бы разорвана в клочья.

Именно потому, что Неева молчал, что он ни разу не взвизгнул, Мики с рычанием вскочил на ноги и оскалил зубы. И сразу же весь его страх

исчез и сменился отчаянным, почти радостным возбуждением. Он узнал их врага — это была птица! А птицы для него были не противниками — они были добычей. За то время, пока он путешествовал со своим хозяином по рекам Северной Канады, Чэллонер не раз стрелял больших канадских гусей и журавлей с огромными крыльями. Мики ел их мясо. Дважды он с заливистым тявканьем гонялся за ранеными журавлями, и они убегали от него! Теперь щенок не стал ни тявкать, ни лаять. Молниеносным прыжком он обрушился на шар из перьев, как четырнадцатифунтовое ядро, и Ухумисью, разжав когти, свалился на бок и беспомощно забил крыльями.

Прежде чем он успел подняться, Мики снова прыгнул на него, целясь в голову, как тогда, когда он догнал раненого журавля. Ухумисью шлёпнулся на спину, и Мики в первый раз с начала своей атаки испустил яростное рычание, которое перешло в визгливое тявканье. Ухумисью и его кровожадные собратья, под покровом мрака наблюдавшие за схваткой с деревьев, никогда ещё не слышали подобных звуков. Щёлканье клювов стало удаляться, и Ухумисью, внезапно взмахнув крыльями, взмыл в воздух.

Твёрдо упёршись широкими передними лапами в землю, задрав оскаленную мордочку к чёрному своду еловых ветвей, Мики продолжал вызывающе лаять и завывать. Он хотел, чтобы большая птица вернулась. Он хотел изодрать в клочья её перья, но под его исступлённый лай Неева перевернулся со спины на живот, оглянулся на Мики, предостерегающе взвизгнул и пустился наутёк. В отличие от Мики, он прекрасно разобрался в положении. Опять на помощь ему пришёл инстинкт, родившийся из опыта бесчисленных поколений. Он твёрдо знал, что в тёмных провалах над их головами кружит смерть, и он бежал так, как никогда ещё в жизни не бегал. Мики пустился бежать следом, а крылатые тени

снова начали приближаться к ним.

Впереди маленькие беглецы увидели проблеск солнечного света. Деревья вокруг становились всё выше, и вскоре в густом пологе ветвей появились разрывы, и чёрные провалы пещерного мрака остались позади. Если бы они пробежали ещё сотню ярдов, то оказались бы на широкой равнине — охотничьем угодье огромных сов. Но Неевой полностью владело чувство самосохранения, он всё ещё был оглушён громовыми ударами совиных крыльев, его бока жгли раны, оставленные когтями Ухумисью, а потому, увидев перед собой беспорядочное нагромождение вырванных с корнем стволов, он нырнул под их защиту с такой быстротой, что Мики не сразу понял, куда девался его приятель.

Потом и Мики забрался в щель между поваленными стволами, повернулся и высунул голову наружу. Он всё ещё скалил клыки и рычал. Ведь он одержал победу над врагом! Он сшиб страшную птицу на землю и вырвал зубами пучок её перьев. А после такого торжества он, последовав примеру Неевы, вдруг бежал! Теперь им овладело желание вернуться на поле боя и довести дело до конца. В нём говорила кровь неустрашимых эрдельтерьеров и шпицев, кровь его отца, огром-

ного охотничьего пса Хелея. Первые две породы, смешавшись в нём, наделили его волчьей храбростью и лисьей настойчивостью, а от отца он получил мощные челюсти и геркулесовскую силу, и, если бы Неева не продолжал заползать всё глубже в бурелом, Мики отправился бы назад в чащу и пролаял бы свой вызов оперённым чудовищам, от которых они бежали.

Израненные бока Неевы отчаянно горели, и он вовсе не хотел вступать в новые драки с существами, которые слетают с деревьев. Он принялся зализывать следы когтей Ухумисью, и через несколько минут Мики подполз к нему и, почувствовав запах свежей тёплой крови, тихонько зарычал. Он знал, что это кровь Неевы, и, когда он обернулся к щели, сквозь которую они забрались в тёмный лабиринт бурелома, в его глазах загорелись злые огоньки.

Около часа Мики пролежал совершенно неподвижно, и в нём вновь происходил процесс стремительного повзросления, как и тогда, когда он поймал своего первого кролика. Наконец он осторожно вылез из-под поваленных стволов и увидел, что солнце уже заходит за лес на западе. Мики огляделся и прислушался. В его позе не было и следа щенячьей виноватой принижен-

ности. Крупные подушечки худых лап уверенно упирались в землю, а сами костлявые лапы, казалось, были вырезаны из твёрдого узловатого дерева. Все мышцы его тела были напряжены, уши стояли торчком, голова упрямо вжималась в костлявые плечи, по которым уже можно было догадаться, каким сильным он должен был стать впоследствии. Он знал, что началось его Великое Приключение. Щенячьи игры и ласковые, заботливые руки хозяина остались в прошлом. Мир переменился и стал несравненно более заманчивым и опасным.

Несколько минут спустя Мики прилёг возле щели, уводившей в бурелом, и принялся грызть конец верёвки, который свисал с его шеи. Солнце спустилось ещё ниже, потом совсем скрылось за зубчатой стеной леса. А Мики всё ещё ждал, чтобы Неева выбрался к нему на открытое место и лёг рядом с ним. Но сумерки продолжали сгущаться, а Неева всё не шёл. Наконец Мики опять пролез в щель и наткнулся возле неё на Нееву. Они принялись вместе наблюдать за таинственным приближением ночи.

Некоторое время вокруг царила глубочайшая тишина, какая бывает только в лесах Севера в первый час наступления ночи. В ясном небе робко

загорелись первые редкие звёздочки, а затем его усеяли сверкающие созвездия. Из-за края лесов уже поднималась луна, затопляя землю золотистым сиянием, и в этом сиянии повсюду вокруг возникли чёрные тени, которые не двигались и не издавали никаких звуков. Затем тишина была нарушена. Из совиной чащи донеслось странное глухое уханье. Мики уже приходилось слышать пронзительное верещанье и протяжные «ту-ву-у» небольших сов, обкрадывающих капканы, но голоса могучих крылатых разбойников, которые обитают в глухих чащах и творят убийства по ночам, он слышал впервые. Это были глухие горловые звуки, более похожие на стон, чем на крик, — на стон такой короткий и тихий, что казалось, будто его умеряет осторожность, опасение вспугнуть будущую добычу. В течение нескольких минут из чащи доносилась перекличка её кровожадных обитателей, а затем вновь наступила тишина, время от времени прерывавшаяся шорохом огромных крыльев среди еловых ветвей и вершин, — это охотники покидали свои убежища и улетали в сторону равнины.

Для Мики и Неевы вылет сов на охоту оказался только началом событий этой ночи. Они долго лежали бок о бок, не смыкая глаз и прислушива-

ясь. Мимо поваленных стволов на мягких лапах бесшумно прошёл пекан[14], и они уловили его запах. Они услышали далёкий крик гагары, тявканье неугомонной лисицы и мычание лосихи, которая паслась на берегу озерца у дальнего конца равнины. А затем они услышали звук, от которого их сердца забились сильнее и по телу пробежала дрожь возбуждения.

Сперва он донёсся откуда-то издалека — отрывистый охотничий клич волков, гонящих дичь. Он приближался к равнине с севера и был подхвачен северо-западным ветром. Тогда голос стаи послышался совершенно отчётливо, и в мозгу Мики быстро начали всплывать туманные образы и смутные, почти неуловимые воспоминания. Голос, который доносился к нему с ветром, не был голосом Чэллонера, и всё-таки он знал этот голос. Это был голос Хелея, его великана-отца, голос Нумы, его матери, голос тысяч и тысяч поколений его предков, и теперь в щенке заговорил инстинкт, унаследованный от этих предков, и неясные воспоминания первых дней его жизни. В дальнейшем разум и опыт научили его различать волка и собаку, хотя разница между ними

[14] Примечания: 14
Пека́н — хищное млекопитающее, куница-рыболов.

могла показаться тоньше волоска. Но сейчас Мики слышал только приближающийся голос своей кровной родни. Он приближался быстро и беспощадно, полный яростного и острого голода. И Мики забыл про Нееву и не обратил внимания на то, что медвежонок забился поглубже под поваленный ствол. Мики вскочил на ноги и застыл в напряжённой позе, забыв обо всём, кроме волнующего охотничьего клича волчьей стаи.

Ярдах в ста впереди волков, спасая жизнь, бежал Ахтик, молодой самец карибу. Он задыхался, силы начинали изменять ему, и он безнадёжно вглядывался в ночной мрак — не блеснёт ли где-нибудь вода, обещая спасение? Стая уже развернулась подковой, концы которой начинали загибаться впереди Ахтика. Волки готовились броситься на карибу, прокусить сухожилия задних ног, перервать ему горло. В эти последние минуты охотники смолкли, и Ахтик почувствовал приближение конца. В отчаянии он свернул вправо и скрылся в лесу.

Мики услышал, как затрещали кусты под его телом, и попятился к куче бурелома. Через несколько секунд в двадцати шагах от него пробежал Ахтик. В лунном свете карибу казался большим и нескладным, а его хрипящее дыха-

ние было исполнено ужаса и смертной муки. Он исчез так же быстро, как и появился, но вслед за ним почти немедленно появились бесшумные быстрые тени — их было шесть или семь. Они возникли и исчезли почти мгновенно, как мимолётный порыв ветра.

После этого Мики долго стоял и прислушивался, но тишина снова обволокла ночной лес. Потом Мики забрался в бурелом и улёгся рядом с Неевой.

Несколько часов он беспокойно дремал. Ему снилось забытое. Ему снился Чэллонер. Ему снились холодные ночи и большие костры, он слышал голос хозяина и ощущал прикосновение его руки, но над всеми этими видениями звучал дикий охотничий клич его лесных родичей.

На ранней заре он выбрался наружу и обнюхал следы карибу и волков. До сих пор в их странствиях Мики следовал за Неевой. Теперь наступила очередь Неевы следовать за ним. Вдыхая острый запах волков, Мики рысцой затрусил к равнине. Ему потребовалось полчаса, чтобы добраться до неё. Затем он вышел на широкий каменистый уступ, откуда след спускался по крутому склону в долину.

Тут Мики остановился.

В десяти шагах ниже его и в двадцати шагах в сторону лежала наполовину обглоданная туша молодого карибу. Но не это пробудило в щенке бешеное волнение, от которого почти остановилось его сердце. Из кустов, тянувшихся ниже по уступу, появилась Махигун, изгнанная из стаи волчица, которая пришла насытиться мясом чужой добычи. Это было тощее, уродливое существо. Впалые бока волчицы никак не могли округлиться с тех пор, как она проглотила отравленную приманку и долго болела после этого. Её чурались все другие волки, она была трусливой и злобной, способной загрызть даже собственных детёнышей. Но Мики ничего этого не знал. В ней он увидел свою мать, какой её рисовали ему память и инстинкт. А его мать была ему ближе, чем даже Чэллонер, его хозяин.

Минуту он лежал, вздрагивая всем телом, а потом начал спускаться с обрыва, как спускался бы к Чэллонеру — правда, с большей осторожностью, но зато с жадным ожиданием и с томительной радостью, которую не могло бы пробудить в нём появление человека. Он был уже совсем близко от Махигун, когда она наконец заметила его присутствие. Его ноздри были полны материнского запаха, он радовался… но и боялся. Однако это

не был страх перед физической опасностью. Распластавшись на земле, положив голову на лапы, он заскулил.

Волчица стремительно обернулась, обнажив острые клыки во всю их длину. Её налитые кровью глаза горели страхом и злобой. Мики не успел ни пошевелиться, ни тявкнуть. С быстротой кошки отщепенка оказалась рядом с ним. Её клыки полоснули его один раз, и она скрылась. Из плеча Мики потекла кровь, однако не из-за боли он много минут лежал неподвижно, как мёртвый. На том месте, где стояла Махигун, всё ещё сохранился материнский запах. Но смутные воспоминания рассеялись. Древняя память умерла, когда он глубоко вздохнул и взвизгнул от боли. Для него, как и для Неевы, больше не существовало ни Чэллонера, ни матери. Зато ему остался весь мир! И в этом мире вставало солнце. Этот мир был пронизан и напоён дыханием жизни. А рядом, совсем рядом благоухало сочное вкусное мясо.

Мики жадно втянул ноздрями воздух. Потом он обернулся и увидел, как с откоса на уступ кубарем скатилось толстое тельце Неевы, который торопился принять участие в пиршестве.

Глава 9

Если бы Макоки, старый индеец из племени кри, возивший почту между Годс-Лейком и Черчиллем, узнал о злоключениях Мики и Неевы до той минуты, когда они до отвала наелись нежным жирным мясом затравленного волками молодого карибу, он, наверное, сказал бы, что их взяла под своё особое покровительство Иску Вапу, которой в мире добрых духов поручено ведать благополучием зверей, птиц и всех прочих тварей. Дело в том, что Макоки твёрдо верил в существование всяких лесных духов, так же как и духов — хранителей его типи[15]. И вокруг

---

[15] Примечания: 15

Ти́пи — переносное жилище кочевых индейцев.

истории Мики и Неевы он сплёл бы чудесную сказку и рассказал бы её маленьким детям своего сына, а они запомнили бы её, а потом поведали бы собственным детям.

Ведь дружба между чёрным медвежонком и щенком, в чьих жилах кровь гончей маккензи смешалась с кровью эрдельтерьера и шпица, была вещью неслыханной, и тем не менее Мики и Неева стали верными друзьями. И Макоки усмотрел бы в этом доказательство благожелательного внимания к ним Иску Вапу, с самого начала назначившей для них особую судьбу. Именно она, сказал бы Макоки, повела Чэллонера по следу матери Неевы и помогла ему убить старую медведицу; именно она надоумила его связать щенка и медвежонка одной верёвкой, для того чтобы они, свалившись с его челнока в стремнину, не погибли, а, наоборот, помогли друг другу спастись и подружились. «Неева-павук» (два маленьких брата) — назвал бы их Макоки, и, встретившись с ними, он скорее позволил бы отрубить себе палец, чем причинил бы им малейший вред. Но Макоки даже не подозревал об их существовании, и в то утро, когда они пировали у туши карибу, он в ста милях от места их пира торговался с белым путешественником,

который хотел нанять его в проводники. Ему и в голову не пришло, что в эту минуту сама Иску Вапу находилась возле него и готовила событие, которому было суждено сыграть значительную роль в жизни Неевы и Мики.

Тем временем Неева и Мики уписывали мясо так, словно умирали с голоду. Они оба были на редкость практичными существами. Они не задумывались над тем, что осталось в прошлом, и полностью отдавались настоящему. Два дня, насыщенные горестными событиями и опасными приключениями, казались им долгими, как год. Неева всё меньше и меньше тосковал по матери, а Мики как будто вовсе не вспоминал хозяина, с которым разлучился так недавно. Зато их память в мельчайших подробностях хранила все происшествия прошлой ночи: их сражения не на живот, а на смерть с огромными совами, их бегство, погоню волчьей стаи за молодым карибу и (это, конечно, помнил только Мики) короткую страшную встречу с Махигун, злобной волчицей, изгнанной из стаи. Её укус всё ещё жёг плечо щенка. Но от этого аппетит Мики нисколько не уменьшился. Испуская время от времени глухое рычание, он продолжал терзать тушу, пока совсем не объелся.

Тогда он сел на задние лапы и посмотрел в ту сторону, куда убежала Махигун. Он смотрел на восток, в направлении Гудзонова залива, — на огромную равнину между двумя грядами холмов, густо поросших лесами, которые утреннее солнце одевало золотом и багрянцем. Никогда прежде он не видел мир таким, каким увидел его теперь. Волки настигли карибу у самого обрыва плоского холма, который выдавался из чёрного совиного леса, как короткий толстый язык, и туша лежала на травянистом уступе, под которым начиналась равнина. С края этого уступа Мики глядел вниз и дальше — в неизмеримую даль, где расстилавшиеся перед ним чудеса постепенно сливались в трепещущую солнечную дымку под голубым небом. Он видел перед собой настоящий рай для зверья, суливший им с Неевой необыкновенно приятную жизнь, — сочные зелёные луга, рощи, похожие на ухоженные парки и у дальней гряды постепенно сливавшиеся в один густой лес. Пышно разросшийся кустарник пестрел всей роскошью ярких июньских красок, там и сям сверкали излучины ручьёв, а в полумиле от их холма блестело озеро, похожее на огромное зеркало в лиловато-зелёной оправе из елей и пихт.

Где-то там исчезла волчица Махигун. Мики подумал, что она может вернуться, и понюхал воздух, стараясь уловить её запах. Но тоска по матери, которую пробудила в нём Махигун, рассеялась бесследно. Он уже начал улавливать всю глубину различия между собакой и волком. Час назад, вдруг поддавшись иллюзии, что его мать

ещё может отыскаться, он принял за неё волчицу. Но теперь он разобрался в своей ошибке. Ведь ещё чуть-чуть — и зубы Махигун прокусили бы его плечо или перервали сонную артерию. Тебах-Гон-Гавин (Единый великий закон) прочно входил в его сознание — неумолимый закон выживания лучше приспособленных. Жить — значило бороться за эту жизнь, убивать врагов, брать верх над всеми, у кого есть лапы или крылья. И на земле, и в воздухе его подстерегала опасность. С тех пор как он потерял Чэллонера, только Неева отнёсся к нему без враждебности и принял его дружбу — Неева, осиротевший медвежонок. И Мики повернулся к Нееве, который огрызался на пёструю сойку, кружившую над тушей в надежде поживиться кусочком мясца.

Ещё четверть часа назад Неева весил фунтов двенадцать, но теперь он потянул бы не меньше пятнадцати. Его животик раздулся, как набитый саквояж, и, удобно расположившись на солнцепёке, медвежонок облизывался, очень довольный собой и всем на свете. Мики подскочил к нему, и Неева испустил дружеское ворчание. Потом он перекатился на толстую спину, приглашая Мики затеять притворную драку. Он впервые выразил желание поиграть, и щенок с радостным

тявканьем прыгнул на него. Они царапались, кусались, боролись, сопровождая весёлую возню грозным рычанием (Мики) и поросячьим похрюкиванием и повизгиванием (Неева). В конце концов они оказались у самого края уступа и как два шара покатились по крутому травянистому откосу длиной в сотню футов. Неева скатился без всяких затруднений — такой он был толстый и круглый.

Голенастому же худому Мики пришлось туго: он летел кувыркаясь, вскидывая лапы в воздух, сворачиваясь в кольцо, и к тому моменту, когда он шлёпнулся на каменную россыпь у подножия откоса, он был совсем ошеломлён и долго не мог перевести дух. Мики с трудом поднялся на ноги, судорожно глотая воздух. Несколько мгновений равнина и откос стремительно вертелись вокруг него. Затем он немного пришёл в себя и увидел невдалеке Нееву.

Неева был весь захвачен удивительно приятным открытием. Чёрные медвежата любят съезжать с гор не меньше, чем мальчишки, мчащиеся вниз на санках, или бобры, использующие вместо салазок собственные хвосты. И вот, пока Мики ждал, чтобы мир окончательно перестал вертеться, Неева вскарабкался шагов на двадцать

— тридцать вверх по откосу и… скатился вниз уже нарочно! Мики только пасть от изумления разинул. А Неева снова вскарабкался по откосу и снова скатился. Тут уж Мики вовсе перестал дышать. Пять раз на его глазах Неева взбирался шагов на тридцать вверх и кувырком катился вниз. После пятого раза Мики кинулся на Нееву и задал ему такую трёпку, что они чуть было не подрались всерьёз.

Затем Мики начал обследовать подножие откоса, и Неева послушно плёлся за ним шагов сто, но потом взбунтовался и наотрез отказался идти дальше. Неева, доживавший четвёртый месяц своей полной волнений юной жизни, был твёрдо убеждён, что природа создала его только для того, чтобы он без конца предавался удовольствию набивать себе живот. Он считал, что еда — единственная и всеобъемлющая цель медвежьего существования. В ближайшие несколько месяцев ему предстояло усердно трудиться на этом поприще, дабы не посрамить чести своего племени, и видимое намерение Мики уйти от вкусной жирной туши молодого карибу преисполнило его тревогой и возмущением. Неева сразу забыл про забавы и полез вверх по склону уже не ради игры, а ради дела.

Увидев, куда направился медвежонок, Мики отказался от дальнейших исследований и побежал за товарищем. Они взобрались на уступ шагах в двадцати от туши и из-за кучи больших камней поглядели на своё мясо. То, что они увидели, на мгновение парализовало их: тушу терзали две огромные совы! Мики и Неева приняли этих птиц за чудовищ, которые накануне чуть было не разделались с ними в лесной чаще. На самом же деле эти совы не принадлежали к племени ночных разбойников, как Ухумисью. Это были белые совы, отличающиеся от всех остальных своих сородичей тем, что и в яркий солнечный день они видят не хуже самых зорких ястребов. Миспун, большой самец, был весь бел как снег. Перья его подруги, которая несколько уступала ему в величине, заканчивались коричневато-серой каймой, а головы обоих казались особенно страшными, потому что были совершенно круглыми и не завершались ушами-кисточками. Миспун, наполовину прикрывая тушу Ахтика развёрнутыми крыльями, рвал мясо мощным клювом с такой свирепой жадностью, что звуки его пиршества доносились даже туда, где прятались Неева и Мики. Невиш, подруга Миспуна, почти совсем засунула голову в брюхо Ахтика.

Медвежонок и намного старше Неевы, наверное, испугался бы, увидев и услышав их. Неева притаился за камнем, высунув из-за него только самый кончик носа.

В горле Мики поднялось глухое рычание. Но он сдержался и припал к земле. В нём снова забушевала кровь его отца, могучего охотника.

Туша принадлежала ему, и он готов был с боем отстаивать свои права. А кроме того, разве он не вышел победителем из схватки с большой совой в лесу? Но ведь здесь их было две! А потому он не сразу вскочил на ноги, и за те несколько секунд, которые он колебался, на сцене неожиданно появилось новое действующее лицо.

Он увидел, что из низкой поросли кустов в дальнем конце уступа выползла Махигун, волчица-отщепенка. Худая как скелет, красноглазая, она серой свирепой тенью скользнула через открытое пространство. Её пушистый хвост был злобно поджат и почти волочился по траве.

Надо отдать ей справедливость, совы нисколько не пугали Махигун. Она кинулась на Миспуна, рыча и щёлкая клыками так яростно, что Мики ещё плотнее прижался к земле.

Зубы Махигун легко прорвали четырехдюймовую броню из перьев, защищавшую Миспуна. Он

был захвачен врасплох, и его круглая голова была бы откушена напрочь прежде, чем он успел бы дать бой, но ему на помощь пришла Невиш. Вся перепачканная кровью Ахтика, она бросилась на Махигун с пронзительным, каким-то чихающим криком, не похожим на крик ни одного живого существа. Она вонзила в спину волчицы клюв и когти, и Махигун, невольно отпустив Миспуна, яростно повернулась к новому врагу. Миспун получил передышку, но Невиш заплатила за неё дорогой ценой: первый же удар длинных клыков волчицы оказался удачным, и одно огромное крыло Невиш было в буквальном смысле слова оторвано от её тела. Хриплый крик боли, который испустила Невиш, сказал Миспуну, что его подруга погибает. Он взмыл в воздух и с такой силой обрушился на Махигун, что она не удержалась на ногах и упала.

Гигантская сова запустила когти ей в брюхо и принялась терзать её внутренности яростно и упрямо. И Махигун почувствовала, что эта цепкая хватка несёт ей смерть. Она бросилась на спину и принялась кататься по земле, рыча и лязгая зубами в попытке избавиться от кривых кинжалов, которые всё глубже впивались в её живот. Но Миспун не разжимал когтей. Она подминала

его под себя, а он хлопал могучими крыльями и только крепче сжимал когти, не расслабив их даже в миг своей гибели. Рядом на земле умирала его подруга. Из её ран хлестала кровь, но, и совсем обессилев, она всё ещё пыталась помочь Миспуну. А он умер как герой, так и не выпустив волчицы.

Махигун с трудом дотащилась до кустов. Там ей в конце концов удалось сбросить с себя мёртвое тело большой совы. Но в её животе зияли глубокие раны. Из них струилась кровь, и волчица ушла в чащу, оставляя за собой алый след. Через четверть мили она легла на землю под карликовой елью и несколько минут спустя вздохнула в последний раз.

Нееве и Мики, особенно последнему, эта жестокая битва многое рассказала о мире, в котором они жили теперь, постепенно понимая его всё яснее и яснее. Они обогатили сокровищницу своего опыта, дополнявшего древние инстинкты и наследственные свойства. Они умели охотиться, чтобы добыть себе еду: Неева ловил своих жуков, лягушек и шмелей, Мики поймал кролика. Им уже пришлось драться, спасая свою жизнь. Смерть не раз подстерегала их. Но разыгравшаяся на их глазах схватка и её мрачное завершение показали им жизнь с новой, ещё неведомой им стороны.

Прошло много минут, прежде чем Мики подошёл к Невиш и обнюхал мёртвую сову. Теперь у него не возникло желания трепать и рвать её перья с детской свирепостью и торжеством. Гибель большой птицы принесла ему новые знания и

научила новым хитростям и повадкам. Судьба Миспуна и его подруги показала Мики, как важно всегда быть осторожным и уметь бесшумно двигаться. Ведь он уже понял, что в этом мире есть много существ, которые его не боятся и не побегут от него. Он утратил своё высокомерно-презрительное отношение к крылатым созданиям, он постиг, что земля вовсе не была создана ради него и для него и, чтобы уцелеть, он должен будет драться, как дрались совы и Махигун. Недаром предки Мики были закалёнными бойцами и его генеалогическое древо восходило к волкам.

Неева извлёк из случившегося совсем иной урок. Его сородичи были миролюбивы и если дрались, то только между собой. Они, как правило, не охотились на других лесных зверей, и ни один лесной зверь не охотился на них. Объяснялось это естественным положением вещей: просто в обширных владениях взрослого чёрного медведя не нашлось бы зверя другой породы, способного победить его в открытом бою — это не по силам даже волчьей стае. Поэтому из гибели Махигун и двух сов Неева не почерпнул никаких полезных сведений о том, как следует вести драку. Но зато он ещё яснее понял пользу осторожности. Главным же для него было то, что ни Махигун, ни

совы больше уже не могли покушаться на тушу. Его ужин остался цел.

Медвежонок продолжал прятаться, пока Мики обследовал поле боя, и его круглые глазки зорко смотрели по сторонам, не появится ли ещё какой-нибудь враг. А Мики от тела Невиш перешёл к Ахтику, а потом принялся обнюхивать след Махигун, который привёл его к кустам. Там он увидел Миспуна. В кусты он углубляться не стал, а вернулся к Нееве, который к этому времени решил, что уже можно, ничего не опасаясь, выйти из-за спасительного камня.

До вечера Мики раз пятьдесят бросался защищать их мясо. Больше всего забот причиняли ему большеглазые крикливые кукши[16]. Канадские сойки почти не уступали им в назойливости. Дважды к туше подкрадывался маленький серый горностай, с глазками, как два крохотных рубина. Мики кидался на него с такой яростью, что третий раз он вернуться не рискнул. К полудню тушу высмотрели или почуяли вороны и принялись кружиться над ней, ожидая, что Мики и Неева куда-нибудь уйдут. Обманувшись в своих надеждах, они расселись на вершинах ближайших деревьев

---

[16] Примечания: 16

Ку́кша — небольшая птица, обитающая в хвойных лесах.

и начали хрипло и возмущённо каркать.

Наступили сумерки, но волки к туше не вернулись. Дичи было много, и стая, хозяйничавшая в здешних местах, охотилась в эту ночь дальше к западу. Раза два до Мики и Неевы издали доносился её охотничий клич.

И всю звёздную светлую ночь щенок и медвежонок сторожили, прислушивались, иногда ненадолго засыпали. Едва забрезжил серый рассвет, они вновь принялись за еду.

Если бы эту историю рассказывал старый Макоки из племени кри, он в этом месте снова не преминул бы указать, что Мики и Неева находились под особым покровительством Иску Вапу. Ибо день сменялся ночью, а ночь сменялась днём, и Мики с Неевой удивительно окрепли и даже словно выросли благодаря тому, что постоянно наедались до отвала. На четвёртый день Неева стал таким толстым и гладким, что казался в полтора раза больше того медвежонка, который свалился с носа челнока в порожистую реку. Мики утратил свою костлявость. Его рёбра уже нельзя было, как прежде, пересчитать с расстояния в два шага. Грудь у него стала шире, ноги не производили такого неуклюжего впечатления. Челюсти его окрепли, потому что постоянно

грызли кости карибу. И по мере того, как увеличивались его силы, уменьшалась его щенячья любовь к играм и росло беспокойное стремление начать самостоятельную охоту. На четвёртую ночь он снова услышал отрывистый охотничий клич волков и почувствовал неизъяснимое томительное волнение.

Для Неевы быть толстым, быть весёлым и быть довольным означало одно и то же. Пока можно было кормиться у туши, его вовсе не тянуло уходить с уступа. Два-три раза в день он спускался к ручью напиться, и каждое утро и каждый день — особенно ближе к закату — он несколько раз скатывался со склона. Вдобавок ко всему этому он завёл привычку спать после полудня в развилке молодого деревца.

Мики не видел в кувырканиях вниз с обрыва ни смысла, ни удовольствия, лазать на деревья он тоже не умел, а потому начал всё больше времени тратить на обследование подножия гряды. Он предпочёл бы, чтобы Неева ходил вместе с ним. Каждый раз, перед тем как отправиться в такую экспедицию, он долго пытался заставить Нееву слезть с дерева или пускал в ход отчаянные усилия, чтобы увести его с собой, когда медвежонок по уже протоптанной тропке отправлялся к

ручью или возвращался обратно. Тем не менее одного этого упрямства Неевы было бы недостаточно, чтобы их поссорить. Мики был слишком привязан к медвежонку, чтобы сердиться на него из-за таких пустяков. А если бы дело дошло до решительной проверки и Неева всерьёз поверил бы, что Мики сейчас уйдёт и не вернётся, он, конечно, отправился бы вместе с ним.

Первое настоящее отчуждение между ними возникло не из-за ссоры, а из-за разногласия, коренившегося в самой их природе. Мики принадлежал к племени, которое предпочитает есть мясо свежим, Неева же особенно любил «хорошо выдержанное» мясо. А начиная с четвёртого дня остатки туши Ахтика стали уже весьма «выдержанными». На пятый день Мики ел это мясо лишь с большим трудом, преодолевая отвращение, а на шестой просто не мог взять его в рот. Нееве же оно с каждым днём казалось всё вкуснее и душистее. На шестой день, упоённый любимым ароматом, он от восторга повалялся на остатках туши. И в эту ночь Мики впервые не пожелал спать, прижавшись к нему.

Развязка произошла на седьмой день. Туша теперь благоухала до небес. Лёгкий июньский ветерок разносил этот запах по окрестностям, и все вороны, проживавшие на несколько миль вокруг, начали собираться поблизости. Мики, не выдержав этого аромата, поджал хвост и удрал к ручью. Когда Неева после обильного завтрака спустился туда напиться, Мики попробовал обнюхать приятеля и сразу же отбежал в сторонку. Собственно говоря, теперь он уже не смог бы с закрытыми глазами отличить Ахтика от Неевы

— разница заключалась только в том, что один лежал неподвижно, а другой двигался. Но пахли оба одинаково: мертвечиной; оба, бесспорно, были «хорошо выдержаны». Даже вороны теперь кружили и над Неевой, недоумевая, почему он расхаживает по уступу, хотя приличной падали этого делать отнюдь не полагается.

В эту ночь Мики спал в одиночестве под кустом на берегу ручья. Ему хотелось есть, и он чувствовал себя очень одиноким — впервые за много дней он испытывал робость перед огромностью и пустынностью мира. Ему был нужен Неева. Он тихо скулил, тоскуя без него в звёздной тиши долгих часов, отделявших вечернюю зарю от утренней. Солнце стояло в небе уже довольно высоко, когда Неева наконец спустился с холма. Он только что позавтракал и повалялся на своём любимом кушанье, и пахло от него совершенно нестерпимо. Снова Мики попробовал увести его от холма, но Неева ни за что не желал расставаться с этим благодатным местом. И в это утро он особенно торопился поскорее подняться на уступ. Накануне ему то и дело приходилось отгонять ворон от остатков туши, а сегодня они пытались обкрадывать его с ещё невиданной наглостью. Неева поздоровался с Мики, дружелюбно при-

хрюкнув и взвизгнув, потом поспешно напился и начал карабкаться вверх по склону. Протоптанная им тропинка кончалась у кучи камней, из-за которой они с Мики наблюдали битву между Махигун и совами, — с тех пор из предосторожности он всегда несколько секунд медлил за этими камнями и выходил на открытое место, только убедившись, что всё в порядке. На этот раз его ожидал неприятный сюрприз: остатки туши были буквально облеплены воронами. Каркарью и его чернокрылое племя тучей опустились на уступ и теперь как сумасшедшие рвали остатки мяса, били крыльями и дрались. В воздухе над ними кружило ещё одно чёрное облако; все соседние деревца и кусты гнулись под тяжестью рассевшихся на них птиц, и их оперение блестело на солнце точно обильно смазанное жирной сажей. Неева от удивления застыл на месте. Он не боялся ворон — ведь он уже столько раз прогонял прочь этих трусливых воришек! Но только он никогда ещё не видел их в таком количестве. Он не мог разглядеть остатков туши: и Ахтик, и трава вокруг исчезли под колышущимся чёрным покровом.

Он выскочил из-за камней, оскалив зубы, как выскакивал уже десятки раз до этого. Раздался громовый всплеск крыльев. Взвившиеся птицы затмили солнечный свет, а их голодное карканье было, наверное, слышно в миле от уступа. Но, против обыкновения, Каркарью и его бесчисленные стаи не улетели в лес. Ворон было так много, что они уже ничего не боялись. А аппетитный запах падали, от которой им пришлось оторваться, едва лишь они успели распробовать её вкус, приводил их в настоящее исступление. Неева совсем растерялся. Над ним, позади него, вокруг него вились вороны: они вызывающе каркали, а наиболее дерзкие камнем падали вниз и старались задеть его крылом побольнее. Их грозная туча становилась всё гуще, и внезапно она буквально рухнула на землю. Остатки туши вновь исчезли под живым чёрным покровом, а вместе с ними и Неева. Медвежонок был погребён под копошащейся крылатой массой и начал отбиваться, как отбивался от совы. Десятки сильных клювов клочьями вырывали его шерсть, долбили голову, норовили попасть в глаза. Ему казалось, что его уши будут вот-вот оторваны, а чувствительный кончик носа уже в первые десять секунд покрылся кровью и начал распухать.

Он задыхался, почти ничего не видел и ничего не соображал. Ему чудилось, будто всё его тело превратилось в клубок жгучей боли. Он забыл про тушу и думал только о том, как бы выбраться на простор и задать стрекача.

Собрав все силы, он поднялся с земли и ринулся напролом сквозь чёрную крылатую массу. Почти всех ворон его отступление вполне удовлетворило, и они остались у туши насыщаться, а к тому времени, когда Неева пробежал половину рассто-

яния до кустов, в которых после схватки с совами скрылась Махигун, все его преследователи, кроме одного, присоединились к своим пирующим собратьям. Возможно, этим наиболее упорным его мучителем был сам Каркарью. Он впился клювом в коротенький хвостишко медвежонка и висел на нём, точно захлопнувшаяся крысоловка. Только когда Неева уже далеко углубился в кусты, Каркарью наконец отпустил свою жертву, взмыл в воздух и возвратился к стае.

Никогда ещё Неева не испытывал такого желания увидеть возле себя Мики. Вновь его представления о мире совершенно изменились. Он был весь исклёван. Его тело горело огнём. Ему было даже больно ступать на подошвы своих толстых лап, и, забившись под куст, он полчаса вылизывал раны и нюхал воздух — не донесётся ли откуда-нибудь запах Мики?

Потом спустился с откоса к ручью и побежал к тому месту, где кончалась протоптанная им тропинка. Но его друга там не оказалось. Тщетно Неева звал его ласковым ворчанием и повизгиванием, тщетно он втягивал ноздрями ветер и бегал взад и вперёд по берегу ручья, совершенно забыв про тушу Ахтика, которая послужила причиной их раздора.

Мики нигде не было.

Глава 10

Мики находился уже в четверти мили от уступа, когда он услышал оглушительный шум, поднятый воронами. Но вряд ли он вернулся бы назад, даже если бы догадался, что Неева нуждается в его помощи. Щенок второй день ничего не ел и ушёл от ручья с твёрдым намерением затравить какую-нибудь дичь, пусть самую большую и сильную. Однако он пробежал вдоль ручья добрую милю, прежде чем ему удалось отыскать хотя бы рака. Он сгрыз его вместе с панцирем, и про-

тивный вкус у него во рту стал менее заметным.

В этот день Мики было суждено пережить ещё одно событие, навеки врезавшееся в его память. Теперь, когда он остался один, воспоминания о хозяине, совсем было исчезнувшие за последние четыре-пять дней, вдруг снова ожили. И с каждым часом образы, всплывавшие в его памяти, становились всё более чёткими и живыми, так что, пока утреннее солнце поднималось к зениту, пропасть, которую дружба с Неевой вырыла между настоящим и прошлым, начинала медленно, но верно сужаться. На некоторое время радостное возбуждение последних дней совсем угасло.

Несколько раз Мики останавливался, думая, не вернуться ли назад к Нееве, но голод заставлял его продолжать путь. Он нашёл ещё двух раков. Затем ручей стал заметно глубже, вода в нём потемнела, течение почти совсем исчезло. Дважды Мики вспугивал взрослых кроликов, но оба раза они легко от него удрали. Потом он чуть было не поймал крольчонка. То и дело у него из-под носа, треща крыльями, вспархивали куропатки. Он видел соек, сорок и множество белок. Повсюду вокруг летала и бегала пища, которая была для него недосягаема. Наконец счастье ему улыбнулось. Сунув морду в дупло поваленного дерева,

он обнаружил там кролика. Второго выхода из дупла не было. Впервые за три дня Мики смог поесть как следует.

Щенок накинулся на свой обед с таким увлечением, что не заметил, как на поляне появился Учак — крупный самец-пекан. Он не расслышал шагов пекана и даже почуял его не сразу. Учак не был драчуном и забиякой. Природа создала его смелым охотником и джентльменом, а потому, когда он увидел, что Мики (которого он принял за подросшего волчонка) поедает свою добычу, ему и в голову не пришло потребовать доли для себя. Убегать Учак тоже не стал. Без сомнения, он вскоре пошёл бы своей дорогой, но тут Мики заметил его присутствие и повернулся к нему.

Учак стоял шагах в трёх от него по ту сторону поваленного дерева. Мики, который ничего не знал про пеканов, он вовсе не показался свирепым. Сложением Учак напоминал своих близких родичей — ласку, норку и скунса. Он был вдвое ниже Мики, но одной с ним длины, и две пары коротких лап придавали ему комическое сходство с таксой. Весил он фунтов девять, голова у него была плоской, с заострённой мордочкой, а усы — щетинистыми и густыми. Кроме того, он обладал пышным пушистым хвостом и парой

зорких маленьких глаз, которые, казалось, просверливали насквозь всё, на что он смотрел. Он наткнулся на Мики совершенно случайно, но щенок заподозрил его в недобрых намерениях и усмотрел в нём возможного врага. Впрочем, Мики не сомневался, что легко разделается с Учаком, если дело дойдёт до драки. А потому он оскалил зубы и зарычал.

Учак счёл это намёком на то, что ему следует удалиться восвояси. Как джентльмен, он уважал охотничьи права других зверей, а потому принёс свои извинения, бесшумно попятившись на бархатных лапах, и Мики, ещё не знакомый с этикетом лесных обитателей, не выдержал: Учак боится! Он спасается бегством! С торжествующим тявканьем Мики бросился в погоню. Особенно винить его за этот промах не следует — множество двуногих животных, наделённых несравненно более развитым мозгом, делало подобную же ошибку. Учак же, хотя он никогда не ввязывается в драку первым, для своего роста и веса является, пожалуй, самым грозным бойцом среди всех животных Северной Америки.

Мики так никогда и не понял, что, собственно, произошло после того, как он кинулся на Учака. Слово «драка» тут просто не подходит — это была

молниеносная расправа, полнейшее торжество одного противника над другим. Мики показалось, что он напал не на одного Учака, но по крайней мере на полдюжины. А больше он не успел ничего подумать, да и увидеть тоже. Он потерпел самое горькое поражение за всю свою прошлую и будущую жизнь. Его трясли, царапали, кусали, душили и терзали. Он был настолько ошеломлён, что и после того, как Учак удалился, продолжал болтать лапами в воздухе, не замечая исчезновения своего победителя. Когда же он открыл глаза и убедился, что его оставили в покое, он испуганно забился в дупло, где ещё так недавно изловил кролика.

Там он пролежал добрые полчаса, тщетно стараясь понять, что же всё-таки случилось.

Когда Мики выполз из дупла, солнце уже заходило. Щенок прихрамывал, его целое ухо было прокушено насквозь, на спине и боках виднелись проплешины, оставленные когтями Учака. Все кости у него болели, горло саднило, а над одним глазом набухла шишка. Он с тоской поглядел в ту сторону, откуда пришёл, — там был Неева. Вместе с вечерним сумраком к нему пришло ощущение неизбывного одиночества и тоска по другу. Но в ту сторону пошёл Учак, а встречаться с Учаком

ещё раз Мики решительно не хотел.

Прежде чем солнце окончательно закатилось за горизонт, Мики прошёл ещё около четверти мили на юго-восток. В сгущающейся тьме он вышел на волок Большой скалы между реками Бивер и Лун.

Тропы тут, собственно говоря, не было никакой. Лишь изредка охотники или торговцы, возвращаясь с севера, перетаскивали тут свои лодки с одной реки на другую. Волк, бродящий в этих местах, чуял здесь человеческий запах не чаще трёх-четырёх раз за год. Но в этот вечер запах человека у Большой скалы был настолько свежим, что Мики застыл на месте, словно перед ним возник ещё один Учак. Одно всепоглощающее чувство заставило его на мгновение окаменеть. Всё остальное было забыто — он наткнулся на след человека, а следовательно, на след Чэллонера, своего хозяина. И Мики пошёл по этому следу — сначала медленно, словно опасаясь, что след может ускользнуть от него. Стало совсем темно, но Мики упрямо шёл вперёд под зажигающимися звёздами. Всё уступило место страстному собачьему желанию вернуться домой, к хозяину.

Наконец почти уже на берегу реки Лун, он увидел костёр. Костёр этот развели Макоки и белый путешественник, к которому старый кри нанялся в проводники. Мики не бросился к ним без оглядки. Он не залаял и даже ни разу не тявкнул. Суровая школа лесной жизни уже многому его научила. Он тихонько пополз вперёд и припал к земле неподалёку от границы освещённого

костром круга. Тут Мики разглядел, что у костра сидят двое мужчин, но ни тот ни другой не был Чэллонером. Впрочем, оба курили совсем так же, как курил Чэллонер. До него доносились их голоса, очень похожие на голос Чэллонера. И лагерь был совсем таким же: костёр, висящий над ним котелок, палатка и аппетитные запахи готовящегося ужина.

Ещё две-три секунды — и он вступил бы в светлый круг. Но тут белый человек встал, потянулся, как обычно потягивался Чэллонер, и поднял с земли толстый сук. Он направился в сторону Мики, который пополз ему навстречу и вскочил с земли, когда их разделяло пять шагов. На щенка упал отблеск костра, и в его глазах отразилось пламя. Человек увидел его, и импровизированная дубинка взвилась в воздух. Если бы она попала Мики в голову, он был бы убит на месте, но её толстый конец вообще его не коснулся, а тонкий ударил по шее и плечу с такой силой, что его отшвырнуло в темноту. Произошло это так быстро, что человеку показалось, будто его дубинка точно поразила цель. Он крикнул Макоки, что убил не то волчонка, не то лису, и бросился от костра во мрак.

Сук отбросил Мики в густые ветки карликовой ели, и он замер там в полной неподвижности, несмотря на мучительную боль в плече. На фоне костра он увидел тёмный силуэт человека, который нагнулся и поднял сук. Он увидел, что прямо на него бежит Макоки, тоже сжимая в руке толстую палку, и съёжился в комок, стараясь стать как можно незаметнее. Его охватил ужас, потому что он понял истинное положение вещей.

Это были люди, но Чэллонера тут не было. А они охотились на него с палками. Мики хорошо понял, зачем им эти палки. Только чудом его кости остались целы.

Он лежал затаив дыхание, пока люди шарили вокруг. Индеец даже сунул свою палку в густые ветки ели, среди которых он прятался. Белый всё время повторял, что своими глазами видел, как зверь упал, и один раз остановился так близко от убежища Мики, что нос щенка почти коснулся его сапога. Затем белый вернулся к костру и подбросил в него сухих берёзовых поленьев, чтобы пламя костра осветило всё вокруг. Сердце Мики перестало биться. Но они начали искать в стороне от его ёлки, а потом вернулись к костру.

Мики пролежал так больше часа. Костёр почти угас. Старый индеец завернулся в одеяло и лёг возле тлеющих углей, а белый ушёл в палатку. И только тогда Мики решился выползти из-под спасительных веток. Прихрамывая на каждом шагу, он затрусил назад по тому же пути, по которому так недавно с надеждой торопился сюда. Запах человека уже не будил в щенке радостного волнения. Теперь этот запах таил в себе угрозу. Он означал опасность. И Мики хотелось уйти от неё как можно дальше. Он предпочёл бы ещё

раз встретиться с совами или даже с Учаком, но только не с человеком, вооружённым палкой. С совами он мог драться, но он чувствовал, что на стороне палки всегда будет подавляющее превосходство.

В ночном безмолвии Мики приплёлся к дуплистому стволу, возле которого встретился с Учаком. Он снова забрался в дупло и до рассвета зализывал свои раны. На рассвете он вылез наружу и доел остатки вчерашнего кролика.

После этого он пошёл на северо-запад — в ту сторону, где остался Неева. Теперь Мики уже не колебался. Неева был ему необходим. Ему хотелось сунуть нос в тёплый бок медвежонка, хотелось облизать его, пусть даже от него разит падалью. Ему хотелось услышать смешное дружеское ворчание и хрюканье Неевы. Ему хотелось снова охотиться вместе с ним, хотелось играть с ним, хотелось прикорнуть бок о бок с ним на солнышке и уснуть. Теперь он почувствовал, что Неева стал неотъемлемой частью его мира.

И Мики побежал на северо-запад.

А Неева гораздо выше по ручью с надеждой и тоской всё ещё трусил по следу Мики.

Они встретились на залитой солнцем небольшой полянке, примерно на половине пути между

поваленным деревом и уступом. Встреча произошла без каких-либо бурных проявлений чувств. Щенок и медвежонок остановились и посмотрели друг на друга, словно проверяя, не произошло ли какой-нибудь ошибки. Неева прихрюкнул. Мики завилял хвостом. Они обнюхали друг друга. Неева взвизгнул, а Мики тихонько тявкнул. Казалось, они поздоровались:

«А, Мики!»

«А, Неева!»

Затем Неева растянулся на солнцепёке, Мики улёгся возле него. До чего же всё-таки странным оказался этот мир! Время от времени всё разлеталось вдребезги, но потом обязательно как-то налаживалось. И вот сейчас всё опять пришло в полнейшее равновесие. Друзья снова были вместе и чувствовали себя совершенно счастливыми.

Глава 11

Шёл месяц Вылета Птенцов — дремотный жаркий август властвовал в северном краю. От Гудзонова залива до озера Атабаска, от Водораздела до Голых Земель безмятежный покой одевал леса, равнины, болота и в солнечные дни, и в звёздные ночи. Это был муку-савин — время возмужания детёнышей, время роста, время, когда зверьё и

птицы вновь получали нераздельную власть над своими бывшими владениями. Ибо человек в эти месяцы покидал дебри, раскинувшиеся на тысячу миль с запада на восток и с севера на юг. Тысячи охотников с жёнами и детьми собирались на факториях Компании Гудзонова залива, кое-где вкраплённых в это безграничное царство когтей и клыков, — собирались, чтобы провести несколько недель тепла и изобилия, веселясь, отдыхая и набираясь сил для тягот и лишений новой суровой зимы. Эти недели называли мукусавин — Великий праздник года. Это были недели, когда они расплачивались со старыми долгами и заводили новые на факториях, куда съезжались, словно на большую ярмарку. Это были недели развлечений, ухаживаний, свадеб, недели духовного и физического насыщения перед приходом мрачных и голодных месяцев.

Вот почему для обитателей леса тоже наступал праздник, и они вновь на короткое время становились единственными властителями своего мира, из которого исчезал самый запах человека.

В них никто не стрелял, их лапам не грозили капканы и ловушки, на их тропах не лежала соблазнительная отравленная приманка. В болотцах и на озёрах кричали, трубили и крякали гуси, лебеди и утки, не опасаясь за птенцов, которые только-только начинали учиться летать; рысь беззаботно играла с котятами и перестала ежеминутно нюхать ветер — не принесёт ли он весть о приближении грозного двуногого врага? Лосихи без всякой опаски открыто входили в воду озёр со своими телятами, росомахи и куницы весело резвились на кровлях опустевших хижин. Бобры и выдры упоённо катались с глиняных откосов и ныряли в своих тёмных заводях, пернатые певцы сыпали звонкие трели, и по всем дебрям Севера слышалась первозданная песня непуганой первобытной природы. Новое поколение зверей и птиц вступало в пору юности. Сотни тысяч детёнышей и птенцов доигрывали детские игры, кончали курс обучения, быстро росли и готовились встретить свою первую зиму, чреватую ещё не изведанными лишениями и опасностями.

А Иску Вапу, зная, с чем предстоит им встретиться в недалёком будущем, хорошо о них позаботилась. В лесном краю царило изобилие.

Поспели черника, голубика, рябина и малина, ветки кустов и деревьев низко гнулись под тяжестью плодов. Трава была сочной и нежной, потому что выпадали короткие и обильные летние дожди. Луковицы и клубни буквально выпирали из земли; болотца и берега озёр манили вкуснейшими лакомствами. Рог изобилия щедро сыпал на эти края свои съедобные дары.

Неева и Мики вели теперь безмятежное существование, исполненное нескончаемых радостей. В этот августовский день, едва начинавший клониться к вечеру, они лежали на горячем от солнца выступе скалы, под которым расстилалась прекрасная долина. Неева, объевшись сочной черникой, блаженно спал, но глаза Мики были полуоткрыты — щурясь, он вглядывался в светлую дымку, окутывавшую долину. До него доносилось мелодичное журчание воды между камнями и на крупной гальке отмелей, с музыкой ручья сливались дремотные голоса всей долины, тонущей в неге жаркого летнего дня. Мики ненадолго уснул беспокойным сном; через полчаса он внезапно проснулся, словно его кто-то разбудил. Он обвёл долину внимательным взглядом, а потом посмотрел на Нееву — этот толстый лентяй проспал бы до ночи, если бы его

оставили в покое. Но Мики в конце концов терял терпение и безжалостно будил медвежонка. Вот и теперь он досадливо залаял, а потом слегка укусил Нееву за ухо.

Он словно говорил:

«А ну-ка, вставай, лежебока! Разве можно спать в такой чудесный день? Лучше прогуляемся по течению ручья и поохотимся на кого-нибудь».

Неева неторопливо поднялся, потянулся всем своим толстым туловищем и зевнул, широко разевая пасть. Его маленькие глазки сонно уставились на долину. Мики вскочил и беспокойно взвизгнул — так он обычно давал своему товарищу понять, что ему хочется пойти побродить по лесу. И Неева покорно начал спускаться следом за ним по зелёному откосу в долину, раскинувшуюся между двумя грядами холмов.

Им обоим уже почти исполнилось полгода, и из щенка и медвежонка они, собственно говоря, превратились в молодого пса и молодого медведя. Большие лапы Мики утратили прежнюю детскую неуклюжесть, грудь развилась, шея удлинилась и уже не казалась нелепо короткой для его крупной головы и могучих челюстей. Да и вообще он стал заметно шире в плечах и выше — его ровесники, принадлежащие к другим породам, рядом с ним

в подавляющем большинстве показались бы маленькими и щуплыми.

Неева больше уже не походил на мохнатый шарик, хотя его возраст можно было угадать намного легче, чем возраст Мики. Однако он уже успел почти совсем утратить своё былое младенческое миролюбие. В нём наконец проснулся боевой дух, унаследованный им от его отца Суминитика; если дело доходило до драки, Неева уже не старался уклониться от неё, как прежде, и отступал, только если это оказывалось совершенно неизбежным и необходимым. Более того, ему, в отличие от большинства медведей, очень нравилось драться. Про Мики, истинного сына Хелея, и говорить нечего: он и в ранней юности никогда не упускал случая затеять драку. В результате оба они, несмотря на свою молодость, уже были покрыты рубцами и шрамами, которые сделали бы честь и закалённому лесному ветерану. Клювы ворон и сов, волчьи клыки и когти пекана оставили на их шкурах неизгладимые знаки, а на боку у Мики в довершение всего красовалась проплешина величиной с ладонь — памятка о встрече с росомахой.

В смешной круглой голове Неевы давно уже зрела честолюбивая мысль о необходимости как-нибудь помериться силами с другим молодым чёрным медведем. Однако до сих пор такая возможность представлялась ему всего дважды, и к тому же оба раза он не смог осуществить своего намерения, так как облюбованных им противников — медвежат-подростков — сопровождали их матери. Вот почему теперь, когда Мики увлекал его в очередную охотничью экскурсию, Неева следовал за ним с удовольствием, объяснявшимся не только надеждой поживиться чем-нибудь съестным, хотя ещё недавно его ничего, кроме еды, не

интересовало. Впрочем, не следует думать, будто Неева утратил свой былой аппетит. Наоборот, он был способен за день съесть втрое больше, чем Мики. Объяснялось это главным образом тем, что Мики удовлетворялся двумя-тремя трапезами в день, а Неева только обедал, но зато любил продлевать свой обед от зари и до зари. Куда бы они ни шли, он на ходу всё время что-нибудь жевал.

В четверти мили от уступа, на котором они спали, находился каменистый овражек, где бил родник. Они давно уже облюбовали этот овражек, потому что он зарос дикой смородиной, самой лучшей во всём бассейне Шаматтавы. Чернильно-чёрные ягоды с вишню величиной, буквально лопающиеся от сладкого сока, свисали такими крупными гроздьями, что Нееве хватало одной, чтобы набить себе пасть. Даже в августовских лесах трудно найти что-нибудь восхитительнее спелой чёрной смородины, и Неева забрал этот овражек в свою собственность. Мики тоже научился есть смородину, а потому теперь они направились к овражку, благо такие чудесные ягоды приятно есть и на сытый желудок. Кроме того, овражек сулил Мики множество развлечений: он кишел кроликами и молодыми куропатками, такими доверчивыми, что он ло-

вил их без труда и пристрастился к их нежному и необыкновенно вкусному мясу. Кроме того, в овражке можно было поймать суслика или даже белку.

Однако на этот раз друзья едва-едва успели проглотить по первой порции крупных сочных ягод, как до их ушей донёсся треск, происхождение которого не вызывало никаких сомнений. Во всяком случае, и Неева, и Мики сразу поняли, что этот треск означает: шагах в тридцати от них выше по овражку кто-то ломал смородиновые кусты. В их владениях бесстыдно хозяйничал неизвестный разбойник! Мики тотчас оскалил клыки, а Неева со зловещим рычанием сморщил нос. Они тихонько направились туда, где раздавался треск, и вскоре вышли на небольшую, ровную, как стол площадку. В центре этой площадки стоял совершенно чёрный от ягод куст смородины не более ярда в обхвате. А перед этим кустом, притягивая к себе его отягощённые гроздьями ветки, присел на задних лапах молодой чёрный медведь, заметно крупнее Неевы.

Но Неева был так ошеломлён и возмущён дерзостью пришельца, что не обратил на это последнее обстоятельство никакого внимания. Его ярость походила на ярость человека, который, вернувшись домой после недолгой отлучки, вдруг обнаружил бы, что его жилищем и имуществом завладел какой-то нахал. К тому же ему представился удобный случай удовлетворить

своё заветное желание, задав хорошую трёпку другому медведю. Мики как будто почувствовал это. Во всяком случае, он не опередил Нееву и не вцепился первым в горло наглого захватчика, как сделал бы при обычных обстоятельствах. Мики, против обыкновения, медлил, и Неева кинулся вперёд и ударил ничего не подозревающего противника в бок, словно чёрное ядро.

Макоки, старый индеец из племени кри, присутствуй он при этой сцене, несомненно, тут же дал бы противнику Неевы кличку Питут-а-вапис-кум, что в буквальном переводе означает «сбитый с ног». Индейцы кри умеют находить чрезвычайно меткие и удачные наименования, а в этот момент описать неизвестного медведя точнее всего можно было именно с помощью выражения «питут-а-вапис-кум». Мы же в дальнейшем будем для краткости называть его просто Питом.

Захваченный врасплох, Пит, рот которого был набит смородиной, опрокинулся от удара Неевы, точно туго набитый мешок. Первый натиск Неевы увенчался таким полным успехом, что Мики, который наблюдал за происходящим с жадным интересом, не удержался и одобрительно тявкнул. Прежде чем Пит успел опомниться и хотя

бы проглотить ягоды, Неева, не тратя времени, схватил его за горло зубами, и пошла потеха.

Надо сказать, что медведи, особенно молодые медведи, дерутся на свой особый лад. Точнее всего здесь подошло бы сравнение с двумя дюжими рыночными торговками, вцепившимися друг

другу в волосы. Никаких правил при этом, конечно, не соблюдается. Когда Пит и Неева крепко обхватили друг друга передними лапами, они сразу же пустили в ход задние, и шерсть полетела клочьями. Пит, уже опрокинутый на спину (прекрасная боевая позиция для медведя!), оказался бы в более выгодном положении, если бы не то обстоятельство, что Неева успел вцепиться в его глотку. Погрузив клыки на всю их длину в горло противника, Неева отчаянно работал острыми когтями задних лап. Когда Мики увидел летящую шерсть, он в восторге придвинулся поближе к дерущимся. Но тут Пит нанёс удар одной лапой, затем другой, и Мики от разочарования только щёлкнул челюстями. Бойцы покатились по земле мохнатым клубком: Неева изо всех сил старался не разомкнуть зубов, и оба они хранили полное безмолвие, не позволяя себе ни взвизгнуть, ни зарычать. Песок и камешки взлетали в воздух вместе с клочками чёрного меха. Большие камни с грохотом катились по склону на дно овражка. Казалось, сама земля содрогается от ярости этой битвы. Мики напряжённо наблюдал за её ходом, и теперь в его глазах и позе начало проглядывать некоторое беспокойство, вскоре сменившееся откровенной тревогой. Сначала в этом извиваю-

щемся клубке из восьми мохнатых лап, которые били, терзали и рвали в клочья длинную чёрную шерсть, так что чудилось, будто сцепились две взбесившиеся ветряные мельницы, Мики не мог распознать, кто здесь, собственно, Неева, а кто — Пит, а потому не был в состоянии решить, кому приходится хуже. Однако в недоумении он пребывал не дольше трёх минут.

Вдруг он услышал, как Неева взвизгнул — очень тихо, почти беззвучно, и всё-таки Мики различил в голосе друга растерянность и боль.

Придавленный тяжёлой тушей Пита, Неева к концу этих трёх минут понял, что выбрал противника не по своим возможностям. Дело было только в весе Пита и его размерах — как боец Неева превосходил его и умением, и храбростью. Но, и осознав свою ошибку, Неева продолжал драться в надежде, что удача всё-таки ему улыбнётся. В конце концов Питу удалось занять удобную позицию, и он принялся раздирать Нееве бока так немилосердно, что, наверное, скоро спустил бы с них шкуру в буквальном смысле слова, если бы в драку не вмешался Мики. Надо отдать Нееве справедливость: он переносил боль в стоическом молчании и ни разу больше не завизжал.

Но Мики всё равно понял, что его другу прихо-

дится плохо, и впился зубами в ухо Пита. Впился с такой свирепостью, что сам Суминитик при подобных обстоятельствах не постыдился бы испуганно взреветь во всю силу своих лёгких. Так что уж говорить о Пите! Он испустил отчаянный вопль. Забыв обо всём на свете, кроме непонятной силы, которая безжалостно терзала его нежное ухо, он оглушительно визжал от ужаса и боли. Когда раздался этот пронзительный жалобный визг, Неева сразу же понял, что тут не обошлось без Мики.

Он вырвался из-под туши своего противника, и как раз вовремя: в овражек, как разъярённый бык, ворвалась матушка Пита. Она замахнулась на Нееву огромной лапой, но он успел отскочить и пустился наутёк, а медведица повернулась к своему вопящему отпрыску. Мики в упоении висел на своей жертве и заметил, какая опасность ему грозит, только когда медведица уже занесла над ним лапу, похожую на бревно. Мики молниеносным движением бросился в сторону, и лапа опустилась на затылок злополучного Пита с такой силой, что он, точно футбольный мяч, кувырком пролетел по склону тридцать шагов.

Мики не остался посмотреть, что будет дальше. Он юркнул в смородиновые кусты и помчался вслед за Неевой к выходу из овражка. На равнину они выскочили одновременно и бежали без оглядки ещё добрых десять минут. Когда они наконец остановились перевести дух, от овражка их уже отделяла целая миля. Пыхтя и задыхаясь, они опустились на землю. Неева в изнеможении высунул длинный красный язык. Медвежонок был весь в кровоточащих царапинах, на его боках клочьями висела выдранная шерсть. Он посмотрел на Мики долгим горестным взглядом, как бы печально признавая, что победа, бесспорно,

осталась за Питом.

Глава 12

После драки в овражке Мики с Неевой уже не рисковали возвращаться в этот райский сад, где в таком изобилии произрастала восхитительная чёрная смородина. Впрочем, Мики от кончика носа до кончика хвоста был завзятым искателем приключений и, подобно древним кочевникам, лучше всего чувствовал себя тогда, когда они отправлялись исследовать новые места. Теперь он душой и телом принадлежал дремучим дебрям, и если бы в эту пору своей жизни он вдруг наткнулся на стоянку какого-нибудь охотника, то, скорее всего, подобно Нееве, поспешил бы убраться от неё подальше. Однако в судьбах зверей случай играет не меньшую роль, чем в людских судьбах, и, когда наши друзья повернули на запад, туда, где простиралась обширная неведомая область огромных озёр и множества рек, события начали понемножку и незаметно подводить Мики, сына Хелея, к тем дням, которым суждено было стать самыми тёмными и страшными днями его жизни.

Шесть чудесных солнечных недель, завер-

шавших лето и начинавших осень, то есть до середины сентября, Мики и Неева медленно продвигались через леса на запад, неуклонно следуя за заходящим солнцем к хребту Джонсона, к рекам Тачвуд и Клируотер и к озеру Годе. В этих краях они увидели много нового. Здесь на площади примерно в десять тысяч квадратных миль природа создала настоящий лесной заповедник. На своём пути Мики и Неева встречали большие колонии бобров, выбиравших для своих хаток тёмные и тихие заводи. Они видели, как выдры играют и катаются с глинистых откосов. Они так часто натыкались на лосей и карибу, что совсем перестали их бояться, и теперь, не прячась, спокойно шли через поляны или болотца, где паслись рогатые красавцы. Именно здесь Мики окончательно постиг, что животные, ноги которых завершаются копытами, представляют собой законную добычу зверей, наделённых когтями и зубами: эти места кишели волками, и они с Неевой часто натыкались на остатки волчьих пиршеств, а ещё чаще слышали охотничий клич стаи, идущей по следу. После своей июньской встречи с Махигун Мики утратил всякое желание свести с волками более близкое знакомство. А Неева теперь уже не требовал, чтобы они надолго

задерживались у недоеденных туш, на которые они время от времени натыкались. В Нееве просыпалось квоска-хао — инстинктивное ощущение надвигающегося «большого изменения».

До начала октября Мики не замечал в своём товарище ничего нового и необычного, но когда наступил этот месяц, в поведении Неевы появилось какое-то беспокойство. Это беспокойство всё

более усиливалось, по мере того как ночи становились холоднее, а воздух наполнялся запахами поздней осени. Теперь вожаком в их странствиях стал Неева — казалось, он непрерывно что-то ищет, но что именно, Мики не удавалось ни почуять, ни увидеть. Неева спал теперь мало и урывками. К середине октября он и вовсе перестал спать и почти всю ночь напролёт, как и весь день, ел, ел, ел и непрерывно нюхал ветер в надежде обнаружить то таинственное нечто, на поиски которого его настойчиво и неумолимо гнала Природа. Он без конца рыскал среди бурелома и между скал, а Мики следовал за ним по пятам, готовый в любую минуту кинуться в бой с тем неведомым, что с таким усердием разыскивал Неева. Но поиски Неевы всё ещё оставались напрасными.

Тогда Неева, подчиняясь унаследованному от родителей инстинкту, повернул назад, на восток, туда, где лежала страна Нузак, его матери, и Суминитика, его отца. Мики, конечно, пошёл с ним. Ночи становились всё более и более холодными. Звёзды словно отодвигались в неизмеримые глубины неба, а луна над зубчатой стеной леса уже не бывала красной, точно кровь. Крик гагары стал неизбывно тоскливым, словно она горевала

и плакала. А обитатели типи и лесных хижин втягивали ноздрями ледяной утренний воздух, смазывали свои капканы рыбьим жиром и бобровой струёй, шили себе новые мокасины, чинили лыжи и сани, потому что стенания гагары говорили о неумолимом приближении идущей с севера зимы. Болота окутала тишина. Лосиха уже не подзывала мычанием лосят. Теперь над открытыми равнинами и над старыми гарями разносился грозный рёв могучих самцов, бросающих вызов всем соперникам, и под ночными звёздами огромные рога с треском стукались о рога, сшибаясь в яростном поединке. Волк уже не завывал, упиваясь собственным голосом. Хищные лапы теперь ступали осторожно, крадучись. В лесном мире вновь наступала пора отчаянной борьбы за жизнь.

И вот пришёл ноябрь.

Наверное, Мики на всю жизнь запомнился день, когда выпал первый снег. Сначала он решил, что все белые птицы на свете вздумали одновременно сбросить свои перья. Затем он ощутил под лапами нежную мягкость и холод. Кровь побежала по его жилам огненными струйками, и он почувствовал то дикое, захватывающее упоение, которое испытывает волк при наступлении

зимы.

На Нееву снег подействовал совсем по-иному, настолько по-иному, что даже Мики ощутил эту разницу и со смутным беспокойством ожидал, к каким это может привести последствиям. В тот день, когда выпал первый снег, он заметил в поведении своего товарища необъяснимую перемену: Неева принялся есть то, чего прежде никогда в рот не брал. Он слизывал с земли мягкие сосновые иглы и трухлявую кору сгнивших стволов. А затем он забрался в узкую расселину у вершины высокого холма и нашёл наконец то, что искал, — глубокую, тёплую, тёмную пещеру.

Пути природы неисповедимы. Она наделяет птиц зрением, о каком человек не может и мечтать, а зверям дарит чувство направления, не доступное людям. Неева, готовясь погрузиться в свой первый Долгий Сон, пришёл в пещеру, где родился, в пещеру, из которой вышел ранней весной вместе с Нузак, своей матерью.

Тут ещё сохранилась их постель — углубление в мягком песке, устланное слинявшей шерстью Нузак. Но эта шерсть уже утратила запах его матери. Неева лёг в готовое углубление и в последний раз испустил негромкое ласковое ворчание, адресованное Мики. Как будто неведомая рука мягко,

но неумолимо прижалась к его глазам, и, не в силах противиться её приказу, он на прощание пожелал Мики «спокойной ночи».

И в эту ночь с севера, словно лавина, налетел пипу кестин — первый зимний буран. Ветер ревел как тысяча лосей, и в лесном краю вся жизнь затаилась без движения. Даже в своей укромной пещере Мики слышал, как воет и хлещет по скалам ветер, слышал свист дробинок снежной крупы за отверстием, сквозь которое они забрались в пещеру, и теснее прижался к Нееве, довольный тем, что они отыскали такой надёжный приют.

Когда наступил день, Мики направился к щели в скале и застыл в изумлённом безмолвии перед зрелищем нового мира, совсем не похожего на тот, который он видел ещё накануне. Всё было белым — ослепительно, пронзительно-белым. Солнце уже встало. Оно пускало в глаза Мики тысячи острых стрел сияющего блеска. Всюду, куда бы он ни посмотрел, земля казалась одетой в алмазный убор. Скалы, деревья, кусты нестерпимо сверкали в солнечных лучах. Вершины деревьев, отягощённые снежными шапками, пылали серебряным пламенем. Оно морем разливалось по долине, и не успевший замёрзнуть извилистый

чёрный ручей казался от этого особенно чёрным. Никогда ещё Мики не видел такого великолепного дня. Никогда ещё его сердце не билось при виде солнца с такой бешеной радостью, как теперь, и никогда ещё его кровь не бежала по жилам так весело.

Он заливисто тявкнул и бросился к Нееве. Его звонкий лай нарушил сумрачную тишину пещеры, и он принялся расталкивать носом спящего товарища. Неева сонно заворчал. Он потянулся, на мгновение поднял голову, а потом снова свернулся в тугой шар. Тщетно Мики доказывал, что уже день и им пора идти дальше, — Неева не откликался на его призывы. В конце концов Мики возвратился к щели, ведущей наружу. Там он оглянулся, проверяя, не идёт ли за ним Неева. С разочарованием убедившись, что тот по-прежнему лежит неподвижно, он в два прыжка очутился на снегу. Однако он ещё не меньше часа провёл около пещеры, вновь превратившейся в медвежью берлогу. Три раза он забирался туда к Нееве и пытался заставить его встать и выйти на свет.

В дальнем углу пещеры, где устроился Неева, было совсем темно, и Мики словно растолковывал своему другу, что он очень глуп, если думает, будто сейчас ещё ночь, — ведь солнце взошло дав-

ным-давно. Но из усилий Мики ничего не вышло. Неева уже погружался в Долгий Сон — зимнюю спячку, которую индейцы называют ускепоу-амью — страной снов, куда уходят медведи.

Досада на приятеля и сильнейшее желание как следует укусить Нееву за ухо постепенно сменились у Мики совсем другим настроением. Инстинкт, который у зверей заменяет логическое мышление, свойственное человеку, пробуждал в нём гнетущую и непонятную тревогу. Его всё больше и больше охватывало томительное беспокойство. Он метался перед входом в пещеру, и в этих метаниях чудилось даже отчаяние. Наконец Мики в последний раз залез туда к Нееве, а потом один спустился в долину.

Он был голоден, но после ночного бурана найти какую-нибудь еду было нелегко. Кролики тихо лежали в тёплых гнёздах под валежником и в дуплах поваленных деревьев, надёжно прикрытых снежными сугробами. На то время, пока бушевал буран, вся лесная жизнь замерла, и теперь искрящуюся пелену не пересекал ни единый след, который мог бы привести Мики к добыче. Он брёл по снегу, иногда проваливаясь в него по самые плечи. Потом он спустился к ручью. Но это уже не был прежний, хорошо ему знакомый ру-

чей — по его берегам застыла ледяная корка, вода стала тёмной и зловещей. И он уже не журчал весело и беззаботно, как летом и в дни золотой осени. В его глуховатом монотонном побулькивании слышалась неясная угроза — словно ручьём завладели злые лесные духи и, исказив самый его голос, предупреждали Мики, что времена изменились и его родным краем управляют теперь новые силы и ещё не известные ему законы.

Мики осторожно полакал воды. Она была холодной — холодной, как снег. И он постепенно начал понимать, что этот новый мир, несмотря на всю свою белую красоту, лишён тёплого бьющегося сердца, лишён жизни. А он был в этом мире один. Один! Всё вокруг было занесено сне-

гом. Всё вокруг, казалось, умерло.

Мики вернулся к Нееве и до конца дня лежал в пещере, прижавшись к мохнатому боку своего друга. Ночь он тоже провёл в пещере — он только подошёл к выходу и посмотрел на усыпанное яркими звёздами небо, по которому, как белое солнце, плыла луна. Луна и звёзды также стали какими-то другими, незнакомыми. Они казались неподвижными и холодными. А под ними распростёрлась белая безмолвная земля.

На рассвете Мики ещё раз попробовал разбудить Нееву, но уже без прежней упрямой настойчивости. И у него не возникло желания куснуть Нееву. Он осознал, что произошло нечто непостижимое. Понять, в чём дело, он был не в состоянии, но смутно угадывал всю значительность случившегося. И ещё он испытывал непонятный страх, пронизанный дурными предчувствиями.

Мики спустился в долину поохотиться. Ночью при свете луны и звёзд кролики устроили на снегу настоящий праздник, так что теперь на опушке леса Мики нашёл целые площадки, утрамбованные их лапками, и множество петляющих следов. Поэтому он без труда отыскал себе завтрак и отлично поел. Однако он тут же выследил ещё одного кролика, а потом и второго. Он мог бы

продолжать эту охоту до бесконечности: благодаря предательскому снегу надёжные кроличьи тайники превратились в настоящие ловушки. К Мики вернулась бодрость. Он снова радовался жизни. Никогда ещё у него не было такой удачной охоты, никогда ещё в его распоряжение не попадали такие богатые угодья, по сравнению с которыми совсем жалким казался овражек, где густые кусты смородины были чёрными от сочных гроздьев. Он наелся до отвала, а потом вернулся к Нееве с одним из убитых кроликов. Он бросил кролика рядом со своим товарищем и затявкал. Но даже и теперь Неева никак не отозвался на его зов. Медвежонок только глубоко вздохнул и слегка изменил позу.

Однако днём Неева впервые за двое суток поднялся, потянулся и обнюхал кроличью тушку. Но есть он не стал. Он несколько раз повернулся в своём углублении, расширяя его, и, к большому огорчению Мики, опять заснул.

На следующий день, примерно в тот же час, Неева снова проснулся. На этот раз он даже подошёл к выходу из пещеры и проглотил немного снега. Но кролика есть он всё-таки не стал. Вновь мать-природа подсказала ему, что не следует разрушать покров из сосновых игл и сухой трухи,

которым он выстлал свой желудок и кишечник. Неева снова уснул. И больше уже не просыпался.

Зимние дни сменяли друг друга, а Мики по-прежнему охотился в долине возле берлоги, всё больше и больше страдая от одиночества. До конца ноября он каждую ночь возвращался в пещеру и спал возле Неевы. А Неева казался мёртвым, только он был тёплым, дышал и порой из его горла вырывалось глухое ворчание. Но всё это не утоляло тоски, нараставшей в душе Мики, которому отчаянно недоставало общества, недоставало верного товарища. Он любил Нееву. Первые долгие недели зимы он неизменно возвращался к спящему другу. Он приносил ему мясо. Его переполняло непонятное горе, которое не было бы столь острым, если бы Неева просто умер. Наоборот, Мики твёрдо знал, что Неева жив, но не понимал, почему он всё время спит, и мучился именно оттого, что не мог разобраться в происходящем. Смерть Мики понял бы: если бы Неева был мёртв, Мики просто ушёл бы от него… и не вернулся бы.

Однако в конце концов наступила ночь, когда Мики, гоняясь за кроликом, отошёл от пещеры очень далеко и впервые не стал возвращаться туда, а переночевал под кучей валежника. После

этого ему стало ещё труднее сопротивляться неслышному голосу, который властно звал его идти дальше. Через несколько дней он опять переночевал вдали от Неевы. А после третьей такой ночи наступила неизбежная минута — такая же неизбежная, как восход солнца и луны, — и наперекор надежде и страху Мики твёрдо понял, что Неева уже никогда больше не пойдёт бродить с ним по лесу, как в те чудесные летние дни, когда они плечом к плечу встречали опасности и радости жизни в мире северных лесов, которые теперь не зеленели под тёплыми солнечными лучами, а тонули в белом безмолвии, исполненном смерти.

Неева не знал, что Мики ушёл из пещеры, чтобы больше в неё не возвращаться. Но, быть может, Иску Вапу, добрая покровительница зверья, шепнула ему во сне, что Мики ушёл; во всяком случае, в течение многих дней сон Неевы был беспокойным и тревожным.

«Спи, спи! — быть может, ласково баюкала его Иску Вапу. — Зима будет длинной. Вода в реках стала чёрной, ледяной. Озёра замёрзли, а водопады застыли, как огромные белые великаны. Спи, спи! А Мики должен идти своим путём, как вода в реке должна уноситься к морю. Потому что он

— пёс, а ты — медведь. Спи же, спи!»

Глава 13

В конце ноября, вскоре после первого бурана, загнавшего Нееву в берлогу, разразилась невиданная пурга, которая надолго запомнилась в северном краю, потому что с неё начался Кускета пиппун — Чёрный год, год внезапных и страшных морозов, голода и смерти. Пурга эта началась через неделю после того, как Мики окончательно

покинул пещеру, где так крепко уснул Неева. А до этой бури над лесами, укутанными белой мантией, день за днём сияло солнце, а по ночам золотым костром горела луна и сверкали яркие звёзды. Ветер дул с запада. Кроликов было столько, что в чащах и на болотах снег был плотно утрамбован их лапками.

Лоси и карибу бродили по лесам во множестве, и ранний охотничий клич волков сладкой музыкой отдавался в ушах тысяч трапперов[17], ещё не покинувших свои хижины и типи.

[17] Примечания: 17

Тра́ппер — североамериканский зверолов, промышляющий пушниной.

А потом грянула нежданная беда. Ничто её не предвещало. Небо на заре было совсем чистым, и утром ярко светило солнце. Затем леса окутала зловещая тьма — окутала с такой неимоверной быстротой, что трапперы, обходившие свои капканы, останавливались как вкопанные и с удивлением озирались по сторонам. Тьма стремительно сгущалась, и в воздухе послышались тихие звуки, похожие на стоны. Хотя они были еле слышны, никакой самый зловещий

барабанный бой не мог бы нести более грозного предостережения. Они казались отголосками дальнего грома. Но предупреждение пришло слишком поздно. Прежде чем люди успели вернуться в свои жилища или хотя бы соорудить себе временные убежища, на них обрушился Великий Буран. Три дня и три ночи он бесчинствовал, точно бешеный бык, примчавшийся с севера. В открытой тундре ни одно живое существо не могло устоять на ногах. В лесах ветер тысячами валил деревья, громоздя стены непроходимого бурелома. Всё живое закопалось в снег… или погибло. Буран намёл валы и сугробы из твёрдой ледяной крупы, похожей на свинцовую дробь, и принёс с собой жестокий мороз.

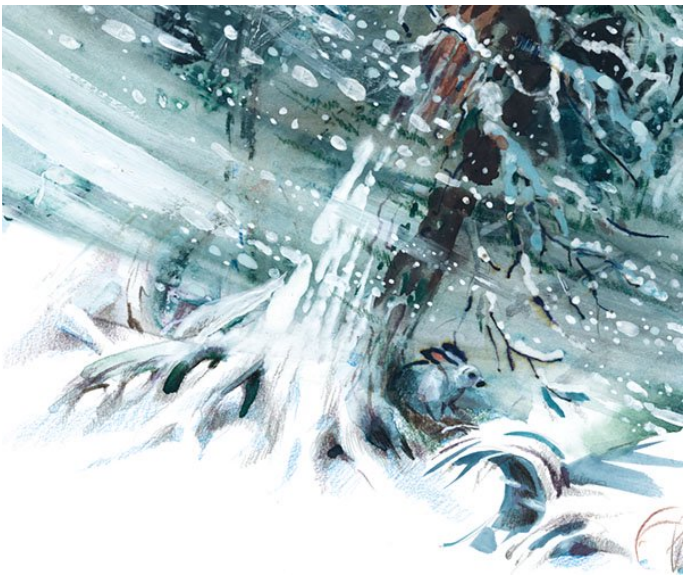
На третий день температура в области, лежащей между Шаматтавой и хребтом Джексона, упала до пятидесяти градусов ниже нуля. И только на четвёртый день те, кто остался жив, рискнули выбраться из спасительных укрытий. Лоси и карибу с трудом вставали, сбрасывая с себя тяжёлое бремя снега, которому были обязаны тем, что уцелели. Животные помельче прока-

пывали туннели из глубины сугробов. Погибло не меньше половины всех птиц и кроликов. Но наиболее богатую дань в эти дни смерть собрала среди людей. Правда, многим даже из тех, кто был застигнут бураном вдали от дома, всё-таки удалось кое-как добраться до своих хижин и типи. Однако число невернувшихся было ещё больше — за три ужасных дня Кускета пиппун между Гудзоновым заливом и Атабаской погибло пятьсот с лишним человек.

Перед началом Великого Бурана Мики бродил по большой гари у хребта Джексона, и при первых признаках надвигающейся пурги инстинкт заставил его поспешно вернуться в густой лес. В самой чаще он ползком забрался в глубину хаотического нагромождения упавших стволов и сломанных вершин и пролежал там не двигаясь все три страшных дня. Пока бушевала пурга, его томила тоска: ему хотелось вернуться в пещеру, где спал Неева, и снова прижаться к тёплому боку товарища, пусть он и был недвижим, точно мёртвый. Необычная дружба, так крепко связавшая их за время долгих совместных летних странствований, радости и невзгоды долгих месяцев, когда они сражались и пировали бок о бок, как братья, — всё это с необыкновенной ясностью жило в его памяти, точно произошло только вчера.

Мики лежал под нагромождением бурелома, который всё больше заносило снегом, и видел сны. Ему снился Чэллонер, его хозяин, и то время, когда он ещё был весёлым, беззаботным щенком; ему снился тот день, когда Чэллонер принёс на их стоянку Нееву, осиротевшего медвежонка, и всё, что произошло с ними потом; он вновь переживал во сне разлуку с хозяином, удивительные и опасные приключения, выпавшие на их

долю в лесах, и, наконец, потерю Неевы, который лёг в песок на полу пещеры и не захотел больше вставать. Этого Мики никак не мог понять. И, проснувшись, Мики под завывание бурана продолжал раздумывать о том, почему Неева не пошёл с ним на охоту, а свернулся в шар и заснул странным непробудным сном. Всё время, пока тянулись эти нескончаемые три дня и три ночи, Мики томился от одиночества больше, чем от голода, но и голод был мучителен: когда на утро четвёртого дня он выбрался из своего убежища, от него остались только кожа да кости, а глаза застилала красная пелена. Мики сразу же посмотрел на юго-восток и заскулил.



В этот день ему пришлось пробежать по снежному насту двадцать миль, но он всё-таки добрался до холма, у вершины которого была берлога Неевы. В этот день солнце в очистившемся небе сияло ослепительным огнём. Его лучи отража-

лись от искрящегося снега, и из-за этого режущего блеска красная пелена перед глазами Мики ещё больше сгущалась. Но когда он наконец добрался до цели, небо уже потемнело и только на западе горело холодным багрянцем. Над лесом сгущались ранние зимние сумерки, однако света было ещё достаточно, чтобы разглядеть холмистую гряду с пещерой Неевы, — но пещера исчезла. Буран нагромоздил по склонам холма чудовищные сугробы, и они скрыли все приметные скалы и кусты. Вход в пещеру был погребён под десятифутовым слоем снега.

Замёрзший, голодный, совсем исхудавший за эти трое суток, лишившийся последней надежды на возвращение к другу, Мики поплёлся обратно. У него больше не было ничего, кроме нагро-

мождения упавших стволов, под которыми он прятался от бурана; и в нём самом теперь ничего не осталось от весёлого товарища и названого брата медвежонка Неевы. Стёртые лапы кровоточили, но Мики упорно шёл вперёд. Зажглись звёзды, и белый мир наполнился призрачным мерцанием. Всё было сковано лютым холодом. Деревья начали потрескивать. По всему лесу словно раздавались пистолетные выстрелы — это мороз разрывал сердцевину деревьев. Было тридцать пять градусов ниже нуля, и становилось всё холоднее. Мики с трудом заставлял себя идти к своему логовищу под буреломом. Никогда ещё его силы и воля не подвергались такому жестокому испытанию. Взрослая собака на его месте прямо упала бы в снег или попробовала бы отыскать какое-нибудь временное убежище, чтобы передохнуть. Но Мики был истинным сыном Хелея, своего великана отца, и остановить его на избранном пути могла только смерть.

Но тут случилось нечто совершенно неожиданное. Мики уже прошёл тридцать пять миль, считая двадцать миль до холма и пятнадцать обратно, как вдруг наст под его лапами проломился, и он с головой ушёл в рыхлый снег. Когда Мики немного опомнился и снова встал на полуотморо-

женные лапы, он увидел, что очутился в каком-то очень странном месте, — это был шалашик из еловых веток, и в нём сильно пахло мясом! Мики тотчас обнаружил это мясо почти под самым своим носом — надетый на колышек кусок, отрезанный от замёрзшей туши карибу. Мики не стал задаваться вопросом, откуда взялось здесь это мясо, и тут же его проглотил. Объяснить ему, где он очутился, мог бы только Жак Лебо, траппер, живший милях в десяти к востоку от этого места. Мики ел приманку, которую Лебо оставил у капкана, соорудив над ним особый шалашик. Индейцы такой шалашик называют «кекек».

Мяса было мало, но Мики сразу ободрился и почувствовал в себе новые силы. К нему полностью вернулось обоняние, и, уловив заманчивый запах, он принялся разрывать снег. Вскоре его лапы нащупали что-то жёсткое и холодное. Это была сталь. Мики вытащил из-под снега капкан, предназначавшийся для пекана. Однако попался в этот капкан кролик. Хотя случилось это уже несколько дней назад, но укрытая глубоким снегом тушка не успела промёрзнуть насквозь, и Мики съел её целиком, против обыкновения не оставив даже головы. Затем он побежал к своему бурелому и крепко проспал в тёплом логовище

всю оставшуюся часть ночи и утро следующего дня.

В этот день Жак Лебо, которого индейцы прозвали Мукет-та-ао, что значит «Человек с дурным сердцем», обошёл свои капканы, поправил раздавленные снегом кекеки, взвёл спущенные пружины и положил новую приманку.

К вечеру того же дня Мики, отправившись на охоту, обнаружил след Лебо, когда бежал по замёрзшему болоту, в нескольких милях от своего логова. В его душе давно уже угасло желание вновь обрести хозяина. Он подозрительно обнюхал следы индейских лыж Лебо, и шерсть на его загривке поднялась дыбом. Потом он потянул ноздрями воздух и прислушался. Наконец решившись, он осторожно пошёл по этому следу и через сто ярдов наткнулся ещё на один кекек. Тут тоже был кусок мяса, насаженный на колышек. Мики потянулся к нему. Возле его передней лапы послышался громкий щелчок, и захлопнувшиеся стальные челюсти капкана бросили ему в нос фонтанчик снега и хвои. Мики зарычал и замер. Его глаза были устремлены на капкан. Затем он вытянул шею и умудрился схватить мясо, не сделав больше ни шагу вперёд. Вот так Мики узнал, что под снегом прячутся коварные сталь-

ные челюсти, а инстинкт подсказал ему, как не попасть в них.

Мики шёл по следу Лебо ещё примерно треть мили. Его не оставляло ощущение новой и грозной опасности, однако он не свернул с того следа, который манил его с непреодолимой силой. Он продолжал бежать вперёд и вскоре добрался до

следующей ловушки. Там он ловко стащил мясо с колышка, не захлопнув ту штуку, которая, как он теперь знал, была спрятана возле колышка. Пощёлкивая длинными клыками, Мики затрусил дальше. Ему очень хотелось посмотреть на этого нового человека, но он не торопился и съел мясо в третьем, четвёртом и пятом кекеке.

Затем, когда начало смеркаться, он повернул

на запад и быстро пробежал пять миль, отделявшие его от логова под буреломом. Полчаса спустя Лебо, завершив обход, отправился обратно вдоль линии капканов. Он увидел первый ограбленный кекек и следы на снегу.

— Чёрт побери! — воскликнул он. — Волк! И среди бела дня!

Затем на его лице отразилось изумление, он встал на четвереньки и внимательно рассмотрел следы.

— Нет! — пробормотал он. — Это не волк, это собака. Хитрая одичавшая собака, и она грабит мои капканы!

Лебо поднялся на ноги и грубо выругался. Из кармана меховой куртки он вытащил жестяную коробочку и достал из неё шарик жира. Внутри шарика была запрятана капсула со стрихнином. Это была отравленная приманка, предназначавшаяся для волков и лисиц.

Со злорадным смешком Лебо насадил смертоносный шарик на колышек перед капканом.

— Да, да, одичавшая собака! — проворчал он. — Я её проучу! Завтра же она сдохнет.

И на все пять оголённых колышков он насадил капсулы стрихнина, скрытые в шариках из аппетитного жира.

Глава 14

На следующее утро Мики вновь обследовал капканы Жака Лебо. Влекла его туда вовсе не возможность насытиться без всякого труда. Наоборот, он предпочёл бы добыть себе завтрак охотой. Но запах человека, которым была пропи-

тана тропа Лебо, тянул его к себе как магнит. Там, где этот запах был особенно силён, Мики хотелось лечь на землю и никуда больше не уходить. Однако вместе с этим желанием в его душе нарастал страх, и он только становился всё более осторожным. Приманку и в первом кекеке и во втором он оставил нетронутой. Третью приманку Лебо удалось насадить не сразу, а потому она особенно сильно пахла его руками. Лисица сразу кинулась бы прочь от неё, но Мики сорвал её с колышка и бросил в снег между своими передними лапами. Затем он целую минуту оглядывался по сторонам и прислушивался. Наконец он несколько раз лизнул шарик. Запах Лебо мешал Мики мгновенно проглотить этот кусочек жира, как он глотал мясо карибу. С некоторым недоверием он сжал шарик зубами. Жир показался ему очень приятным, и он уже готов был проглотить приманку, как вдруг почувствовал какой-то едкий вкус и поспешил выплюнуть остатки шарика в снег. Однако жгучее ощущение во рту и глотке не проходило. Оно проникало всё глубже, и Мики быстро проглотил комочек снега, чтобы загасить огонь, который начинал разливаться по его внутренностям.

Если бы Мики съел отравленную приманку сразу, как накануне съедал кусочки мяса, сорванные

с колышков, он издох бы четверть часа спустя и Лебо не пришлось бы уходить на поиски его трупа особенно далеко. Теперь же на исходе этих первых пятнадцати минут он почувствовал себя очень скверно. Сознавая приближение какой-то новой и непонятной опасности, Мики свернул с охотничьей тропы Лебо и направился к своему логову. Но он успел пройти совсем немного, как вдруг его лапы подкосились и он рухнул в снег. Его тело задёргалось в быстрых мелких судорогах. Каждая мышца конвульсивно сокращалась и дрожала. Его зубы дробно лязгали. Зрачки расширились, и он был не в силах сделать ни одного движения. А затем где-то под затылком на его шею словно легла рука душителя, и он захрипел. По его телу огненной волной прокатилось онемение. Мышцы, всего секунду назад мучительно подергивавшиеся, теперь были напряжены и парализованы. Беспощадная сила яда запрокинула его голову к спине так, что его морда вздёрнулась прямо в небо. Он не взвизгнул и не заскулил. Несколько минут он находился на грани смерти.

Затем паралич прошёл — словно лопнули стягивавшие его верёвки. Тяжёлая рука на затылке исчезла, онемение в теле прошло, сменившись мелкой ознобной дрожью, а ещё через секунду

Мики забился на снегу в жестоких судорогах. Этот припадок длился около минуты. Когда судороги стихли, Мики еле переводил дух. Из пасти у него тянулись струйки слюны. Но он остался жив. Смерть отступила, не унеся свою жертву; ещё через несколько минут Мики кое-как поднялся на ноги и с трудом побрёл к своему логовищу.

Теперь Жак Лебо мог бы усеять его путь миллионами капсул с ядом — Мики не коснулся бы ни одной из них, в какую бы соблазнительную приманку они ни были заключены.

И с этих пор никакое мясо на колышке уже не могло его прельстить.

Два дня спустя Лебо пришёл к тому капкану, возле которого Мики вёл бой со смертью. Увидев, что его расчёты не оправдались, траппер впал в ярость. Он пошёл по следу, оставленному собакой, которую ему не удалось отравить. К полудню он добрался до кучи поваленных деревьев и увидел утоптанную тропку, уводившую в щель между двумя стволами. Лебо встал на колени и заглянул в тёмную глубину кучи, но ничего там не разглядел. Однако Мики, чутко дремавший в своём логове, увидел человека, и человек этот показался ему похожим на смуглого бородача, который когда-то запустил в него дубиной. Мики

почувствовал мучительное разочарование, потому что где-то в глубинах его памяти по-прежнему жило воспоминание о Чэллонере — о хозяине, которого он потерял. Но каждый раз, когда он чуял запах человека, его ожидало всё то же разочарование — это был не Чэллонер.

Лебо услышал, как Мики глухо заворчал, и возбуждённо поднялся с колен. Забраться в глубину бурелома к одичавшей собаке он не мог и знал, что ему вряд ли удастся выманить её наружу. Однако в его распоряжении был ещё один способ: он мог выгнать её оттуда с помощью огня.

В недрах своей крепости Мики услышал хруст снега — человек удалялся. Однако через несколько минут Лебо опять заглянул в его логово.

— Зверюга! Зверюга! — насмешливо позвал траппер, и Мики снова зарычал.

Лебо не сомневался в успехе своего плана. Лес вокруг этого хаотичного нагромождения стволов был довольно редким и без кустарника, поперечник кучи не превышал тридцати — сорока футов, и траппер был твёрдо уверен, что одичавшей собаке не уйти от его пули.

Он снова обошёл поваленные деревья и внимательно их осмотрел. С трёх сторон бурелом был погребён под глубокими сугробами, и открытой

оставалась только та его часть, где Мики устроил свой лаз.

Расположившись у наветренной стороны кучи, Лебо развёл там маленький костёр из берёзовой коры и смолистых сучков. Сухие стволы и хвоя вспыхнули как порох, и через несколько минут огонь уже трещал и ревел так грозно, что Мики охватила тревога, хотя он и не понимал причины этого шума. Дым добрался до него не сразу, и некоторое время Мики продолжал недоумевать. Лебо сбросил рукавицы и, сжимая ружье напряжёнными пальцами, не спускал глаз с того места, где должна была появиться одичавшая собака.

Внезапно в ноздри Мики ударил душный запах гари, и перед его глазами, как прозрачная завеса, заколебалось голубоватое облачко. Потом из щели между двумя стволами выползла, завиваясь в клубы, густая струя сизого дыма, а непонятный рёв раздавался всё ближе и становился всё более зловещим. Тут Мики наконец увидел, что за спутанными еловыми ветками мечутся жёлтые языки пламени, которые быстро пожирают смолистую сухую древесину. Ещё через десять секунд над кучей взметнулся столб огня высотой в двадцать футов, и Жак Лебо поднял ружьё, готовясь стрелять.

Хотя Мики знал, что огонь несёт ему смерть, он не забывал и про Лебо. Инстинкт, в минуты опасности наделявший его поистине лисьей хитростью, подсказал ему, откуда взялся огонь. Этого беспощадного врага наслал на него человек, который стоит перед лазом и ждёт. А потому Мики, подобно лисе, сделал именно то, чего Лебо никак не предвидел. Он быстро пополз в глубину завала, продираясь сквозь спутанные макушки, добрался до снежной толщи и принялся прокапывать себе выход с быстротой, которая не посрамила бы настоящую лису.

Наружную полудюймовую ледяную корку он разбил зубами и через мгновение выбрался из сугроба по ту сторону пылающих стволов, которые загораживали его от Лебо.

Пламенем была охвачена уже вся куча, и Лебо в недоумении отступил на несколько шагов в сторону, чтобы заглянуть за огромный костёр. В ста ярдах он увидел Мики, который со всех ног улепётывал туда, где начиналась густая чаща.

Подстрелить его ничего не стоило, и Лебо побился бы об заклад на что угодно, что с такого расстояния он не промахнётся. Траппер не торопился. Он был намерен покончить с ненавистной собакой одним выстрелом. Лебо спокойно прицелился, но в то мгновение, когда он спускал курок, ветер, как плёткой, хлестнул его по глазам струёй едкого дыма, и в результате пуля просвистела в трёх дюймах над головой собаки. Этот пронзительный визг был для Мики новым звуком, но он узнал грохот охотничьего ружья, а что такое ружьё, ему было отлично известно. Траппер, который продолжал стрелять в него сквозь колеблющуюся завесу дыма, видел только смутную серую полоску, стремительно приближающуюся к чаще. Лебо успел выстрелить ещё три раза, и Мики, ныряя в непроходимый ельник, вызывающе залаял. Последняя пуля Лебо взрыла снег у его задних лап, и он скрылся из виду.

Пережитые минуты смертельной опасности не заставили Мики уйти от хребта Джексона. Наоборот, из-за охоты, которую устроил за ним человек, он только крепче привязался к этим местам. Теперь ему было о чём думать, кроме утраты Неевы и своего одиночества. Лиса возвращается и с любопытством рассматривает бревно

ловушки, которое чуть было её не придавило. Вот так и Мики испытывал теперь непреодолимое влечение к охотничьей тропе Лебо. До сих пор запах человека пробуждал в нём только какие-то смутные воспоминания, теперь же этот запах превратился в предупреждение о вполне реальной и конкретной опасности. И Мики радовался этой опасности. Она давала пищу его хитрости и сноровке. И капканы Лебо манили его неодолимо и властно.

Убежав от своего горящего логова, Мики описал широкий полукруг и вышел к тому месту, где лыжня Лебо сворачивала к болоту. Там он спрятался и внимательным взглядом проводил удаляющуюся фигуру Лебо, когда тот полчаса спустя прошёл мимо его убежища, возвращаясь домой.

С этого дня Мики бродил возле охотничьей тропы Лебо как серый беспощадный призрак. Он двигался бесшумно и осторожно, всё время держась начеку и помня обо всех опасностях, которые могли ему угрожать; оставаясь невидимым и неуловимым, точно сказочный волк-оборотень, он следовал по пятам за Лебо, когда траппер обходил капканы. И с такой же настойчивостью мысли Лебо постоянно обращались к «этой про-

клятой собаке», которая превратилась для него в настоящий бич. Два раза в течение следующей недели Лебо удавалось на мгновение увидеть Мики. Три раза он слышал его лай. И дважды пытался выследить пса, но оба раза, измученный и обозлённый, был вынужден отправиться восвояси, так и не разделавшись со своим врагом. Застать Мики врасплох ему никак не удавалось. Мики больше не трогал приманок в кекеках. Он не прикоснулся даже к целой кроличьей тушке, которой Лебо рассчитывал его соблазнить. Не трогал он и кроликов, которые попали в капкан и уже замёрзли. Но все существа, которых он находил в капканах Лебо ещё живыми, Мики считал своей законной добычей. Чаще всего это были птицы, белки и кролики. Но, после того, как попавшая в капкан норка больно укусила его за нос, он начал душить подряд всех норок, безнадёжно портя их шкурки. Он устроил себе логово в другой куче бурелома, и инстинкт подсказал ему, что не следует ходить туда прямым путём, протаптывая тропу, которая всем бросается в глаза.

День и ночь Лебо, человек злой и жестокий, строил планы, как покончить с Мики. Он разбрасывал отравленные приманки. Он убил лань и начинил стрихнином её внутренности. Он ста-

вил всякие хитрые ловушки и клал в них мясо, сваренное в кипящем жиру. Он построил себе тайник из елового и кедрового лапника и просиживал в нём с ружьём долгие часы, выжидая, не покажется ли неуловимый пёс. Но Мики попрежнему оставался победителем в их жестокой войне.

Однажды Мики обнаружил в одном из капканов большого пекана. Он хорошо помнил свою летнюю встречу с таким же пеканом и таску, которую ему задал тот Учак. Но в этот вечер, когда он увидел второго Учака, в его сердце не пробудилась жажда мести. Обычно в сумерки он уже забирался в своё логово, но на этот раз его терзало ощущение такого неизбывного одиночества, что он продолжал бродить по лесу. Он томился по дружескому общению с другим живым существом. Эта тоска пожирала его, точно лихорадка. Он не чувствовал голода, не хотел охотиться. Им владела только эта неутолённая потребность, это желание обрести какого-нибудь товарища.

И вот тут-то он наткнулся на Учака. Возможно, это даже был его летний знакомец. Но если это было так, то, значит, Учак вырос, как вырос сам Мики. Учак не пытался вырваться из стальных челюстей капкана, а сидел неподвижно, без вся-

кого волнения ожидая решения своей судьбы. Его пышный блестящий мех был великолепен. Учак показался Мики очень тёплым, мягким, каким-то уютным. Он вспомнил Нееву, сто одну ночь, которые они проспали бок о бок, и почувствовал к Учаку дружескую симпатию. Тихонько повизгивая, Мики подошёл поближе. Он предлагал Учаку дружбу. Тоска, снедавшая его сердце, была так мучительна, что он рад был бы найти товарища даже в былом своём враге, лишь бы кончилось это невыносимое одиночество.

Учак не издал в ответ ни звука и не пошевельнулся. Сжавшись в пушистый шар, он внимательно следил за тем, как Мики подползает к нему на животе всё ближе.

Внезапно Мики опять превратился в прежнего щенка. Он вилял хвостом, бил им по снегу и тявкал, словно говоря:

«Давай забудем нашу ссору, Учак! Будем друзьями. У меня отличное логово под вывороченными деревьями, и я добуду для тебя кролика».

А Учак по-прежнему не шевелился и хранил полное безмолвие. Наконец Мики подобрался так близко, что мог бы потрогать Учака лапой. Он подполз к нему ещё немного и сильнее застучал хвостом.

«И я вызволю тебя из капкана, — возможно объяснял он Учаку. — Этот капкан поставил двуногий зверь, которого я ненавижу».

Вдруг с такой молниеносной быстротой, что Мики не успел опомниться, Учак прыгнул вперёд, насколько позволила цепь капкана, и набросился на него. Зубами и острыми как бритва когтями он раздирал нежный собачий нос. Несмотря на это, боевой задор не пробудился в Мики, и он, наверное, просто ушёл бы, но тут зубы Учака впились в его плечо. С рычанием Мики попытался высвободиться, но Учак не ослабил хватки. Тогда клыки Мики сомкнулись на шелковистом затылке пекана. Когда он их разжал, Учак был уже мёртв.

Мики пошёл прочь, не испытывая никакого торжества. Он одолел врага, но победа не принесла ему удовлетворения. Мики, молодой одичавший пёс, испытывал то же чувство, которое нередко сводит с ума людей. Он был один в огромном пустом мире — чужой для всех. Он изнывал от желания предложить кому-нибудь свою дружбу и убеждался, что все живые существа либо боятся его, либо ненавидят. Он был отщепенцем, бродягой без рода и племени. Конечно, он не сознавал всего этого, но им тем не менее овладело безысходное уныние.

Мики не стал возвращаться к себе в логово. Он присел на задние лапы посреди небольшой поляны, прислушивался к звукам ночи и смотрел, как в небе зажигаются звёзды. Луна вставала рано, и когда над тёмными вершинами всплыл её огромный красноватый диск, словно полный таинственной жизни, Мики задрал морду и тоскливо завыл. Когда чуть позже он вышел на большую гарь, там было светло как днём, так что за ним бежала его тень и все предметы вокруг тоже отбрасывали тени. И тут к нему с ночным ветром донёсся звук, который он уже много раз слышал прежде.

Сначала он был очень далёким, этот звук, и слышался в ветре как эхо, как отзвук неведомых голосов. Уже сотню раз Мики слышал его — охотничий клич волчьей стаи. С тех пор как волчица Махигун располосовала ему плечо в дни, когда он был ещё доверчивым щенком, Мики всегда уходил в сторону противоположную той, где раздавался голос волчьей стаи. Он испытывал к этому голосу почти ненависть. И всё же это был голос его далёких предков, и он пробуждал в его душе странное, неодолимое волнение. И вот теперь оно властно заглушило в нём страх и ненависть. Далёкий клич обещал ему общество

существ, похожих на него. Там, откуда доносились волчьи голоса, его дикие сородичи бежали стаей, они бежали по двое и по трое, они были товарищами. Мики задрожал всем телом и испустил ответный вой, а потом ещё долго тихонько поскуливал.

Однако прошёл час, а ветер больше не доносил до него волчьих голосов. Стая повернула на запад, и её вой затих в отдалении. Озарённые ярким светом луны, волки пробежали мимо хижины метиса Пьерро.

У Пьерро остался ночевать путешественник, направлявшийся в Форт О'Год. Он увидел, как Пьерро перекрестился и зашептал слова молитвы.

— Это бешеная стая, мосье, — объяснил Пьерро. — Они кесквао уже с новолуния. В них вселились бесы.

Он чуть-чуть приоткрыл дверь хижины, и они ясно расслышали дикие завывания. Когда Пьерро захлопнул дверь, его лицо выражало суеверный страх.

— Иногда зимой волки становятся такими… кесквао — бешеными, — сказал он, вздрогнув. — Три дня назад их в стае было двадцать, мосье. Я сам их видел и считал их следы. Но за эти дни те,

кто сильнее, успели разорвать и сожрать тех, кто послабее. Слышите, как они беснуются? Объясните, мосье, почему это так? Почему зимой волки заболевают бешенством, когда для этого нет обычных причин — ни жары, ни испорченного мяса? Вы не знаете? Ну так я скажу вам, в чём тут дело. Это не настоящие волки, а оборотни. В их тела вселились бесы и не оставят их, пока они все не погибнут. Волки, взбесившиеся во время зимних вьюг, мосье, всегда погибают. Вот что самое удивительное — они всегда погибают.

А стая бешеных волков от хижины Пьерро повернула на восток к большому болоту, где на деревьях белели крестообразные зарубки, которыми Жак Лебо отмечал границы своего охотничьего участка. Луна освещала четырнадцать серых теней. Конечно, суеверная выдумка Пьерро может вызвать только улыбку, но тем не менее никто пока ещё не может точно объяснить, почему в глухие зимние месяцы той или иной волчьей стаей иногда овладевает настоящее безумие. Возможно, всё начинается с того, что в такой стае оказывается «дурной» волк. Известно, что «дурная» ездовая собака набрасывается на своих товарищей без всякого повода и кусает их, так что все они постепенно заражаются её болезнью, и недавно ещё дружная упряжка превращается в скопище злобных и опасных зверей.

Вот почему опытный каюр[18] предпочитает поскорее избавиться от такой собаки — убивает её или прогоняет в лес.

Волки, которые ворвались в охотничьи угодья Лебо, были красноглазыми и тощими. Бока у всех были располосованы, а у некоторых в пасти клубилась кровавая пена. Они бежали не так, как

---

[18] Примечания: 18
Каюр — погонщик оленей или собачьей упряжки.

бегут волки, когда они гонятся за добычей. Они косились друг на друга со злобой и недоверием, трусливо поджимали хвосты и выли свирепо и беспричинно — их беспорядочные бешеные вопли совсем не походили на басовый охотничий клич стаи, идущей по следу.

Едва они отдалились от хижины Пьерро настолько, что он перестал слышать их вой, как

один из них случайно задел соседа тощим серым плечом. Второй волк обернулся и с молниеносной быстротой «дурной» собаки в упряжке вонзил клыки в шею первого. Если бы ночной гость Пьерро мог увидеть их в эту минуту, он и без объяснений понял бы, почему за три дня их стало уже не двадцать, а четырнадцать.

Эти два волка свирепо сцепились, а остальные двенадцать остановились, осторожно подобрались к месту схватки и сомкнулись вокруг дерущихся тесным кольцом, точно зеваки, упивающиеся дракой двух пьяных. Из их полуоткрытых пастей капала слюна, они хранили угрюмое молчание — только щёлкали зубы да изредка слышалось глухое жадное повизгивание. И вот произошло то, чего они дожидались, — один из дерущихся упал. Противник опрокинул его на спину, и наступил конец. Двенадцать волков сомкнулись над ним и разорвали его в клочья, как и рассказывал Пьерро. После этого оставшиеся в живых тринадцать волков побежали дальше по охотничьему участку Лебо.

После часа нерушимой тишины Мики вновь услышал их голоса. За это время он уходил от леса всё дальше и дальше. Большая гарь осталась позади, и теперь он бежал по открытой равнине,

пересечённой крутыми грядами каменистых холмов и прорезанной у дальнего конца широкой рекой. Равнина казалась менее угрюмой, чем лес, и ощущение одиночества томило Мики не так сильно, как час назад.

И вот над равниной пронёсся волчий вой.

Второй раз за эту ночь Мики не бросился убегать, а застыл в ожидании на вершине скалы, венчавшей небольшой холм. Она была такой узкой, что рядом с ним лишь с трудом могла бы уместиться другая собака. Внизу во все стороны простиралась снежная равнина, призрачно-белая в свете луны и звёзд. Мики почувствовал неодолимое желание ответить своим диким родичам. Он задрал морду так, что его чёрный нос указывал прямо на Полярную звезду, и из его горла вырвался протяжный вой. Однако вой этот был очень тихим, потому что, несмотря даже на гнетущее ощущение одиночества, Мики помнил про осторожность и не хотел выдавать своего присутствия. Больше он не издал ни звука, а когда волки приблизились, всё его тело напряглось, мышцы вздулись буграми, а в горле заклокотало еле слышное рычание, совсем не похожее на призывный клич. Он почувствовал, что приближается опасность. В волчьих голосах он уловил

то злобное безумие, которое заставило Пьерро перекреститься и пробормотать молитву против волков-оборотней. Мики же молиться не стал, а только распластался на камне.

И тут он увидел волков. Они смутными тенями быстро приближались к нему, отрезая его от леса. Внезапно они остановились, и голоса их стихли: сгрудившись, волки обнюхивали его свежий след. Потом они ринулись в сторону холма, на котором он притаился, и вой, вырвавшийся из их глоток, стал ещё более безумным и свирепым. Через несколько секунд они достигли холма и проскочили мимо скалы — все, кроме одного. Но этот огромный серый волк кинулся вверх по склону прямо к добыче, которую остальные ещё не успели заметить. При его приближении Мики глухо зарычал. Снова ему предстояла упоительная смертельная схватка. И вновь кровь огнём растеклась по его жилам, а страх развеялся, точно дым костра на ветру. Если бы только за его спиной стоял Неева, чтобы было кому разделаться с врагами, которые попробуют подобраться к нему сзади!

Мики вскочил и прыгнул навстречу волку. Их зубы, встретившись, лязгнули, и волк на горьком опыте убедился, что челюсти этого врага

оказались сильнее его челюстей; ещё миг — и он в предсмертных судорогах покатился вниз по склону с перекушенным горлом. Однако его тут же сменило другое серое чудовище. Этого волка Мики схватил за горло, едва его голова возникла над гребнем холма. Острые клыки располосовали мохнатую шкуру, как сабельный удар, и кровь из разорванной артерии фонтаном ударила вверх. Второй волк покатился вниз вслед за первым, но тут на Мики обрушилась вся стая, и он оказался погребённым под копошащейся массой их тел.

Если бы их было двое или трое, они расправились бы с Мики так же быстро, как он с первыми двумя волками. Но в первый момент его спасла многочисленность беснующихся врагов. На ровном месте его разорвали бы в клочья, как старую тряпку, но вершина скалы была не больше обеденного стола, и на несколько секунд волки, подмявшие его под себя, не могли понять, куда он девался, и кусали своих соседей. Обезумевшая стая пришла в исступлённую ярость, и, забыв о Мики, волки начали драться между собой. А Мики, опрокинутый на спину, придавленный к камню, кусал навалившиеся на него тела.

Потом в его ляжку впились острые клыки, и он почувствовал невыносимую боль. Клыки продолжали беспощадно смыкаться, но тут, как раз вовремя, на вцепившегося в него волка напал другой волк, и тот разжал челюсти. Затем Мики почувствовал, что катится с обрыва вниз, а за ним сорвалась половина оставшихся в живых волков.

Боевой задор в душе Мики тотчас угас, и в нём заговорила та лисья хитрость, которая уже не раз выручала его в минуту опасности, когда зубы и когти оказывались бессильными. Он вскочил на ноги, едва достигнув земли, и сразу же помчался

через равнину к реке. Когда стая заметила его бегство, их от него отделяло уже около семидесяти шагов. В погоню за ним бросилось только восемь волков. Перед нападением их было тринадцать, но теперь пятеро валялись у подножия холма мёртвые или умирающие. Двух убил Мики, а с остальными тремя расправились их собственные товарищи.

В полумиле впереди находились скалистые береговые обрывы, и Мики как-то провёл там ночь в узком туннеле под грудой огромных камней. Он прекрасно помнил этот тесный проход, обещавший спасение. Только бы добраться до этих камней и нырнуть в туннель! А там он встанет у входного отверстия и по одному прикончит всех своих врагов, потому что нападать там на него они смогут только по очереди и в одиночку. Но он придумал этот план, не взяв в расчёт настигавшего его могучего волка, самого свирепого и быстрого из всей безумной стаи, — этого волка можно было бы вполне заслуженно назвать Вихрем. Он серой молнией обогнал своих менее быстроногих товарищей, и Мики услышал за самой своей спиной его хриплое дыхание, когда до берега было ещё далеко. Даже Хелей, отец Мики, не мог бы бежать стремительней своего молодого

сына, но Вихрь всё-таки нагонял его. Вскоре морда гигантского волка почти поравнялась с бедром Мики. Тот напряг все силы и немного вырвался вперёд. Но затем со зловещим и безжалостным упорством Вихрь отыграл это преимущество и начал постепенно обгонять Мики, намереваясь вцепиться ему в горло.

Груда камней находилась шагах в ста пятидесяти от них и немного правее. Но, повернув вправо, Мики угодил бы прямёхонько в пасть Вихря, а если бы ему и удалось увернуться, враг всё равно настиг бы его прежде, чем он успел бы нырнуть в туннель и встать в боевую позицию у входа, — это Мики понимал прекрасно. Остановиться и принять бой значило бы тут же погибнуть, потому что сзади приближались остальные волки.

Ещё десять секунд — и они достигли берегового обрыва. На самом его краю Мики повернулся и

прыгнул на Вихря. Он чуял свою смерть, и вся его ненависть обратилась на волка, который его нагнал. Они покатились по земле. В трёх шагах от обрыва челюсти Мики впились в горло Вихря, и тут на них накинулась стая. Сила инерции увлекла их вперёд. Они ощутили под собой пустоту и рухнули вниз. Мики упрямо продолжал сжимать зубами горло врага. Они несколько раз перевернулись в воздухе, а потом его тело сотряс страшный удар. Мики повезло — он упал на Вихря. И всё же, хотя тело огромного волка смягчило его падение словно подушка, Мики был оглушён и не сразу пришёл в себя. Только минуту спустя он, пошатываясь, поднялся на ноги. Вихрь лежал неподвижно. Он разбился насмерть. Немного поодаль валялись ещё два мёртвых волка, которые не сумели вовремя остановиться.

Мики посмотрел вверх. На фоне звёзд высоко над своей головой он разглядел край обрыва. По очереди обнюхав трёх мёртвых волков, Мики захромал вдоль подножия скал, но вскоре заметил широкую щель между двумя большими камнями. Он забрался туда, лёг на снег и принялся зализывать раны. Оказалось, что на свете есть вещи похуже капканов Лебо. Как знать, не отыщется ли что-нибудь и похуже людей!

Немного погодя Мики положил большую голову на передние лапы. Постепенно звёзды словно потускнели, а снег посерел — он заснул.

Глава 15

В излучине речки Трёх Сосен, затерянной в лесах между Гудзоновым заливом и бассейном Шаматтавы, стояла хижина траппера Жака Лебо. Во всех этих краях не нашлось бы человека хуже Лебо, если только не считать его давнего соперника Анри Дюрана, который охотился на лисиц милях в ста севернее. Лебо, великан с тупым, угрюмым лицом и крохотными зелёными глазками, говорившими только о жестокости и бездушии, был отпетым негодяем. Индейцы в сво-

их хижинах и типи понижали голос, упоминая его имя, и добавляли, что он — сущий дьявол.

По злой прихоти судьбы Лебо сумел обзавестись женой. Если бы она была сварливой бой-бабой, такой же свирепой и злобной, как он сам, возможно, их брак по-своему оказался бы удачным. Но жена Лебо меньше всего походила на бой-бабу. Её кроткое лицо всё ещё хранило следы редкостной красоты, несмотря на то что щёки её стали бледными и худыми, а в глазах застыл вечный страх. Муж сломил её, превратил в покорную, безвольную рабыню, которая трепетала перед ним. Лебо считал, что жена такая же его собственность, как и его собаки. У них было двое детей, но один ребёнок умер, и когда несчастная женщина думала, что и второй может умереть, в её тёмных глазах вспыхивал былой огонь.

— Нет, нет! Ты не умрёшь! Клянусь, ты не умрёшь! — иногда вскрикивала она, крепче прижимая к себе малютку. Именно в эти минуты по её щекам разливался румянец, глаза загорались, и можно было догадаться, что прежде она была не только красива, но и горда. — Придёт день… — говорила она. — Придёт день… — но никогда не доканчивала фразы, не решаясь поделиться своими надеждами даже с младенцем.

Иногда она позволяла себе помечтать — ведь она была ещё совсем молода. Именно об этом она думала, пока, наклонясь к маленькому треснувшему осколку зеркала, расчёсывала чёрные блестящие волосы, которые, когда она их распускала, падали ниже колен. Пусть её красота поблекла, но волосы оставались прежними. Впрочем, в её глазах и лице ещё жили отблески прошлого, и, несомненно, Нанетта могла бы ещё расцвести, если бы судьба избавила её от невыносимой жизни, на которую её обрекал Лебо.

Она ещё несколько минут продолжала наклоняться к зеркальцу, но тут снаружи снег заскрипел под тяжёлыми шагами.

И сразу же лицо Нанетты совсем погасло. Лебо накануне отправился обходить капканы, и ей дышалось свободнее, но теперь он возвращался, и она оледенела от страха. Уже два раза он заставал её врасплох перед зеркалом и набрасывался на неё со свирепой руганью: нашла время пялиться на себя, лучше бы занялась выделкой шкурок! А второй раз он, кроме того, ударил её так, что она отлетела к стене, и вдребезги разбил зеркало — ей удалось подобрать только небольшой надтреснутый осколок, который она могла целиком закрыть своей маленькой ладонью. Теперь она

берегла этот осколок как драгоценное сокровище и твёрдо решила сохранить его, укрыв от глаз мужа. Услышав шаги Лебо, она поспешно спрятала зеркальце в тайнике и торопливо заплела пышные волосы в толстую косу. Её глаза заволокла обычная пелена испуга и страшных предчувствий. Тем не менее, когда Лебо вошёл, она взглянула на него почти с надеждой. Но он вернулся домой в самом чёрном настроении. Швырнув на пол принесённые шкурки, он поглядел на жену и угрожающе прищурился.

— Этот пёс опять побывал там, — проворчал он, кивая на шкурки. — Погляди, как он испортил пекана! Да к тому же обобрал все приманки и повалил кекеки. Чёрт побери, я с ним посчитаюсь! Искромсаю на мелкие кусочки, как только изловлю, а изловлю я его завтра. А сейчас давай ужин, а потом берись за дело. Зашей шкурку пекана, где этот пёс её порвал, а шов хорошенько затри жиром, чтобы Макдоннел не заметил, что она подпорчена, когда я отвезу меха на факторию. Разрази меня бог, опять эта девчонка разоралась! Почему она у тебя всегда вопит, когда я прихожу домой? Ну-ка, отвечай!

Вот так Лебо поздоровался с женой. Он швырнул лыжи в угол, потоптался, отряхивая снег с сапог, а потом отрезал кусок жевательного табака от тёмной плитки, лежавшей на полке над плитой. Потом он вышел во двор, а Нанетта уныло и безнадёжно начала собирать ему ужин.

Лебо направился к обнесённому частоколом навесу, где он держал своих собак. Лебо любил хвалиться, что ни у кого от Гудзонова залива до самой Атабаски не найдётся таких свирепых упряжных псов. Анри Дюран, живший на сто миль северней, оспаривал у него эту славу, откуда и пошло их соперничество. Лебо давно мечтал

выдрессировать такого боевого пса, который на новогоднем празднике в фактории Форт О'Год в клочья растерзал бы собаку Дюрана. К этому Новому году он готовил могучего пса, которому дал кличку Нете — Убийца. Он намеревался поставить на Нете все свои наличные деньги, чтобы раз и навсегда посрамить хвастуна Дюрана. И теперь он подозвал к себе именно Нете.

Пёс подошёл к хозяину, глухо рыча, и впервые на лице Лебо отразилось что-то вроде радости. Это рычание доставляло ему большое удовольствие. Ему нравилось смотреть, как в глазах Нете загорается красный коварный огонь, нравилось слышать, как угрожающе щёлкают зубы пса. Он, не жалея дубинки, выбил из Нете все чувства, кроме злобы и свирепости, и превратил собаку в четвероногое подобие самого себя. Он сделал из Нете настоящего дьявола. Вот почему Лебо твёрдо рассчитывал, что его пёс без труда разделается с прославленным бойцом Дюрана.

Лебо посмотрел на Нете и самодовольно крякнул.

— Ты хорошо выглядишь, Нете! — злорадствовал он. — Я так и вижу, как из шеи дюрановского ублюдка брызнет кровь, когда ты вонзишь в неё эти клыки! А завтра я устрою тебе проверку — са-

мую лучшую! Я спущу тебя на одичавшую собаку, которая грабит мои кекеки и рвёт в клочья моих пеканов. Я изловлю её, и ты будешь с ней драться и справишься с ней, а уж тогда тебе нипочём будет дворняга мосье Дюрана. Понял, Нете? Завтра у тебя будет проверка.

Глава 16

Пока траппер разговаривал со своей собакой, в десяти милях к западу Мики крепко спал в логове под большой кучей бурелома, от которой до охотничьей тропы Лебо было не более полумили.

На рассвете Лебо вышел из хижины и, взяв с собой Нете, отправился к своим капканам, и примерно в тот же час Мики выбрался из-под поваленных стволов полный непонятного беспокойства. Всю ночь ему снились первые недели, которые он провёл в лесах после того, как потерял хозяина, — те дни, когда он был неразлучен с Неевой. Эти сны нагнали на него тоску, и, глядя, как ночной сумрак медленно тает под лучами зари, Мики тихонько поскуливал, точно ему хотелось пожаловаться на своё одиночество.

Если бы Лебо мог увидеть «этого проклятого пса» в ту минуту, когда его озарил свет негреющего солнца, он, пожалуй, утратил бы веру в победу Нете. Ведь Мики, хотя ему от роду было только одиннадцать месяцев, успел вырасти в настоящего гиганта. Он весил шестьдесят фунтов, но из этих шестидесяти фунтов на бесполезный жир не

приходилось ничего. Его тело было поджарым и мускулистым, как у волка. Когда он бежал, на его массивной груди буграми вздувались тугие мышцы. Неутомимые ноги он унаследовал от своего отца Хелея, могучего гончего пса, а его челюсти дробили кости карибу с такой же лёгкостью, с какой Лебо мог бы раздробить их при помощи камня. Он прожил на свете всего одиннадцать месяцев, но восемь из них он прожил в лесах. И эта дикая жизнь закалила его, она подвергла его всевозможным жестоким испытаниям без скидки на возраст, научила борьбе за существование, научила охотиться и защищаться, научила сначала думать, а потом уж пускать в ход клыки. Силой он не уступал Нете, который был вдвое старше его, но его сила сочеталась с удивительной хитростью и стремительностью, тогда как Нете был лишён этих качеств — их в нём ничто не воспитало. Суровая школа дикой природы хорошо подготовила Мики к этому дню, которому суждено было стать роковым для него и для Нете.

Когда солнце зажгло лес холодным белым пламенем, Мики затрусил к охотничьей тропе Лебо. Он вышел на то место, где Лебо проходил накануне, и подозрительно втянул в ноздри чело-

веческий запах, который ещё держался в следах лыж. Мики уже успел привыкнуть к этому запаху, но по-прежнему испытывал к нему недоверие. И всё-таки, хотя запах Лебо был ему отвратителен, его неодолимо влекло к капканам траппера. Этот запах внушал ему необъяснимый страх, и тем не менее он не находил в себе сил уйти от него. Трижды за последние десять дней он видел самого человека: однажды ничего не подозревавший Лебо прошёл всего в десяти шагах от того места, где притаился Мики.

Вот и теперь Мики побежал прямо к болоту, где Лебо ставил свои капканы. Там водилось очень много кроликов, и именно они чаще всего забирались в кекеки Лебо — в маленькие шалаши из лапника, которые траппер строил, чтобы приманку не заносило снегом. Кроликов было множество, и они выводили Лебо из себя: при каждом обходе он обнаруживал кролика в двух из каждых трёх капканов, которые ставил для поимки ценных пушных зверей. Однако в местах, где изобилуют кролики, водятся также пеканы и рыси — вот почему Лебо, хотя он и проклинал расплодившихся кроликов на чём свет стоит, всё-таки продолжал ставить ловушки именно в этом болоте. А теперь, помимо этой длинноухой

чумы, его начала допекать одичавшая собака.

Лебо, предвкушая расправу с ненавистным псом, торопливо шагал по снегу, сверкающему блёстками утреннего солнца, а за ним на поводке из сыромятного ремня бежал Нете. Когда Лебо и Нете подошли к болоту, Мики в трёх милях к западу от них обнюхивал первый кекек.

Накануне утром он убил пекана именно тут, но теперь кекек был пуст — исчез даже колышек для приманки, и не было заметно никаких признаков спрятанного капкана. Пробежав четверть мили, Мики осмотрел второй кекек и обнаружил, что он тоже пуст. Это сбило его с толку, и он направился к третьему кекеку, но, прежде чем приблизиться к шалашику, несколько минут недоверчиво нюхал воздух. Следов человека тут оказалось особенно много. Снег был плотно утоптан, а запах Лебо так сильно ударил ему в ноздри, что на мгновение Мики представилось, будто траппер прячется где-то совсем рядом. Потом Мики сделал несколько осторожных шагов вперёд, заглянул в отверстие шалашика и увидел припавшего к земле большого кролика, который смотрел на него круглыми испуганными глазами. Мики заподозрил какую-то опасность и остановился. Ему очень не понравилась поза Вапуза, старого

кролика. Другие кролики, которых он находил в кекеках Лебо, либо бились в капкане, либо лежали вытянувшись, почти замёрзнув насмерть, либо болтались в волосяной петле. Но этот Вапуз сидел, сжавшись в тёплый пушистый комок. Дело в том, что этого кролика Лебо изловил руками в дупле упавшего дерева и привязал ремешком к колышку, а потом расставил чуть поодаль от него целое гнездо капканов и засыпал их снегом.

Мики подходил к гибельной ловушке всё ближе и ближе, несмотря на то, что ощущения надвигающейся опасности становились всё сильнее. Вапуз, словно заворожённый его медленным, неотвратимым приближением, сидел неподвижно, как каменный. И тут Мики прыгнул. Его челюсти сомкнулись на спине кролика, и в тот же миг раздался лязг стали, и его заднюю лапу сдавил капкан. С рычанием Мики уронил кролика и повернулся. Щёлк! Щёлк! Щёлк! Два капкана захлопнулись впустую, но третий защемил его переднюю лапу. С той же стремительностью, с какой он только что схватил кролика, с той же яростью, с какой накануне он убил пекана, Мики стиснул зубами этого нового беспощадного врага. Его клыки скрипнули на холодной стали. Он в буквальном смысле слова содрал капкан с

лапы, так что снег вокруг заалел от брызнувшей крови. Мики исступлённо извернулся, чтобы освободить и заднюю лапу. Однако капкан держал её крепко. Мики грыз его, пока из пасти у него не полилась кровь. Он всё ещё продолжал эту неравную борьбу с холодной сталью, когда из ельника, в двадцати шагах от шалашика, вышли Лебо и Нете.

Траппер остановился. Он тяжело дышал, а его глаза горели злорадством — он ещё в двухстах шагах от кекека услышал лязганье цепи, удерживавшей капкан.

— Ага, попался! — прохрипел Лебо, дёргая поводок Нете. — Он попался, Нете! Проклятый разбойник, с которым ты должен разделаться. Сейчас я спущу тебя с поводка, и тогда… Куси, куси его!

Мики перестал грызть капкан и замер, не спуская с них глаз. Когда опасность стала явной, его страх перед этим человеком исчез бесследно. Теперь им владели только ярость и жажда боя. Инстинктивно он разобрался в истинном положении вещей: его врагами были человек и пёс, а не эта холодная штука, схватившая его за ногу. Он всё вспомнил так, словно это случилось вчера: ему уже доводилось видеть человека с дубинкой

в руке. А Лебо тоже сжимал в руке увесистую дубинку. Но Мики не испугался. Его пристальный взгляд был устремлён на собаку. Спущенный с поводка Нете застыл в десятке шагов от кекека щетинистая шерсть у него на загривке встала дыбом, всё тело было напряжено.

Мики услышал голос человека:

— Хватай его, Нете! Куси его!

Мики ждал не шевелясь. Суровые уроки, пре-

поданные ему лесной жизнью, научили его выжидать, наблюдать и пускать в ход хитрость. Он распластался на брюхе, положив нос между передними лапами. Его губы чуть-чуть приподнялись, слегка приоткрыв клыки. Но он не рычал, и только в неподвижных глазах горели два огонька. Лебо был поражён. Его вдруг охватило новое возбуждение, и он даже забыл о своём намерении отомстить этому псу за испорченные шкурки. Ему никогда не приходилось видеть, чтобы попавшие в капкан рысь, лиса или волк вели себя таким образом. И он ещё не встречал собаки с такими глазами, как эти глаза, неподвижно смотревшие на Нете. Лебо даже дышать перестал.

Шаг за шагом, дюйм за дюймом подбирался Нете к своей жертве. Расстояние между ними всё сокращалось: десять шагов, восемь, шесть. Мики не шелохнулся, даже ни разу не моргнул. С тигриным рыком Нете кинулся на него.

И тут произошло чудо — так, по крайней мере, показалось Жаку Лебо. С быстротой, настолько молниеносной, что траппер почти не уловил этого движения, Мики проскочил под брюхом Нете на всю длину цепи, удерживавшей капкан, повернулся и вцепился Нете в горло. Всё это не заняло и пяти секунд. Собаки упали в снег, а Лебо

крепче сжал дубинку в руке и смотрел на них как заворожённый. Он услышал хруст сжимающихся челюстей и понял, что это сжимаются челюсти дикого пса; он услышал рычание, которое медленно превратилось в болезненный хрип, и понял, что это хрипит Нете. Лицо траппера побагровело. Глаза его налились кровью. Его переполняло неистовое возбуждение. Он уже смаковал верную победу над давним соперником.

— Вот дьявол! Он совсем загрыз Нете! — пробормотал Лебо, задыхаясь. — Нет, такой собаки я ещё не видывал. Я его не убью, а возьму живьём, и он раздерёт в клочья хвалёную собаку Анри Дюрана. В Форте О'Год он покажет этому ублюдку… Чёрт подери…

Нете почти уже перестал хрипеть, и, подняв дубинку, Лебо подбежал к собакам. Продолжая сжимать зубы на горле Нете, Мики краешком глаза заметил приближение новой опасности. Он отпустил врага и рванулся в сторону, пытаясь увернуться от спускающейся дубинки. Это удалось ему лишь отчасти — дубинка задела его по плечу, и он был сбит с ног. Однако Мики тотчас вскочил и прыгнул на Лебо. Траппер умел орудовать дубинкой. Всю свою жизнь он совершенствовался в этом умении и теперь, внезапно

повернув руку, ударил Мики по голове сбоку с такой силой, что у него из пасти и ноздрей брызнула кровь. Он был оглушён и полуослеп. Новый прыжок — и новый удар дубинкой. Мики услышал смех Лебо, полный свирепой радости. Дубинка в третий, в четвёртый, в пятый раз валила его на землю, и Лебо перестал смеяться, а в его глазах появилось что-то вроде страха. В шестой раз траппер промахнулся, и клыки Мики сомкнулись на его груди. Они разодрали толстую куртку и рубаху, точно папиросную бумагу, и располосовали кожу Лебо. На десять дюймов выше — и они впились бы в горло траппера, но глаза Мики были залиты кровью, и он плохо рассчитал прыжок. Перепуганный насмерть Лебо отчаянно завопил.

— Нете! Нете! — кричал траппер, бестолково размахивая дубинкой.

Нете не отозвался. Возможно, в эту минуту он понял, что чуть было не погиб из-за жестокости своего хозяина. А вокруг был дикий лес, распахивавший перед ним врата свободы. Когда Лебо снова позвал Нете, тот, оставляя кровавые следы, улепётывал в чащу. Больше траппер его не видел. Возможно, Нете пристал к какой-нибудь волчьей стае — ведь он сам был на четверть волком.

Лебо некогда было глядеть ему вслед. Он снова взмахнул дубинкой и снова промахнулся. На этот раз его спасла чистая случайность. Цепь завязалась узлом, и Мики был отброшен на снег в тот самый миг, когда траппер уже ощутил горячее дыхание собаки на своей шее, в непосредственной близости от сонной артерии. Мики шлёпнулся на бок. Прежде чем он успел подняться, дубинка начала молотить по его голове, вбивая её в снег.

У него потемнело в глазах. Встать на ноги он уже не мог. Он лежал оглушённый и слушал над собой задыхающийся, ликующий голос человека. Лебо радовался своей победе и, несмотря на свою душевную тупость, не мог унять дрожь, которая сотрясала его при мысли, что его чуть было не настигла смерть, не дотянувшаяся до его горла всего на два звена цепи.

Глава 17

Под вечер Нанетта, жена Лебо, увидела, что её муж вышел из леса, волоча что-то за собой по снегу. Когда она услышала проклятия, которыми траппер осыпал одичавшую собаку, в её душе сразу зародилась жалость к ней. Когда-то, ещё до рождения первого ребёнка, у Нанетты была собака, к которой она очень привязалась. Собака, в свою очередь, питала к ней преданную любовь, но Лебо так жестоко обращался с четвероногим другом жены, хоть немного скрашивавшим её безрадостное существование, что Нанетта сама отвела свою любимицу подальше в лес. И та, как теперь Нете, предпочла опасности свободной

жизни в лесу свирепым побоям траппера. Вот почему Нанетта сочувствовала псу, грабившему капканы её мужа, и надеялась, что он избежит участи, которую готовил ему траппер.

Когда Лебо подошёл ближе, Нанетта увидела, что он тащит за собой волокушу, сооружённую из четырёх жердей, и, разглядев прикрученный к этим жердям живой груз, она вскрикнула от ужаса.

Лапы Мики были растянуты между жердями и привязаны так крепко, что он не мог пошевелиться. Его шея была стянута верёвкой, также привязанной к поперечине, а его морду Лебо обмотал сыромятным ремнём, соорудив намордник, который не под силу было бы разорвать даже медведю. Лебо спеленал Мики таким образом, пока тот ещё не пришёл в себя после избиения. Нанетта глядела на окровавленную собаку, не в силах сказать ни слова. Она много раз видела, как Лебо избивал ездовых собак своей дубинкой, но такое зрелище ей представилось впервые. Голова и плечи Мики представляли собой смёрзшуюся кровавую массу. Потом Нанетта увидела его глаза. Их взгляд был устремлён прямо на неё, и она отвернулась, опасаясь, как бы муж не заметил выражения её лица.

Лебо втащил волокушу в хижину, распрямился и, потирая руки, с торжеством созерцал распростёртого на полу Мики. Нанетта поняла, что траппер в прекрасном настроении, и молча ждала какого-нибудь объяснения.

— Чёрт побери! Видела бы ты, как он совсем было загрыз Нете! — восторгался Лебо. — Да-да! Ты и глазом не успела бы моргнуть, как он уже схватил его за горло. И два раза чуть-чуть не прокусил

горло и мне, да только я вовремя успел угостить его дубинкой. Господи! От собаки Дюрана только клочья полетят, когда они встретятся в Форте О'Год. Я побьюсь с кем-нибудь об заклад, что он покончит с хвалёным дюрановским бойцом прежде, чем секундная стрелка на часах фактора успеет два раза обежать циферблат. Такой зверюги я ещё не видывал! Пригляди за ним, Нанетта, а я пойду построю для него отдельную загородку. Если посадить его к другим собакам, он их всех растерзает.

Мики проводил Лебо взглядом до двери хижины, а потом сразу же опять посмотрел на Нанетту. Она подошла и нагнулась к нему. В её глазах блестели слёзы. Мики глухо зарычал, но рычание тут же замерло у него в горле. Он в первый раз видел перед собой женщину и тотчас почувствовал, что это существо разительно отличается от двуногого зверя, который избил его и связал. Сердце в его искалеченном, израненном теле вдруг замерло: Нанетта заговорила с ним! Он никогда ещё не слышал таких звуков — ласковых, тихих, сочувственных. А потом — чудо из чудес! — она опустилась рядом с ним на колени и погладила его по голове.

Это прикосновение пробудило в Мики древний

забытый инстинкт, родившийся в те далёкие времена, когда собачьих пород ещё не существовало и другом первобытного человека была просто «собака», которая играла с его детьми и получала еду из рук женщины. В нём вновь проснулась собачья преданность всему человеческому роду.

А женщина подбежала к плите, вернулась с тазиком тёплой воды и мягкой тряпочкой и принялась смывать кровь с его головы, что-то приговаривая ласковым голосом, полным жалости и любви. Мики закрыл глаза. Он перестал бояться. Из его груди вырвался судорожный вздох. Ему хотелось высунуть язык и лизнуть худые нежные руки, которые облегчали его боль и дарили ему спокойствие. И тут случилось совсем непонятное: проснувшаяся малышка села в своей колыбели и принялась что-то весело лепетать. Мики растерянно слушал эти новые звуки, эту весеннюю песенку жизни. Она совсем покорила его: хотя он и не отдавал себе в этом отчёта, однако он открыл глаза и тихонько взвизгнул.

Женщина радостно засмеялась — этот смех был для неё самой почти так же нов и непривычен, как для Мики. Она подбежала к колыбели и вернулась к Мики; держа дочку на руках, снова опустилась на колени рядом с ним, а малыш-

ка при виде большой живой игрушки на полу протянула к ней ручонки и начала от восторга брыкать ножками в крохотных мокасинах, ворковать, смеяться и подпрыгивать. Мики весь напрягся, стараясь вырваться из своих уз, чтобы потыкаться носом в это удивительное маленькое существо. Он забыл про боль. Покрытое синяками и ранами тело как будто перестало ныть. Он уже не замечал, что задние лапы у него совсем отнялись — так туго они были стянуты ремнями. Эти два чудесных существа подчинили себе все его чувства и инстинкты.

Нанетта в эту минуту превратилась в настоящую красавицу. Она догадалась, что происходит с Мики, и её сердце радостно забилось. Она на мгновение забыла про Лебо. Её глаза блестели, как звёзды. Бледные щёки зарумянились. Посадив малышку на пол, она продолжала отмачивать тёплой водой запёкшуюся, смёрзшуюся корку крови на голове Мики. Если бы в Лебо сохранилась хоть искра человечности, то он не мог бы не растрогаться, увидев её сейчас, — такой материнской любовью, такой добротой светилось всё её существо, когда она ненадолго вырвалась из-под гнёта вечного страха. И Лебо действительно вошёл — так тихо, что она не сразу его заметила, и

он почти минуту простоял, наблюдая за тем, как она разговаривает с Мики, полусмеясь, полуплача, а малышка болтает ножками, весело лепечет и всплёскивает ручонками от радости.

Толстые губы Лебо растянулись в насмешливой и злой ухмылке. Он свирепо выругался. Нанетта вздрогнула, словно её ударили.

— Вставай, дурища! — рявкнул он.

Она послушно встала и попятилась, прижимая девочку к груди. Мики заметил эту перемену, и в его глазах, снова устремлённых на Лебо, зажёгся зеленоватый огонь. Он злобно, по-волчьи, зарычал.

Лебо повернулся к Нанетте, которая стояла у окошка, по-прежнему держа ребёнка на руках. Румянец ещё не исчез с её щёк, глаза не погасли, а перекинутая через плечо толстая коса отливала шёлком в лучах заходящего солнца. Это была прелестная картина, но она не успокоила злобы Лебо.

— Если ты попробуешь и из этого пса сделать котёночка, как тогда из Мину, то я с тобой…

Он не договорил и только погрозил огромным кулаком, а его лицо исказилось от бешенства. Но Нанетта и без слов поняла, что он имеет в виду. Он избивал её постоянно, но память об одном

ударе не оставляла её ни днём ни ночью. И она думала о том дне, когда у неё хватит сил и мужества добраться до фактории Форт О'Год и рассказать фактору об этом ударе — о том, как два года назад Жак Лебо ударил её по груди, когда она кормила своего первенца; у неё тогда пропало молоко, и малютка захирел и умер. Да, она расскажет об этом, когда найдёт безопасное убежище для себя и для дочки, а в этих краях только фактор в Форте О'Год в сотне миль от их хижины имел достаточно власти, чтобы оградить её от мести мужа.

К счастью, Лебо не мог догадаться, о чём она думала в эту минуту. Удовлетворившись одним только грозным предупреждением, он нагнулся над Мики и поволок его из хижины во двор, к сколоченной из жердей большой клетке, в которой он прошлой зимой держал двух живых лисиц. Он надел на шею Мики цепь длиной в десять футов и прикрепил другой её конец к одной из жердей. Только после этого он втащил своего пленника в клетку и освободил его от ремней, перерезав их ножом.

Но Мики и после этого продолжал лежать неподвижно, пока в его онемевших, полуобмороженных лапах медленно восстанавливалось кровообращение. Наконец он, шатаясь, поднялся

на ноги, и только тогда Лебо, удовлетворённо усмехнувшись, ушёл в хижину.

Теперь для Мики начались мучительные дни — дни неравной борьбы с человеком-зверем, который во что бы то ни стало хотел превратить его в своего послушного раба.

— Я сломлю твой норов, вот увидишь! — говорил Лебо, подходя к его клетке с хлыстом и дубинкой. — Ты ещё будешь ползать передо мной на брюхе, а когда я велю тебе драться, ты будешь драться, как сам дьявол!

Клетка была маленькой — такой маленькой, что Мики не удавалось увёртываться от ударов хлыстом и дубинкой. Они доводили его до исступления, и злобная душонка Лебо ликовала, когда Мики бросался на жерди, не дававшие ему добраться до его мучителя, и яростно грыз их, брызгая кровавой пеной, как взбесившийся волк.

Лебо уже двадцать лет занимался подготовкой псов для призовых драк, и таков был его метод дрессировки. Именно так он воспитывал Нете, пока не сломил его дух, и мы видели, чего он этим добился.

Три раза Нанетта смотрела в окошко на эту беспощадную неравную схватку между человеком и собакой. И на третий раз она разрыдалась, спрятав лицо в ладонях. Когда Лебо вошёл и увидел, что Нанетта плачет, он подтащил её к окну и заставил посмотреть на Мики, который весь в крови валялся замертво на полу клетки. Обычно Лебо занимался дрессировкой Мики по утрам, перед тем как отправиться обходить свои капканы. Из этих обходов он возвращался только к вечеру следующего дня. Не успевал он скрыться из виду, как Нанетта выбегала из дома, бросалась к клетке и бесстрашно просовывала руки между жердями. И Мики забывал про своего мучителя. Как бы ни был он избит — а иногда у него не хватало сил встать и он почти ничего не видел, — он подползал к решётке и нежно лизал эти ласковые руки. Вскоре Нанетта начала приносить с собой малышку, закутанную в меха, точно маленький эскимос, и Мики повизгивал от радости, вилял хвостом и не знал, как ещё выразить свою любовь

к ним обеим.

Шла вторая неделя его плена, когда случилось нечто чудесное. Лебо отправился осматривать капканы, но на дворе бушевала метель, и Нанетта побоялась выйти к Мики с девочкой. Но она всё-таки подошла к клетке, отодвинула засов на дверце, преодолевая страх, и… отвела Мики в хижину! Она старалась не думать о том, что произойдёт, если Лебо догадается о её проделке.

При одной мысли об этом её била дрожь.

И всё-таки Нанетта продолжала забирать Мики в хижину при каждом удобном случае. Как-то раз Лебо заметил на полу кровь, и у неё сердце оборвалось, когда он уставился ей в глаза подозрительным взглядом. Однако у неё хватило присутствия духа придумать правдоподобную ложь.

— Я порезала палец, — сказала она и, отойдя к плите, незаметно для мужа действительно поранила ножом палец.

Когда она отошла от плиты, Лебо, недоверчиво поглядевший на её руки, увидел, что один из пальцев обмотан окровавленной тряпицей.

После этого Нанетта, уведя Мики в клетку, всегда внимательно осматривала комнату.

Часы, которые Мики проводил в хижине с На-

неттой и малышкой, были для него часами ничем не омрачённого счастья. Осмелев, Нанетта как-то оставила его в комнате на всю ночь, и, лёжа рядом с колыбелью маленькой Нанетты, Мики не спускал глаз с её матери. Было уже очень поздно, когда Нанетта наконец кончила хлопотать у плиты и приготовилась лечь спать. Надев длинную мягкую ночную рубашку, она села возле Мики, распустила свои чудесные волосы и принялась расчёсывать их на ночь. Волосы рассыпались по её плечам, почти касаясь пола, и Мики, приняв их за какую-то странную одежду, даже тявкнул от изумления. Затем Нанетта кончила расчёсывать волосы, и Мики с любопытством следил, как её ловкие пальцы быстро заплетают их в две толстые косы.

После этого Нанетта вынула дочку из колыбели, положила её на свою сколоченную из жердей кровать, задула свечку и тоже улеглась в постель, и Мики всю ночь пролежал без движения, чтобы не разбудить их.

Утром, когда Нанетта открыла глаза, она увидела, что Мики задремал на полу около кровати, положив голову на одеяло возле спящей малютки.

Нанетта затопила плиту и вдруг, сама не зная

почему, начала тихонько напевать. Лебо должен был вернуться только поздно вечером, и он никогда не узнает, какой праздник она решила тайком от него устроить для себя, девочки и собаки. Ведь нынче был день её рождения! Ей исполнилось двадцать шесть лет, но у неё было ощущение, будто она прожила целый век. Восемь лет из этих двадцати шести она была женой Лебо! Но сегодня он ушёл, и они втроём на славу отпразднуют этот день. Вот почему всё утро в хижине царило радостное настроение, и все трое были очень счастливы.

Давным-давно, когда Нанетта ещё не была даже знакома с Лебо, индейцы, жившие по соседству с её родителями, дали ей за её звонкий и мелодичный голос имя Тента Пенаш, что значит «Певчая Птичка». И в это утро, занимаясь приготовлениями к праздничному пиру, Нанетта пела не умолкая, а в окно светило солнце, Мики весело повизгивал и стучал хвостом по полу, малышка ворковала и смеялась, и никто из них не вспоминал про Лебо. Вечная тревога и страх исчезли из души Нанетты, и она снова превратилась в ту милую и хорошенькую девушку, про которую Высокий Кедр, старик индеец из племени кри, говорил, что она сплетена из цветов. Наконец

великолепный обед был готов, и, к великому удовольствию малышки, Нанетта заставила Мики сесть на стул, придвинутый к столу. Мики чувствовал себя в этом положении очень неловко, и вид у него был такой растерянный, что Нанетта смеялась до тех пор, пока на её длинных тёмных ресницах не повисли слёзы. Тут Мики, обидевшись, спрыгнул на пол, а она подбежала к нему, обняла его за шею и так упрашивала, что он скрепя сердце опять взгромоздился на стул.

После обеда Нанетта тщательно уничтожила все следы весёлого пиршества и заперла Мики в клетке. Она сделала это немного раньше, чем собиралась вначале, и к счастью. Потому что едва она привела всё в порядок, как из леса вышел Лебо в сопровождении Дюрана, своего давнего приятеля и соперника, который жил в ста милях севернее, почти на краю Голых Земель. Дюран уже отослал свои шкуры и собак в Форт О'Год со знакомым индейцем, а сам на санях, запряжённых двумя собаками, поехал навестить родственника, жившего на юго-западе от хребта Джексона. Погостив там, он отправился в Форт О'Год и повстречал Лебо на его охотничьей тропе.

Всё это Лебо сообщил Нанетте, пока она расте-

рянно смотрела на Дюрана, — его можно было бы принять за близнеца её мужа, только он был намного старше. Она давно свыклась с тупой жестокостью, написанной на лице Лебо, и всё-таки Дюран показался ей чудовищем. Ей даже стало страшно, и она обрадовалась, когда Лебо увёл гостя из хижины.

— Сейчас я покажу тебе зверя, который запросто разделается с твоими собачками. Вот как нынче твой вожак задавил кролика, — хвастал

Жак Лебо. — Я тебе уже рассказывал о нём, а теперь посмотри своими глазами.

И он захватил с собой хлыст и дубинку.

В этот день Мики кидался на хлыст и дубинку, как тигр, так что Дюран, не сумев сдержаться, воскликнул вполголоса:

— Господи! Настоящий дьявол!

Нанетта, увидев в окошко, что происходит, застонала. Но тут же в её груди вспыхнуло пламя гнева. В ней пробудилось всё то, что Лебо старался уничтожить побоями и издевательствами, — смелость, гордость, сила воли. Словно оковы спали с её души.

Она отвернулась от окошка, стремглав выбежала из хижины и по снегу бросилась к клетке. Впервые в жизни она восстала на Лебо и осыпала ударами руку, которая сжимала дубинку.

— Зверь! — кричала она. — Я не позволю! Слышишь? Я не позволю!

Лебо ошеломлённо застыл на месте. Неужели это Нанетта, его безгласная рабыня? Вот эта женщина, пылающая негодованием, глядящая на него с выражением, которого он никогда ещё не видел в женских глазах? Нет! Не может быть! В нём закипела бешеная ярость, и он одним движением мощной руки отшвырнул её в снег, а потом с ругательством отодвинул засов на дверце клетки.

— Теперь я его убью! Убью! — В бешенстве он почти визжал. — И заставлю тебя изжарить его сердце и съесть, чертовка! Я покажу тебе! Я…

Он потянул за цепь, вытащил Мики из клетки и взмахнул дубинкой. Ещё мгновение — и он

размозжил бы голову пса, но Нанетта успела заслонить Мики. Лебо от неожиданности выпустил дубинку. Но он тут же пустил в ход свои тяжёлые кулаки — удар в плечо снова отбросил Нанетту в снег. Лебо прыгнул к ней, его пальцы вцепились в густые мягкие волосы. И тут…

Дюран предостерегающе закричал, но его предупреждение опоздало. Мики, натянув цепь до предела, серой молнией отмщения и возмездия метнулся на грудь Лебо. Нанетта услышала, как лязгнули его сомкнувшиеся клыки, увидела, как Лебо попятился и тяжело упал навзничь, ударившись затылком о сучковатое бревно. Всё поплыло перед её глазами, она через силу поднялась на ноги и с отчаянным криком, шатаясь побежала в хижину.

Когда Дюран собрался с духом и, опасливо косясь на Мики, подошёл к телу Лебо, Мики не рванулся вперёд, натягивая цепь. Он как будто понял, что его враг мёртв, повернулся и ушёл в клетку. Там он лёг, положил голову на лапы и устремил на Дюрана пристальный взгляд.

А Дюран посмотрел на неподвижное тело своего приятеля, на красное пятно, расплывающееся под его затылком, и снова пробормотал:

— Господи! Настоящий дьявол!

В хижине Нанетта судорожно рыдала, прижимая к себе дочку.

Глава 18

Бывают случаи, когда смерть потрясает, но не причиняет горя. Так было и с Нанеттой Лебо. На её глазах роковая случайность принесла гибель её мужу, но, несмотря на всю свою кротость и доброту, она не жалела о нём и не оплакивала его. Смерть настигла его как воздаяние за его необузданную жестокость. И Нанетта — не столько из-за себя, сколько из-за дочери — невольно испытывала облегчение при мысли, что судьба освободила их обеих от власти бессердечного тирана.

Дюран, столь же мало склонный к чувствительности, как и покойный Лебо, не стал зря тратить время. Он даже не счёл нужным спросить Нанетту, а без лишних разговоров выдолбил в мёрзлой земле яму и закопал в ней тело своего былого соперника. Впрочем, Нанетта была скорее благодарна ему за то, что он взял эти хлопоты на себя: Лебо ушёл из её жизни, ушёл навсегда. Она могла больше не опасаться побоев, не опасаться за своего ребёнка, а это было для неё важнее всего.

Мики неподвижно лежал в углу своей тюрьмы, сколоченной из толстых жердей. Его томило

тягостное недоумение. Но он не сделал почти ни одного движения после того, как стремительным прыжком сбил с ног своего мучителя. Он даже не зарычал, когда Дюран оттащил тело Лебо подальше от клетки. Им овладела гнетущая и всепоглощающая тоска. Он не вспоминал об ударах, которые обрушил на него траппер, о дубине, которая чуть было не размозжила ему голову. Он не замечал, как ноет его избитое тело, не обращал внимания на жгучую боль в кровоточащих дёснах и в глазах, по которым Лебо полоснул хлыстом. Он думал только о Нанетте. Почему она убежала с таким громким криком, когда он прыгнул на грудь двуногого зверя? Ведь тот набросился на неё, чтобы растерзать, и растерзал бы, если бы он, Мики, не кинулся ей на помощь так стремительно, что цепь чуть не вывихнула ему шею. Ну так почему же она убежала и не возвращается?

Он тихонько заскулил.

Солнце зашло, и ранний вечер северного края уже окутывал леса густым сумраком. Из этого сумрака перед клеткой Мики возникло лицо Дюрана. Мики с самого начала инстинктивно воспылал к охотнику на лисиц такой же ненавистью, какую он питал к Лебо, потому что между

Дюраном и траппером существовало большое сходство — лица обоих были проникнуты одинаковой угрюмой свирепостью, которая была главной чертой характера и того и другого. И всё-таки Мики не зарычал, когда Дюран начал внимательно его разглядывать. Он даже не шевельнулся.

— Уф! Дьявол! — сказал Дюран с дрожью в голосе.

Потом он засмеялся. Это был негромкий злорадный смех, клокотавший где-то в глубине его чёрной густой бороды, и у Мики по спине пробежал холодок.

Затем Дюран повернулся и ушёл в хижину.

При его появлении Нанетта встала. Она была бледна как полотно, но в больших тёмных глазах горел новый огонь. Нанетта ещё не оправилась от потрясения, вызванного внезапной трагической смертью Лебо, но выражение её лица уже стало иным. Этого огня не было в её глазах, когда Дюран вошёл в эту хижину вместе с Лебо меньше трёх часов назад.

И теперь он поглядел на неё со смутным беспокойством — перед ним с девочкой на руках стояла совсем другая Нанетта. Ему стало не по себе. Когда муж обругал её при нём, он только захохотал,

а теперь у него не хватало духа смотреть ей в глаза — почему бы это? Чёрт! И как он раньше не заметил, что она настоящая красавица?

Дюран заставил себя преодолеть смущение и заговорил о деле, которое в эту минуту интересовало его больше всего.

— Вам надо бы поскорее избавиться от этого пса, — сказал он. — Так я его заберу.

Нанетта ничего не ответила. Она смотрела на него затаив дыхание. Дюран решил, что она просто не расслышала, и хотел повторить свои слова, но тут ему вдруг пришло в голову, какую ложь следует пустить в ход.

— Вы ведь знаете, что мы с ним договаривались устроить бой между его псом и моим на новогоднем празднике в Форте О'Год? — сказал он, тяжело переминаясь с ноги на ногу. — Для этого-то Жак… то есть ваш муж… и дрессировал одичавшую собаку. Ну и чуть я увидел, как этот дьявол грызёт жерди, так сразу понял, что он придушит моего пса, как лисица кролика. Ну и мы договорились, что я куплю у него этого пса за две серебристые лисицы и десять рыжих, — шкурки у меня с собой в санях.

Правдоподобность этой выдумки придала Дюрану уверенность. Упоминание о шкурках

казалось ему очень убедительным, а Жак не мог явиться сюда и сказать, что он всё это выдумал. И Дюран закончил свою речь, внутренне торжествуя:

— Ну вот, значит, он мой. Я отвезу его на факторию и выставлю там против любой собаки или волка. Шкурки вам сейчас отдать, сударыня?

— Он не продаётся! — сказала Нанетта, и огонь в её глазах запылал ещё сильнее. — Это моя собака. Моя и моей дочки. Вы поняли, Анри Дюран? Он не продаётся.

— Да… — пробормотал растерявшийся Дюран.

— А когда вы доберётесь до Форта О'Год, мосье, вы сообщите фактору о том, что Жак умер, и о том, как он умер. И попросите, чтобы за мной и малышкой кого-нибудь сюда прислали. А до тех пор мы останемся здесь.

— Ладно… — пробормотал Дюран, пятясь к двери.

Ему и в голову не приходило, что Нанетта способна на такую твёрдость и решительность. Он с недоумением вспомнил, как Жак Лебо ругал её и бил. Ему же она внушала страх. Дюран, подобно большинству невежественных людей, был суеверен, а огромные, сверкающие на бледном лице глаза, пышные волосы, прижатый к груди ребёнок придавали Нанетте сходство с изображением Богоматери, которое он как-то видел, и он испугался.

Выскочив во двор, Дюран снова подошёл к клетке, где сидел Мики.

— Что же, пёс, — сказал он негромко, — она не желает тебя продавать. Она хочет оставить тебя себе, потому что ты бросился к ней на выручку и убил моего друга Жака Лебо. Поэтому мне придётся забрать тебя без её согласия. Скоро взойдёт луна, и тогда я накину тебе на голову

петлю, привязанную к палке, и придушу тебя так быстро, что она ничего не услышит. А раз дверь клетки останется открытой, то как она сумеет догадаться, куда ты делся? И ты будешь драться с другими собаками в Форте О'Год — ах, как ты будешь драться! Душе Жака Лебо будет приятно с того света поглядеть на тебя.

Дюран ушёл в дальний конец вырубки, где он оставил свои сани и собак, и стал ждать там восхода луны.

Мики по-прежнему лежал неподвижно. В окне хижины светился огонёк, и он не спускал тоскливого взгляда с этого светлого пятна, а его горло подёргивалось, словно он беззвучно скулил. Теперь весь его мир сосредоточивался в комнате за этим окном. Женщина и маленькая девочка заслонили от него всё остальное. Он хотел только одного — всегда быть с ними.

А в хижине Нанетта думала о Мики и о Дюране. В её ушах вновь звучали многозначительные слова охотника на лисиц: «Вам надо бы поскорее избавиться от этого пса». Да, все жители лесного края скажут то же самое, и к ним, несомненно, присоединится сам фактор, когда он услышит, что произошло. Ей надо бы поскорее избавиться от этого пса! А почему? Потому, что он поспешил

к ней на помощь и бросился на Жака Лебо, её мужа? Потому, что благодаря ему случай вырвал её из лап жестокого зверя, утратившего всякий человеческий облик? Потому, что он рванулся, натягивая цепь до предела, и маленькая Нанетта не лишилась матери, как лишилась старшего братика, и будет расти теперь среди радости и смеха, а не в страданиях и слезах? Пусть другие думают что хотят, но она-то твёрдо знает, что Лебо погиб по собственной вине. Ей вспомнилось всё, что Лебо рассказывал про одичавшего пса: как тот день за днём грабил его капканы, как отчаянно сопротивлялся, когда был наконец пойман. И вдруг в её памяти особенно ясно всплыла фраза, как-то мимоходом сказанная траппером: «Он — настоящий дьявол, но он не волк. Нет, это собака, и не индейская — когда-то у неё был белый хозяин».

У неё был хозяин!

Нанетта даже вздрогнула. Когда-то у этого пса был хозяин — добрый, заботливый хозяин. Вот и у неё самой была светлая молодость, когда цвели цветы и пели птицы. Она попыталась представить себе прошлое Мики, но, конечно, её предположения нисколько не были похожи на действительность. Как могла она догадаться

о том, что меньше года назад Мики, неуклюжий щенок, приплыл с Чэллонером с ещё более далёкого Севера, и о том, что между ним и чёрным медвежонком Неевой возникла небывалая дружба после того, как они свалились с челнока Чэллонера в быстрины и чуть не погибли среди порогов? И о всех дальнейших приключениях, которые превратили Нееву во взрослого медведя, а Мики — во взрослого одичавшего пса. Но и не зная ничего, Нанетта чувствовала, что его прошлое не может быть обычным, и не сомневалась, что его к ней привела сама судьба.

Она тихонько встала, чтобы не разбудить девочку, и открыла дверь. Луна только-только выплыла из-за леса, и в её смутном сиянии Нанетта подошла к клетке. Она услышала радостное повизгивание, сунула руки между жердями и почувствовала тёплый язык, который принялся их нежно лизать.

— Нет, нет, никакой ты не дьявол, — негромко сказала Нанетта, и её голос странно зазвенел. — Ты спас меня, ты спас мою девочку. А дьяволы никогда никого не спасают.

И Мики, словно поняв её слова, уронил израненную, покрытую рубцами голову на её ладонь.

Притаившись на опушке, Дюран внимательно

следил за происходящим. Он увидел светлый прямоугольник, когда Нанетта отворила дверь, увидел, как она прошла к клетке, и не спускал глаз с её тёмного силуэта, пока она не скрылась в хижине. Тогда он, посмеиваясь, вернулся к своему костру и начал прикреплять ремённую петлю к длинной палке. Его хитрость и эта петля на палке должны были сэкономить ему двенадцать отличных лисьих шкурок, и он самодовольно хихикал, раздумывая у тлеющих углей о том, как легко провести женщину. Нанетта сдуру отказалась от шкурок, а Жак… Жак мёртв и не призовёт его к расчёту. Ему, можно сказать, повезло, что Жак так удачно упал — на сучковатое бревно. Да уж, удача привалила крупная. Он выставит этого пса против какой-нибудь знаменитой собаки, поставит на него всю свою наличность — и наживёт целое состояние.

Дюран дождался, чтобы огонёк в хижине погас, и только тогда снова направился к клетке. Мики услышал его шаги. А потом и увидел — ещё вдалеке, потому что луна светила необыкновенно ярко и было светло как днём. Дюран знал все собачьи повадки. И использовал свои знания, в отличие от Лебо, который умел только пускать в ход дубинку и хлыст. Поэтому он подошёл к

клетке решительным шагом, не скрываясь, и как будто случайно сунул конец палки между жердями. Затем он без всяких видимых опасений прислонился к клетке и начал говорить спокойно и небрежно. Он держался совсем не как Лебо, и Мики, внимательно оглядев его, снова уставился на тёмный квадрат окошка. Тогда Дюран очень тихо и осторожно начал приводить в исполнение свой коварный план. Мало-помалу он просунул палку в клетку так, что петля повисла прямо над головой Мики. Этим хитрым приспособлением, которое индейцы называют «вагун», Дюран орудовал с большой ловкостью: на своём веку он изловил таким способом немало лисиц и волков, а один раз так даже и медведя. Мики, совсем окоченевший от холода, не почувствовал, как ремённая петля тихонько легла вокруг его шеи. Он не заметил, что Дюран вдруг весь подобрался и упёрся ногой в бревно, к которому были снизу прибиты жерди клетки.

Внезапно Дюран резко откинулся назад, и Мики показалось, что на его шее сомкнулся стальной капкан. У него сразу перехватило дыхание. Он отчаянно забился, стараясь высвободиться, но не мог ни залаять, ни завизжать. Дюран, перехватывая палку, начал неторопливо подтягивать его к

жердям, а потом, по-прежнему упираясь ногами в бревно, рванул изо всей силы. Когда он затем опустил вагун, Мики рухнул на утоптанный снег, как мёртвый. Через десять секунд Дюран уже крепко стягивал ремнём его сомкнутые челюсти. Взяв Мики на руки, Дюран понёс его к саням — дверь клетки он оставил открытой. Нанетта, рассуждал он, глупа и не догадается о том, что произошло на самом деле, а решит, будто пёс удрал в леса.

Дюран не собирался превращать Мики в раба с помощью дубинки, чего безуспешно добивался Лебо. Хотя безжалостностью он не уступал покойному трапперу, тупым его назвать было нельзя, и он немного разбирался в психологии животных. Конечно, сама по себе она его не интересовала, однако, в отличие от Лебо, он не стал бы мучить собаку только для того, чтобы потешить свою жестокость. Вот почему Дюрану и в голову не пришло тащить Мики по снегу за санями, как это сделал Лебо, злорадно распяливший Мики на самодельной волокуше. Наоборот, прежде чем отправиться в путь, Дюран уложил своего пленника в сани поудобнее и накрыл его тёплым одеялом. Впрочем, он не позабыл проверить, надёжно ли держатся ремни на морде Мики и крепко ли привязан конец его цепи к передку саней.

Убедившись, что всё в порядке, Дюран погнал своих собак на восток в направлении к Форту О'Год. Если бы Жак Лебо мог в эту минуту увидеть своего бывшего приятеля, он без труда понял бы, почему Дюран так весел. По своим наклонностям Дюран был азартным игроком и траппером стал только для того, чтобы раздобывать деньги для заключения очередных пари. Последние шесть лет его собаки неизменно выходили победите-

лями на больших состязаниях, которые в канун Нового года устраивались на факториях Форт О'Год. Однако на этот раз он не был уверен в успехе. Опасался он вовсе не Жака Лебо с его Нете, а метиса, жившего на озере Ред-Белли. Собака Грауза Пьета (так звали метиса), которую он намеревался выставить на состязания, собственно говоря, была наполовину волком. Вот почему Дюран готов был отдать за одичавшего пса Лебо две серебристые шкурки и десять рыжих, хотя за такую цену можно было бы купить пять хороших собак. И сейчас, когда он заполучил пса бесплатно, а Нанетта осталась ни с чем, Дюран себя не помнил от радости. Теперь волку Грауза Пьета придётся туго! Его уверенность в Мики была так велика, что он намерен был поставить на него не только всю свою наличность, но и полностью использовать кредит, которым располагал в фактории.

Когда Мики пришёл в себя, Дюран сразу же остановил собак, потому что придавал этой минуте большое значение. Нагнувшись над санями, он заговорил — не злобно, как Лебо, но ласково и дружески, а потом даже погладил голову пленника рукой в толстой рукавице. Мики это сбило с толку — ведь разговаривала с ним не Нанетта, а мужчина. Смущало его и тёплое уютное гнездо, в котором он лежал. Поверх одеяла Дюран набросил ещё и медвежью шкуру. Незадолго перед этим он совсем замёрз, и его лапы онемели, а теперь ему было тепло и хорошо. Смутно ощущая всё это, Мики не пошевельнулся. И Дюран расплылся в самодовольной улыбке. Он решил, что ему не следует в эту ночь продолжать путь, и остановился на ночлег всего лишь милях в пяти от хижины Нанетты. Он развёл костёр, вскипятил кофе и поджарил большой кусок мяса. Мясо он нарочно жарил медленно, насадив его на самодельный деревянный вертел, и весь воздух вокруг был полон соблазнительного аппетитного запаха. Своих собак Дюран привязал в пятидесяти шагах от костра, но сани придвинул почти к самому огню и внимательно следил за тем, какое впечатление на Мики производит аромат жаркого. Мики не доводилось чуять подобного благоухания с тех

далёких дней, когда он щенком путешествовал с Чэллонером, и вскоре Дюран заметил, что он облизывается, и услышал, как легонько щёлкают его зубы. Дюран усмехнулся в густую бороду. И решил подождать ещё четверть часа. Тогда он снял мясо с вертела, разрезал кусок пополам и одну половину отдал Мики. И Мики с жадностью съел угощение.

Анри Дюран был очень неглуп!

Глава 19

В последние дни декабря все человеческие следы на пространстве в десять тысяч квадратных миль вокруг Форта О'Год вели к тамошней фактории. Приближался уске пиппун — праздник Нового года, и в Форт О'Год из типи и хижин со всеми своими семьями собирались трапперы и охотники, чтобы продать добытые шкуры и несколько дней повеселиться в большом обществе. Этот праздник мужчины, женщины и дети предвкушают в течение долгих месяцев, полных тяжёлого труда. У жены траппера нет соседок, с которыми она могла бы посудачить в редкие минуты досуга. Охотничий участок её мужа — это маленькое королевство, куда нет доступа никому, и вокруг на много миль не найдётся ни одной живой души. Вот почему женщины особенно любят уске пиппун. Их дети быстро находят себе товарищей и целыми днями играют, а мужья в компании приятелей отдыхают от тягот зимней охоты. В течение этой недели возобновляются старые знакомства и заводятся новые. Именно здесь происходит обмен накопившимися ново-

стями — тот-то умер, те-то поженились, у тех-то родился ещё один ребёнок. Из уст в уста передаются правдивые рассказы о лесных трагедиях, которые вызывают ужас, горе и слёзы, а также о смешных или счастливых событиях. В первый и единственный раз за все семь месяцев зимы лесной народ собирается вместе. Индейцы, метисы, белые дружно веселятся, не обращая внимания на различия в цвете кожи или в верованиях.

На этот раз в Форте О'Год предполагалось устроить пиршество на вольном воздухе, и уже завершались приготовления к тому, чтобы целиком зажарить туши нескольких больших карибу. К тому времени, когда Анри Дюран приблизился к фактории, к ней с востока, с юга, с запада и с севера уже сбегались десятки троп, плотно утоптанных людьми и собаками. В этом году из лесов на сотне саней прибыло более трёхсот мужчин, женщин и детей, а с ними — полтысячи собак.

Дюран добрался до фактории на день позже, чем рассчитывал, но это время он не потратил зря: Мики, правда всё ещё в наморднике, послушно бежал за санями, к которым был привязан одним тонким сыромятным ремнём. Под вечер, на третий день после того, как он покинул хижину Нанетты, Дюран свернул с накатанной дороги

к домику Андре Рибо, который занимался тем, что снабжал обитателей фактории свежим мясом. Андре сильно досадовал на задержку приятелей, но тем не менее продолжал их ждать. Индеец, которого Дюран послал в Форт О'Год со шкурами, оставил у Андре прославленного дюрановского пса. Теперь Дюран и Рибо заперли Мики в пустой хижине, а сами отправились на факторию, до которой было меньше мили.

Ночевать в хижину они не вернулись. Вокруг было полное безлюдье, но с наступлением сумерек чуткие уши Мики начали улавливать странные и непонятные звуки, которые становились всё громче по мере того, как темнота

сгущалась. Это были звуки праздника на фактории — отдалённый гул человеческих голосов, к которому примешивались вой и лай сотен собак. Мики ещё никогда не приходилось слышать ничего подобного, и он долго лежал, припав к полу и насторожив уши. Потом он встал перед окном точно человек, упёршись передними лапами в тяжёлую раму. Хижина Рибо была построена на пригорке над замёрзшим озером, окаймлённым густым кустарником. Над тёмными вершинами кустов Мики увидел красноватое зарево — это вокруг фактории пылали десятки огромных костров. Он заскулил, спрыгнул на пол и отошёл от окна. Потянулись нескончаемые часы ожидания. Хотя эта хижина была куда более приятным приютом, чем клетка Лебо, Мики спал неспокойно, и ему снились Нанетта и её дочка.

Дюран и Рибо вернулись только в следующий полдень. Они принесли свежего мяса, и Мики с жадностью на него накинулся, потому что сильно проголодался. Дюран и Рибо говорили с ним весело и поглаживали его. Мики принимал их ласки равнодушно, но без злобы. На вторую ночь его снова оставили в хижине одного. Дюран и Рибо явились на заре с небольшой клеткой, сколоченной из тонких берёзовых жердей. Открыв

дверцу клетки, они вплотную придвинули её к двери хижины и с помощью куска мяса заманили в неё Мики. Дверца тотчас была опущена, и он оказался в плену. Клетка уже была установлена на широких санях, и Мики, едва взошло солнце, очутился в Форте О'Год. Праздник там был в самом разгаре — в этот день жарились туши карибу и устраивались поединки между самыми знаменитыми собаками. Ещё задолго до того, как они приблизились к фактории, Мики услышал нарастающий гул. Он никак не мог понять, что это такое, и, вскочив, застыл в насторожённой позе. На людей, которые тащили сани с его клеткой, он не обращал ни малейшего внимания. Он глядел поверх их голов, и Дюран ликующе причмокнул, услышав, как Мики глухо зарычал и щёлкнул зубами.

— Да, он им всем покажет! — усмехнулся он. — Как он будет драться!

Они шли по берегу озера, огибая занесённый снегом мысок. И внезапно перед ними открылся Форт О'Год, расположенный на высоком берегу. Мики от неожиданности даже перестал рычать, и его зубы с лязгом сомкнулись. На мгновение сердце в его груди замерло. До этой минуты его мир включал лишь шестерых людей, а теперь без всякой предварительной подготовки он увидел их сотню, две сотни, три сотни — навстречу Дюрану с его клеткой бежала толпа любопытных. И ещё Мики увидел волков — их было несметное множество. Но тут его клетка очутилась среди густой толпы вопящих мужчин и мальчишек. Затем к ним начали присоединяться женщины

с младенцами на руках. И тут клетка остановилась. Мики увидел совсем рядом другую клетку, а в ней зверя, очень похожего на него самого. Возле клетки стоял высокий смуглый мужчина в лохматой шапке. Он сильно смахивал на пирата. Это и был Грауз Пьет, соперник Дюрана.

Он посмотрел на Мики с презрительной улыбкой и что-то насмешливо сказал окружавшим его людям, среди которых было много индейцев и метисов. В ответ раздался громкий хохот.

Дюран побагровел.

— Смейтесь, смейтесь! — вызывающе крикнул он. — Только помните, что Анри Дюран приехал сюда не шутки шутить.

И он тряхнул перед Граузом Пьетом двумя серебристыми шкурками, а потом вытащил и десять рыжих.

— Ну-ка, поставь на кон столько же, Пьет! — заявил он во всеуслышание. — А у меня таких есть ещё целая сотня.

Намордник с Мики сняли, и он принялся нюхать воздух. Запахов было много — знакомых и незнакомых. Пахло людьми, собаками, жарящимся мясом — этот запах доносился от пяти огромных костров, над которыми медленно поворачивались гигантские вертела с тушами карибу.

Каждый вертел был толщиной с ногу взрослого мужчины, и вращать их предстояло ещё десять часов. Поединок собак должен был предшествовать пиршеству.

Больше часа возле клеток не смолкал оглуши-

тельный хор голосов. Любители держать пари оценивали качества бойцов и договаривались о ставках, а Грауз Пьет и Анри Дюран совсем охрипли, осыпая друг друга презрительными насмешками. Затем толпа начала понемногу редеть. Теперь возле клеток вместо мужчин и женщин собралась орава чумазых ребятишек. Только тогда Мики смог хорошенько разглядеть зверей, которые по одному, по двое, а то и целыми группами были привязаны к деревьям на опушке. И его ноздри наконец уловили различие в запахе и сообщили ему, что это не волки, а такие же собаки, как он сам.

Прошло много времени, прежде чем он снова посмотрел на своего соседа — помесь волка и собаки. Он подошёл к самой решётке и потянул воздух носом. Сосед повернул к нему узкую хищную морду. Мики вспомнил волка, с которым он дрался не на жизнь, а на смерть над крутым обрывом. И он инстинктивно зарычал, оскалив зубы. Сосед свирепо огрызнулся в ответ.

Анри Дюран радостно потёр руки, а Грауз Пьет негромко засмеялся.

— Как они будут драться! — сказал Дюран.

— Волк будет драться, это верно, — ответил Грауз Пьет. — Но вот ваша собака, мосье, брякнется

на спину, как трусливый щенок, едва дело дойдёт до драки.

Чуть позже Мики увидел перед своей клеткой ещё одного человека. Это был Макдоннелл, фактор, шотландец по происхождению. Он поглядел на Мики и на его соседа с каким-то сожалением. Десять минут спустя, вернувшись в маленькую комнату, служившую ему конторой, он сказал молодому человеку, который дожидался его там:

— Я был бы рад запретить эту забаву, но у меня нет на это права. Да и они просто увезут свои шкуры куда-нибудь ещё. Собачьи бои устраиваются в Форте О'Год уже лет пятьдесят, и это стало традицией. По правде говоря, я не вижу, чем, собственно, собачьи драки хуже матчей профессиональных боксёров, которые сейчас в такой моде в Соединённых Штатах. Разница только та…

— …что тут поединок кончается смертью, — закончил молодой человек.

— К сожалению, да. Чаще всего одна из собак погибает.

Молодой человек выколотил пепел из своей трубки.

— Я люблю собак, — сказал он просто. — И на моей фактории, Мак, я никаких драк не потерплю.

Разве что драться будут люди. И на нынешнюю драку я смотреть не пойду, потому что могу нена-роком и убить кого-нибудь.

Глава 20

Было два часа пополудни. Туши на вертелах почти зажарились. Ещё немного — и можно будет начать пир. Но прежде предстоял поединок Мики и его соперника.

Около трёхсот человек сомкнулось тесным кольцом вокруг большой клетки из берёзовых жердей. К ней с двух сторон были вплотную придвинуты две маленькие клетки. Возле одной из них стоял Анри Дюран, возле другой — Грауз Пьет. Теперь они уже не обменивались насмешками. Их лица застыли в угрюмом напряжении. На них были устремлены триста пар глаз, триста пар ушей ждали, когда будет подан сигнал.

И вот Грауз Пьет подал его.

Быстрым движением Дюран поднял дверцу малой клетки и ткнул Мики в спину палкой с развилиной на конце. Мики одним прыжком очутился в большой клетке. Почти в то же мгновение туда вскочил боец Грауза Пьета, носивший кличку Таао — Длинный Клык. Противники заняли свои позиции на арене.

Но в следующую секунду Дюран чуть было не застонал от разочарования. Поведение Мики в этот момент объяснялось непривычностью обстановки. Если бы он встретился с Таао в лесу, то сразу же забыл бы обо всём остальном и приготовился бы драться с ним, как это было с Нете, а ещё раньше — с волками. Но теперь он меньше всего думал о драке. Его вниманием всецело завладели бесчисленные лица, заворожённо смотревшие на него. Мики разглядывал их, поворачивая морду то в одну сторону, то в другую. Быть может, он надеялся увидеть Нанетту и малышку или даже Чэллонера, своего первого, настоящего хозяина. На Таао же, к вящему ужасу Дюрана, Мики после первого взгляда вовсе перестал обращать внимание. Он подошёл к самой решётке и просунул морду между жердями. Грауз Пьет насмешливо захохотал. Затем Мики начал неторопливо обходить клетку, не спуская взгляда с кольца

безмолвных лиц. Таао стоял в центре клетки; его налитые кровью глаза неотрывно следили за каждым движением Мики. То, что делалось снаружи, Таао не интересовало. Он знал, что от него требуется, и был хорошо обучен своему делу. Дюран с замирающим сердцем смотрел, с какой неумолимой уверенностью Таао поворачивается на месте так, чтобы иметь возможность в любую секунду броситься на Мики. Щетинистая шерсть на его загривке стояла дыбом.

Но вот Мики остановился, и Дюран решил, что все его радужные надежды пошли прахом: без предупреждения, даже не зарычав, Таао прыгнул. С губ Грауза Пьета сорвался торжествующий крик. Зрители ахнули, а по спине Дюрана прошла ледяная дрожь. Но в следующее мгновение все замерли. Таао должен был сразу покончить с Мики — в этом не сомневались ни Грауз Пьет, ни Дюран. Но прежде чем челюсти Таао успели сомкнуться, за какую-то тысячную долю секунды Мики преобразился в живую молнию. Движением настолько быстрым, что человеческий глаз был почти не способен его уловить, сын Хелея повернулся навстречу Таао. Их пасти встретились. Раздался зловещий хруст, и в следующий миг они, сцепившись, покатились по полу. Ни

Грауз Пьет, ни Дюран не могли разобрать, что происходит. Об остальных зрителях и говорить нечего. Были забыты даже пари — Форт О'Год ещё не видывал такой драки.

Шум её донёсся до склада фактории. Там на крыльце стоял молодой гость фактора и смотрел в сторону большой клетки. Он слышал рычание, лязг клыков. Его губы сурово сжались, а в глазах запылал гневный огонь. Внезапно он глубоко вздохнул.

— Чёрт бы их всех подрал! — сказал он негромко и, сжав кулаки, медленно пошёл к клетке.

Пока он пробирался сквозь толпу зрителей, драка кончилась так же внезапно, как началась. Таао неподвижно лежал в центре клетки с прокушенным горлом. И Мики, казалось, тоже был при последнем издыхании. Дюран открыл дверцу, накинул ему на голову верёвочную петлю и вытащил его из клетки. Мики с трудом поднялся на ноги. Он был весь в крови и почти ослеп. Тело его покрывали раны, из пасти капала кровавая пена. При виде этого зрелища у молодого человека вырвался крик ужаса. И тут же он снова закричал изменившимся голосом:

— Да не может быть! Мики… Мики… Мики!..

Этот зов, раздавшийся словно в неизмеримом отдалении, прорвался в сознание Мики сквозь туман мучительной боли.

Он узнал этот голос! Голос, живший во всех его снах, голос, которого он ждал, который всё время искал, зная, что когда-нибудь непременно найдёт его. Голос Чэллонера, его хозяина.

Мики взвизгнул и припал к земле, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь багровую муть, застилавшую глаза. Он был весь в ранах, может быть, он умирал, но всё-таки он застучал хвостом по земле, показывая вновь обретённому хозяину, что узнал его. И тут, к величайшему изумлению

зрителей, Чэллонер упал на колени рядом с собакой и обхватил её руками, а Мики израненным языком принялся лизать ему руки, лицо, одежду.

— Мики… Мики… Мики…

На плечо Чэллонера тяжело опустилась ладонь Дюрана. Чэллонер вздрогнул, как от прикосновения раскалённого железа, и мгновенно вскочил на ноги.

— Он мой! — крикнул Чэллонер, поворачиваясь к Дюрану и стараясь сдержать бешенство. — Он мой! Ты… ты… изверг!

Тут, вне себя от негодования, он окончательно утратил власть над собой, размахнулся и изо всей силы ударил Дюрана в челюсть. Дюран упал как подкошенный. Чэллонер нагнулся над ним, но Дюран не шевелился. Тогда молодой человек в ярости повернулся к Граузу Пьету и зрителям. Мики прижался к его ногам, и, указывая на него, Чэллонер сказал громко, так, чтобы его услышали все:

— Это моя собака. Я не знаю, как она попала к этому негодяю. Но она — моя. Вот посмотрите сами. Видите, она лижет мне руки? Ну-ка, пусть он подставит ей пальцы! И ещё посмотрите на её ухо. Другого такого не сыщется на всём Севере. Мики пропал почти год назад, но по этому уху я

его узнаю хоть из десяти тысяч собак. Эх! Если бы я только знал…

Ведя за собой Мики на верёвке, которую Дюран успел накинуть на шею израненному псу, Чэллонер проложил себе путь через толпу и пошёл к Макдоннеллу. Он сообщил фактору о том, что произошло, и рассказал ему о событиях прошлой весны — о том, как Мики и медвежонок, связанные одной верёвкой, свалились с его челнока в быстрину и исчезли в пене, громоздившейся на порогах. Кончив свой рассказ и предупредив фактора, что Дюран, наверное, явится к нему с какими-нибудь выдумками, он ушёл в хижину, где временно остановился, когда приехал в Форт О'Год.

Час спустя Чэллонер сидел у себя в хижине, положив голову Мики к себе на колени, и разговаривал с ним. Он промыл его раны и остановил кровь, так что Мики теперь видел всё совершенно ясно. Его глаза были устремлены на лицо хозяина, а хвост непрерывно стучал по полу. Ни человек, ни пёс не слышали праздничного шума, доносившегося снаружи, — ни громких мужских голосов, ни весёлых детских воплей, ни женского смеха, ни собачьего лая. Чэллонер с нежностью смотрел на Мики и говорил:

— Мики, старина, ты ведь ничего не забыл, верно? Конечно, ты тогда был долговязым

несмышлёнышем, но ты всё равно ничего не забыл, ведь так? Помнишь, я обещал отвезти тебя и медвежонка к моей сестричке? Помнишь? Я ещё рассказывал тебе, какая она хорошая, и говорил, как она будет тебя любить. Ну, так я рад, что вы тогда свалились в реку и я не смог взять вас с собой. Я вернулся домой, Мики, но только там всё как-то изменилось. А уж она-то и вовсе стала другой. Дело в том, что она вышла замуж и обзавелась двойней! Слышишь, старина? Я приезжаю, а у меня уже двое сосунков-племянников! Где уж ей тут было бы возиться с тобой и с медвежонком! Согласен? И всё остальное тоже стало каким-то не таким. Три года в здешних северных краях, где зимой за удовольствие дышать платишь обмороженными лёгкими, наверное, очень меня изменили. Недели не прошло, Мики, как меня потянуло обратно. Вот так-то, сэр. Я дни считал, когда я снова вернусь сюда. И уж теперь я отсюда не уеду, Мики. Ты отправишься со мной на новую факторию, куда меня назначили. С этого дня мы компаньоны, приятель. Понимаешь, компаньоны!

Глава 21

Поздно вечером Макдоннелл прислал за Чэллонером мальчишку. Большой пир в Форте О'Год подошёл к концу. Когда посланец фактора постучал в дверь хижины, Чэллонер как раз начал раздеваться, готовясь лечь спать. Выслушав мальчишку, Чэллонер посмотрел на часы. Одиннадцать часов! Зачем он вдруг в такое время понадобился фактору? Мики, уютно растянувшийся на полу возле печки, недоумевающе смотрел, как его вновь обретённый хозяин зачем-то опять натягивает только что снятые сапоги. За часы, которые прошли после смертельной схватки с Таао, Мики успел несколько оправиться. Помогла ему и мазь, которую хозяин положил на его раны.

— Наверное, этот негодяй Дюран что-нибудь затевает, — проворчал Чэллонер, поглядев на Мики. — Ну если он рассчитывает снова заполучить тебя в свои лапы, Мики, то у него ничего не выйдет. Я тебя никому не отдам!

Мики застучал хвостом по полу и подполз к хозяину, глядя на него с немым обожанием. Они

вместе вышли из хижины.

В небе среди бесчисленных звёзд плыла бледная серебряная луна. Большие костры, на которых днём жарились карибу, всё ещё ярко пылали. Вдоль лесной опушки мерцали угли десятков маленьких костров. В их красноватых отблесках можно было различить смутные силуэты типи и палаток, в которых размещались на ночлег триста мужчин, женщин и детей, собравшихся в Форте О'Год на новогодний праздник. Фактория уже затихла. Только кое-где ещё мелькали человеческие фигуры. Даже собаки угомонились после нескольких часов веселья и обжорства.

Направляясь к жилищу фактора, Чэллонер прошёл совсем рядом с большими кострами, над которыми ещё висели толстые брёвна, служившие вертелами. Мики обнюхал обглоданные кости. Только они и остались от пяти огромных туш, ещё недавно подрумянивавшихся на этих вертелах. Люди и собаки съели всё до последнего кусочка, и факторию окутало сытое безмолвие Мутая — лесного божества, способного заснуть только после обильного ужина.

В комнате фактора горела лампа, и Чэллонер в сопровождении Мики прямо вошёл в дом. Макдоннелл сидел, угрюмо попыхивая трубкой.

Обветренное лицо фактора казалось встревоженным, и он смотрел не на Чэллонера, а на Мики.

— Ко мне заходил Дюран, — сказал Макдоннелл. — Он очень зол на вас. Боюсь, это плохо кончится. И зачем вы только его ударили!

Чэллонер пожал плечами и набил трубку табаком из кисета, который протянул ему фактор. Он ничего не ответил.

— Видите ли… вы не совсем представляете себе положение, — продолжал Макдоннелл. — Последние пятьдесят лет в Форте О'Год в это время обязательно устраивались собачьи бои. Это стало традицией. Вот почему, хотя я здесь уже пятнадцать лет, я даже не пытался принимать никаких мер против этого. Я глубоко убеждён, что после такой попытки половина наших охотников начнёт возить добытые меха на другие фактории. Я говорю это для того, чтобы вы поняли, почему все симпатии тут на стороне Дюрана. Даже Грауз Пьет, его постоянный соперник, твердит ему, что он будет дураком, если спустит вам такую штуку. Дюран утверждает, что эта собака принадлежит ему.

Макдоннелл указал на Мики, который лежал у ног Чэллонера.

— Он лжёт, — спокойно ответил Чэллонер.

— Он говорит, что купил пса у Жака Лебо.

— Значит, Лебо продал ему собаку, которую

объявил своей, не имея на то никакого права.

Макдоннелл немного помолчал, а потом сказал другим тоном:

— Но я вас попросил зайти ко мне не из-за этого. Дело в том, что Дюран сегодня вечером рассказал мне страшные вещи… Вы ведь, кажется, хотели завтра выехать к Оленьему озеру, на свою факторию?

— Да, я думаю отправиться прямо с утра.

— В таком случае не могли бы вы сделать небольшой крюк к хребту Джонсона? Я бы послал с вами кого-нибудь из моих индейцев с упряжкой. Вы потеряете на этом около недели, но всё равно успеете догнать свои упряжки намного раньше, чем они доберутся до Оленьего озера, а меня бы вы очень выручили. Там случилось… даже не знаю, как сказать. — Он снова посмотрел на Мики и невольно прошептал: — Чёрт побери!

Чэллонер молча ждал. Ему показалось, что по плечам фактора пробежала судорожная дрожь.

— Я бы поехал сам, — сказал наконец Макдоннелл. — Так было бы лучше всего, Чэллонер, но с моим обмороженным лёгким в такую зиму об этом нечего и думать. А поехать туда необходимо. Ведь я… — его глаза неожиданно вспыхнули, — ведь я знал Нанетту Лебо, когда она была ещё маленькой девочкой. Пятнадцать лет назад это было. Она выросла у меня на глазах, Чэллонер. Не будь я женат, я, наверное, влюбился бы в неё. Вы с ней знакомы, Чэллонер? Вы когда-нибудь её видели?

Чэллонер покачал головой.

— Чудесная девушка, — пробормотал Макдоннелл в густую рыжую бороду. — Она жила с отцом по ту сторону хребта Джексона. Потом он умер — замёрз, когда вздумал ночью пересечь озеро Ред-Ай. Я всегда думал, что Жак Лебо воспользовался тем, что она осталась одна, и принудил её выйти за него замуж. Но, может быть, она не знала, каков он на самом деле, или просто от горя не отдавала себе отчёта в своих поступках. Но, как бы то ни было, они обвенчались. В последний раз я видел её пять лет назад. Правда, до меня доходили кое-какие слухи, но я не всему верил. Например, у меня просто в голове не укладывалось, что Лебо и вправду способен зверски

избивать её без всякого повода. Я не поверил, когда мне рассказали, будто он как-то волочил её за волосы по снегу, так что она чуть не умерла. Мне думалось, что всё это досужие выдумки. Ведь до их хижины отсюда далеко — семьдесят миль. Но теперь я убедился, что он был даже хуже, чем о нём говорили. Дюран только что побывал там и сегодня вечером рассказал мне всю правду, чтобы сохранить собаку у себя.

Макдоннелл на минуту умолк, снова посмотрел на Мики, а потом продолжал:

— Так вот, Дюран говорит, что Лебо поймал эту собаку в капкан, забрал к себе и начал всячески избивать и мучить, готовя её для новогоднего боя. Когда Дюран по дороге сюда завернул к ним, пёс так ему понравился, что он его купил. Лебо начал дразнить пса, чтобы показать товар лицом, но тут вмешалась Нанетта. Лебо набросился на жену, сбил её с ног, начал душить, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не собака. Дюран говорит, что пёс бросился на Лебо и загрыз его. Вот что произошло. Про Нанетту Дюран рассказал только потому, что испугался, как бы я не приказал застрелить собаку, когда услышу про смерть Лебо. Вот потому-то я вас и прошу побывать там. Выясните, что произошло, и, если Нанетте Лебо нужна

будет помощь, помогите ей. А индейца я с вами посылаю, чтобы он проводил её в Форт О'Год.

Макдоннелл был сдержан, как все шотландцы, и нелегко было бы отгадать, взволнован он или нет. Говорил он тихим, спокойным голосом, однако по его плечам вновь пробежала та же странная конвульсивная дрожь. Чэллонер уставился на него, как поражённый громом.

— Вы хотите сказать, что Мики… что этот пёс загрыз человека?

— Да. Во всяком случае, так утверждает Дюран. По его словам, пёс расправился с Лебо, как сегодня с собакой Грауза Пьета… — Заметив, что Чэллонер медленно перевёл взгляд на Мики, фактор добавил: — По правде сказать, собака Грауза Пьета заслуживала такой участи куда меньше, чем Лебо. Если хотя бы половина того, что говорил про него Дюран, правда, то туда ему и дорога. Ну, так как же, Чэллонер? Может быть, вы не сочтёте за труд сделать крюк, побывать у Нанетты…

— Я поеду, — перебил его Чэллонер и положил ладонь на голову Мики.

Ещё полчаса Макдоннелл рассказывал Чэллонеру всё, что знал про Нанетту Лебо. Когда наконец Чэллонер встал, фактор проводил его до двери.

— Остерегайтесь Дюрана, — предупредил он. — Этой собакой он дорожит больше, чем своим сегодняшним выигрышем, а говорят, что он поставил на него всю свою наличность. Грауз Пьет заплатил ему порядочные деньги, но они весь вечер провели вместе как закадычные друзья. Мне это не нравится. Так что будьте поосторожнее.

Выйдя с Мики в озарённое луной безлюдье, Чэллонер на мгновение остановился, и Мики, воспользовавшись этим, тотчас положил передние лапы ему на грудь. Собачья морда оказалась почти на одном уровне с подбородком Чэллонера.

— Помнишь, как ты свалился с челнока в воду, дружище? — негромко спросил Чэллонер. — Помнишь, как вы с медвежонком тихонько сидели на носу, а потом вдруг подрались и слетели в речку над самыми порогами? Помнишь? А ведь и меня тогда чуть было не затянуло на камни. Вот я и решил, что вам обоим пришёл конец. Хотел бы я знать, что сталось с медвежонком…

Мики взвизгнул в ответ, извиваясь всем телом.

— И вот говорят, будто ты с тех пор успел убить человека, — добавил Чэллонер с видимым сомнением. — Теперь я отвезу тебя к жене этого человека. Вот какие дела. Я отвезу тебя к ней, и если она скажет, что тебя надо убить…

Он опустил лапы Мики на землю и направился к своей хижине. На крыльце Мики глухо зарычал. Чэллонер засмеялся и распахнул дверь. Они вошли. Рычание Мики стало свирепым и угрожающим. Уходя, Чэллонер оставил лампу гореть и только привернул фитиль. Теперь в её тусклом свете он увидел, что у стола сидят Анри Дюран и Грауз Пьет. Чэллонер вывернул фитиль. В хижине стало заметно светлее, и он кивнул безмолвной паре.

— Добрый вечер. Час слишком поздний, чтобы ходить по гостям, как вам кажется? — произнёс он спокойным голосом.

На невозмутимом лице Грауза Пьета ничего не отразилось, и Чэллонеру вдруг показалось, что он очень похож на толстого моржа. Глаза Дюрана горели злобой. На его подбородке виднелась большая опухоль — памятка о кулаке Чэллонера. Мики, весь напрягшись и продолжая глухо рычать, заполз под нары. Дюран указал на него.

— Мы пришли за собакой, — сказал он.

— Я её не отдам, Дюран, — ответил Чэллонер с равнодушной небрежностью.

На самом же деле их появление в его хижине встревожило его и даже испугало. Отвечая Дюрану, он прикидывал, зачем Граузу Пьету

понадобилось сопровождать своего соперника. Оба они были силачами, и оба слыли отпетыми негодяями. Инстинктивно он встал так, что небольшой стол оказался между ним и его непрошеными гостями.

— Я готов признать, что сегодня днём повёл себя неправильно, — сказал он. — У меня не было никаких оснований поднимать на вас руку, Дюран. Вы ведь не могли знать, как обстоят дела, и я приношу свои извинения. Тем не менее этот пёс принадлежит мне. Я потерял его неподалёку от хребта Джексона, и если Жак Лебо поймал его в капкан, а потом продал вам, то он распоряжался собакой, которая ему не принадлежала. Однако, чтобы вы не понесли ущерба, я готов возместить вам те деньги, которые вы за него отдали. Сколько это?

Пока он говорил, Грауз Пьет встал, а Дюран тяжело оперся на стол прямо против Чэллонера. Глядя на его мощные плечи, Чэллонер только удивлялся тому, что днём ухитрился сбить такого великана с ног одним ударом.

— Нет, он не продаётся, — негромко сказал Дюран. Казалось, голос застревал у него в горле — так он был исполнен ненависти. Сухожилия на руках, судорожно вцепившихся в крышку стола,

вздулись узлами.

— Мосье, мы пришли за этим псом. Отдадите вы его нам по-хорошему?

— Я верну вам те деньги, которые вы за него заплатили, Дюран. И даже добавлю.

— Нет, это моя собака. Отдадите вы её мне… сейчас же?

— Нет!

Едва Чэллонер произнёс это короткое слово, как Дюран всей тяжестью налёг на стол. Чэллонер не ожидал такого быстрого нападения и был застигнут врасплох. С рёвом, полным ярости и ненависти, Дюран набросился на него, и они оба упали на пол, увлекая за собой стол вместе с лампой. Фитиль затрещал и погас. В хижине стало совсем темно — только в окно струился смутный лунный свет. Чэллонер ждал совсем другого. Он полагал, что Дюран сначала попробует добиться своего с помощью угроз, и, понимая, что с ними двумя он голыми руками справиться не сможет, рассчитывал тем временем незаметно отойти к нарам — под подушкой у него лежал револьвер. Но теперь думать об этом было поздно. Навалившись на него, Дюран старался в темноте нащупать его горло. Чэллонер вскинул руку, чтобы зажать шею великана, как в тисках,

и услышал, что Грауз Пьет оттаскивает стол в сторону. В следующее мгновение они попали в пятно лунного света, и Чэллонер увидел, что над ними наклоняется тёмный силуэт. Он успел зажать голову Дюрана под мышкой, однако и тот сумел одной рукой вцепиться ему в горло. Тут Грауз Пьет что-то крикнул Дюрану на индейском наречии, которого Чэллонер не знал. Он напряг все силы и оттащил своего противника в темноту, подальше от лунного пятна. Толстая шея Дюрана затрещала. Грауз Пьет снова спросил что-то на непонятном наречии. Чэллонер сжал шею противника как мог сильнее, и Дюран ничего не ответил.

Тут на них всем весом навалился Грауз Пьет и тоже начал нащупывать горло Чэллонера. Его толстые пальцы сначала было запутались в бороде Дюрана, но потом нашли то, чего искали. Силач мог бы задушить Чэллонера за десять секунд, но его пальцы так и не сомкнулись. Неожиданно Грауз Пьет громко закричал. В этот крик, закончившийся почти стоном, вплёлся лязг больших клыков и треск рвущейся куртки. Дюран услышал всё это и, отчаянным усилием вырвавшись из хватки Чэллонера, вскочил на ноги. Чэллонер с быстротой молнии кинулся к

нарам и тотчас повернулся к своим врагам, сжимая в руке револьвер.

Всё произошло удивительно быстро — с того момента, когда опрокинулся стол, прошло не более минуты. Но теперь, когда опасность миновала, Чэллонера охватил ужас — он вспомнил, какое зрелище открылось ему, когда он днём подошёл к большой клетке, в которой дрались Мики и Таао… Неужели сейчас, в тёмной хижине…

Он услышал стон и шум падения тяжёлого тела.

— Мики! — закричал он. — Сюда, Мики! Сюда!

Уронив револьвер, Чэллонер бросился к двери и широко её распахнул.

— Ради бога, уходите! — крикнул он. — Убирайтесь отсюда, пока целы!

Мимо него в темноте метнулась грузная фигура. Он догадался, что это Дюран.

Тогда он прыгнул назад во мрак хижины, на ощупь нашёл загривок Мики и начал оттаскивать пса от его жертвы, хрипло повторяя:

— Мики! Мики! Мики!

Затем Чэллонер увидел, как Грауз Пьет подполз к двери, с трудом поднялся на ноги — его фигура чётко вырисовывалась на фоне звёздного неба — и, пошатываясь, побрёл прочь. Тут напряжённые мышцы Мики под руками Чэллонера расслабились, и пёс растянулся на полу. Выждав ещё

минуту-другую, Чэллонер закрыл дверь и зажёг запасную лампу. Он поднял перевёрнутый стол, поставил на него лампу и поглядел на Мики. Пёс лежал неподвижно, опустив голову на передние лапы. Он смотрел на Чэллонера виноватыми, молящими глазами.

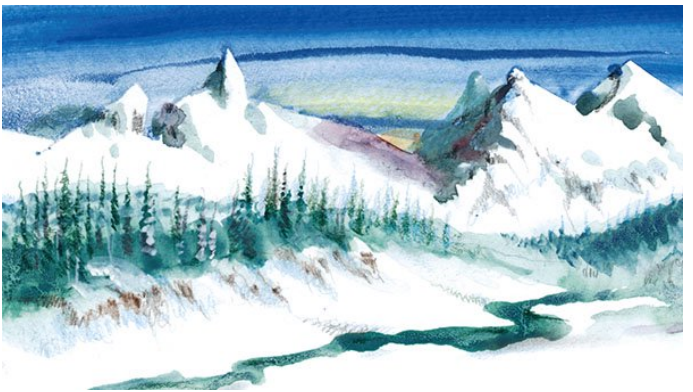
Чэллонер протянул к нему руки:

— Мики!

В одно мгновение Мики вскочил, и его лапы очутились на груди хозяина. Обняв его за шею, Чэллонер оглядел пол, на котором валялись обрывки меховой куртки.

— Мики, старина! Спасибо за своевременную помощь, — сказал он весело.

Глава 22



На следующее утро Чэллонер отправил трое саней с четырьмя своими помощниками на северо-запад, туда, где на Оленьем озере, в устье Кокрана, находилась его новая фактория, а сам час спустя покинул факторию Макдоннелла и с одними лёгкими санями, запряжёнными пятью собаками, повернул прямо на запад, к хребту Джонсона. Вместе с ним отправился один из индейцев, служивших у Макдоннелла, — ему было поручено отвезти Нанетту Лебо в Форт О'Год. Ни

Дюрана, ни Грауза Пьета он больше не видел и согласился с Макдоннеллом, который высказал предположение, что негодяи, несомненно, поспешили убраться восвояси после того, как их попытка отнять Мики силой окончилась столь неудачно для них. Вероятно, поспешность, с какой они покинули Форт О'Год, объяснялась ещё и тем обстоятельством, что в этот день туда должен был прибыть отряд северо-западной королевской конной полиции, направлявшийся на йоркскую факторию.

Только в самую последнюю минуту перед отъездом Чэллонер вывел Мики из хижины и привязал его к своим саням. Когда Мики увидел пятерых упряжных собак, сидевших на снегу, он весь напрягся и свирепо заворчал. Однако, услышав спокойный голос Чэллонера, он быстро понял, что перед ним не враги, и проникся к ним презрительной снисходительностью, которая затем сменилась даже благожелательным интересом. Собаки эти отличались большим добродушием — их привезли с юга, и в них не было ни капли волчьей крови.

В течение прошедших суток на долю Мики выпало столько необыкновенных и неожиданных событий, что он не мог прийти в себя ещё долго после того, как они покинули Форт О'Год. В его мозгу вертелась карусель странных, волнующих картин. Всё, что происходило до того,

как он попал в руки Жака Лебо, отодвинулось куда-то далеко-далеко. И даже воспоминание о Нееве было почти вытеснено впечатлениями от событий в хижине Нанетты и в Форте О'Год. Его сознание было переполнено образами людей, собак и множества новых непонятных вещей. Лесной мир, к которому он привык, внезапно сменился миром Жака Лебо, Анри Дюрана и Грауза Пьета — миром двуногих зверей, которые били его дубинками и заставляли драться не на жизнь, а на смерть. Он отплатил им как мог. И теперь он был всё время настороже, опасаясь, как бы они не накинулись на него из засады. Образы в его мозгу предупреждали его, что эти двуногие звери прячутся повсюду. Ему казалось, что их не меньше, чем волков в лесу, — ведь он видел, как они толпились вокруг большой клетки, в которой он дрался с Таао. В этом враждебном, пугающем мире был только один Чэллонер, одна Нанетта, одна малышка. А всё остальное сливалось в хаос смутной неуверенности и неясных угроз. Дважды, когда помощник Макдоннелла нагонял их, Мики оборачивался со свирепым рычанием. Чэллонер, который всё время внимательно следил за ним, прекрасно понимал его душевное состояние.

Из всех образов, теснившихся в памяти Ми-

ки, один был удивительно ясным и заслонял все остальные — даже самого Чэллонера. Это был образ Нанетты. Мики как будто чувствовал прикосновение её ласковых рук, слышал её тихий, задушевный голос, чуял запах её волос и одежды, запах женщины, заботливой, доброй хозяйки. Малышка же казалась ему неотъемлемой частью Нанетты и словно сливалась с ней в одно. Конечно, Чэллонер не мог догадаться об этих мыслях Мики, и потому что-то в поведении собаки оставалось ему непонятным и сбивало его с толку. Вечером, когда они остановились на ночлег, Чэллонер долго сидел у костра, стараясь воскресить беззаветную дружбу тех дней, когда Мики был щенком. Но это удалось ему только отчасти. Мики как будто что-то тревожило. Он всё время беспокойно отходил от костра, поворачивал голову на запад и нюхал воздух. И каждый раз при этом тихонько и жалобно повизгивал.

Чэллонер не мог понять, в чём дело, и поэтому, ложась спать, на всякий случай привязал Мики возле палатки крепким сыромятным ремнём. После того как Чэллонер ушёл в палатку, Мики ещё долго сидел насторожившись под ёлкой, к которой его привязали. Было часов десять, и в лесу стояла такая тишина, что треск рассыпающихся

в костре угольков казался Мики щёлканьем хлыста. Его глаза были широко открыты, уши стояли торчком. Чуть в стороне от костра он различал тёмное пятно — это, закутавшись на индейский манер в толстые одеяла, спал помощник Макдоннелла. Поодаль, свернувшись калачиком, в снегу спокойно спали ездовые собаки. Луна почти достигла зенита, и милях в двух от стоянки выл волк, задрав морду к золотистому диску. Этот вой, словно отдалённый зов, окончательно взбудоражил Мики. Он повернулся в ту сторону, откуда доносился протяжный клич. Ему хотелось ответить. Ему хотелось запрокинуть голову и воззвать к лесу, к луне, к звёздному небу. Но он только щёлкнул зубами и посмотрел на палатку, в которой спал Чэллонер. Наконец Мики растянулся на снегу, но тотчас же приподнял голову и продолжал прислушиваться.

Луна начала спускаться к западному горизонту. Костёр совсем догорел, и во мгле лишь тускло поблёскивали гаснущие угли. На часах Чэллонера стрелки миновали полночь, но Мики по-прежнему бодрствовал, и владевшее им волнение становилось всё более непреодолимым. Наконец он почувствовал, что не может больше противиться властному зову, звучавшему в ночи,

и перегрыз ремень. Его звала Нанетта, Нанетта вместе с малышкой.

Отойдя от ёлки, Мики обнюхал угол палатки Чэллонера. Его спина виновато выгнулась, хвост уныло повис. Он чувствовал, что предаёт хозяина, которого ждал так долго, которого постоянно видел во сне. Конечно, он не отдавал себе ясного отчёта в том, что собирался сделать, но им вдруг овладела глубокая тоска. Он вернётся. Где-то в глубине его мозга пряталось смутное убеждение, что он обязательно вернётся. Но сейчас… сейчас он должен ответить на этот зов.

Мики крадучись скользнул в лес, припадая к земле и с осторожностью лисицы обходя спящих собак. Только когда стоянка осталась далеко позади, он выпрямился и серой стремительной тенью в голубоватых лучах луны понёсся на запад. В движениях Мики не было ни нерешительности, ни колебаний. Его раны не болели, и он бежал ровной, размашистой рысью, словно молодой, полный сил волк. Вспугнутые кролики бросались в сторону, но он не замедлял бега, и даже пронзительный запах пекана не заставил его свернуть с пути. Безошибочное чувство направления вело его через болота и густые чащи, через замёрзшие озёра и речки, через открытые равнины

и лесные пожарища. Один раз он остановился, чтобы напиться из полыньи там, где быстрый ручей не замерзал и в самые лютые морозы, но через несколько секунд уже бежал дальше. Луна спускалась всё ниже и ниже и наконец исчезла за горизонтом. Звёзды начали бледнеть и гаснуть — маленькие растворялись в молочной дымке, большие тускнели. Лесной мир окутала призрачная снежная мгла.

За шесть часов — от полуночи до рассвета — Мики пробежал тридцать шесть миль. Потом он остановился. Улёгшись в снегу рядом с большим камнем на вершине холмистой гряды, он смотрел, как рождается день. Открыв пасть, он старался отдышаться, пока по восточному краю неба разливалось тусклое золото зимней зари. Затем из-за зубчатой кромки леса, точно отблеск пушечного залпа над крепостной стеной, вырвались первые яркие солнечные лучи. Тогда Мики поднялся на ноги и оглядел свой мир, облачающийся в чудесный утренний наряд. Позади него, в пятидесяти милях от этой гряды, лежал Форт О'Год, впереди, в двадцати милях, — хижина Нанетты. И он начал спускаться по склону в сторону хижины.

По мере того как расстояние между ним и хижиной сокращалось, им вновь начинала овладевать беспокойная тоска, похожая на ту, которая томила его накануне возле палатки Чэллонера. Но в чём-то она была иной. Он бежал всю ночь напролёт. Он покорился властному зову. А теперь, когда цель была уже совсем близка, его охватил страх. Он не знал, какой приём ждёт его в хижине. Ведь Нанетта позволила увести его… Может быть, он ей больше не нужен?

Мики замедлил шаг. Часа через три его чуткие ноздри уловили запах дыма. До хижины Нанетты и малышки оставалось не более полумили. Но Мики не побежал напрямик, а по-волчьи описал большой полукруг и осторожно подкрался к маленькой вырубке, на которой несколько недель

назад ему открылся новый мир. Вот клетка из берёзовых жердей, сколоченная Жаком Лебо, чтобы держать его в неволе. Дверца клетки была открыта. Её открыл Дюран, чтобы тайком увести его. Мики увидел утоптанный снег на том месте, где он прыгнул на грудь своего мучителя. И заскулил.

Он посмотрел на дверь хижины. Она тоже была приотворена, но он не заметил внутри никакого движения. Однако обоняние заверило его, что в хижине живут. К тому же из трубы валил дым. Мики, понурившись, побрёл через вырубку. Всем своим видом он выражал смиренную мольбу о прощении. Он словно просил Нанетту не прогонять его, даже если он в чём-нибудь провинился перед ней.

Мики приблизился к двери и заглянул внутрь. Комната была пуста. Нанетты в ней не было. Но тут его уши стали торчком, а тело напряглось — он услышал весёлое воркование. Оно доносилось из колыбели. Мики судорожно вздохнул, негромко взвизгнул, постукивая когтями, прошёл по половицам и заглянул в колыбель. Там лежала малышка. Мики тихонько лизнул маленькую ручонку горячим языком — всего один раз, а потом опять глубоко вздохнул и растянулся на полу.

Затем Мики услышал шаги. В хижину вошла Нанетта с одеялами в руках. Она отнесла их в чуланчик, вернулась в комнату и только тут увидела Мики. Она вздрогнула и остановилась как вкопанная. Но через секунду, негромко вскрикнув, она уже кинулась к нему, и он снова почувствовал её руки на своей шее. Тогда он заскулил, как щенок, и сунул морду ей под мышку, а Нанетта смеялась сквозь слёзы, а малышка в колыбели радостно попискивала и высоко задирала ножки, обутые в крохотные мокасины.

«Ао-у тап-ва-мукун» («Когда уходит злая беда, приходит счастье») — гласит поговорка индейцев кри. А для Нанетты смерть её мужа стала избавлением от самой злой беды. Теперь, когда ей уже не приходилось ежеминутно опасаться тяжёлых кулаков и дубинки, она вся словно расцвела. Загнанное, боязливое выражение исчезло из её тёмных глаз. Теперь они сияли и лучились. К ней вернулась её юность, освобождённая от невыносимого гнёта. Нанетта была счастлива. Она радовалась тому, что с ней её дочка, она радовалась свободе, радовалась солнцу и звёздам и с надеждой смотрела в будущее.

Вечером, когда она перед сном распустила волосы, Мики тихонько подошёл к ней. Ему нра-

вилось тыкаться носом в эти мягкие пушистые кудри, нравилось класть голову ей на колени и прятаться за их блестящим пологом. А Нанетта крепко обняла его, как обнимала дочку. Ведь это Мики невольно послужил причиной того, что она снова обрела жизнь, надежду, радость. Гибель Лебо была справедливым воздаянием, и повинен в ней был только он сам.

А на следующий вечер, когда Нанетта причёсывалась перед сном, в хижину вошёл Чэллонер,

и, когда он увидел её сияющие глаза и волну шелковистых кудрей, у него словно земля ушла из-под ног и он понял, что вся его прошлая жизнь была только прологом к этой.

Глава 23

После того как в хижине Нанетты Лебо появился Чэллонер, счастье Мики стало уже совсем безоблачным. Он, разумеется, не анализировал, почему ему так хорошо, и ничего не опасался в будущем. Мики жил только настоящим, а в этом настоящем три существа, которых он любил сильнее всего на свете, были вместе, были рядом с ним, а больше ему ничего не требовалось. И тем не менее где-то в глубинах его памяти, надёжно хранившей все важнейшие события, которые ему довелось пережить, таился образ Неевы, чёрного медвежонка. Мики не забыл Нееву, своего друга, своего брата, дравшегося бок о бок с ним, когда они встречали опасных врагов. И время от времени ему вспоминалась холодная, занесённая снегом пещера у вершины каменистого холма, пещера, в которой Неева погрузился в таинственный беспробудный сон, почти неотличимый от смерти. Но жил Мики настоящей минутой. Дни шли за днями, а Чэллонер всё ещё не покидал вырубки, да и Нанетта не уехала в Форт О'Год с помощником Макдоннелла. Индеец вернулся

один и передал фактору письмо от Чэллонера, в котором сообщалось, что девочка кашляет и Нанетта боится пускаться в дальний путь, пока стоят такие морозы. Кроме того, он просил прислать ей некоторые припасы.

Хотя в первых числах января действительно ударили лютые морозы, Чэллонер по-прежнему жил в палатке на опушке, шагах в ста от хижины, и Мики то навещал своего первого хозяина, то отправлялся в гости к Нанетте. Это были самые счастливые дни в его жизни. Ну а Чэллонер…

Мики видел всё, что происходило, но понять смысл происходящего он был не способен. Прошла неделя, затем вторая, и в глазах Нанетты появилось особое сияние, которого Мики никогда прежде в них не замечал. Изменился и её голос — он стал каким-то особенно задушевным и милым.

А потом настал день, когда Мики, лежавший возле колыбели, поднял голову и увидел, что его хозяин обнимает Нанетту и что-то говорит ей, а её лицо озаряет невыразимая радость. Мики смотрел на них с недоумением. Это недоумение возросло ещё больше, когда Чэллонер отошёл от Нанетты, нагнулся над колыбелью и нежно взял малышку на руки, а Нанетта вдруг закрыла

лицо ладонями и расплакалась. В горле Мики поднялось глухое рычание, но в это мгновение Чэллонер свободной рукой притянул к себе Нанетту, она обняла его и малышку и что-то говорила сквозь слёзы. Мики не понимал её слов — он вообще ничего не понимал, но он чувствовал, что сейчас не время рычать или бросаться к ней на помощь. Его охватило необъяснимое радостное возбуждение, но он сдерживал его и только смотрел во все глаза. Минуту спустя Нанетта опустилась на колени и крепко обняла его за шею, как только что обнимала Чэллонера, а Чэллонер приплясывал с малышкой на руках и весело ей что-то растолковывал. Потом и он сел на пол рядом с Мики.

— Мики, старина! Я теперь семейный человек, слышишь? — торжественно объявил он.

Мики попытался понять — и не смог.

Вечером за ужином Чэллонер и Нанетта болтали и смеялись как двое счастливых ребятишек. Мики не спускал с них глаз, всё ещё стараясь разобраться, что с ними происходит, — и не понимал.

Перед тем как уйти в свою палатку на опушке леса, Чэллонер обнял Нанетту и поцеловал её, а она прижала ладошку к его щеке, засмеялась и чуть было снова не расплакалась от радости.

И тут Мики понял: к обитателям хижины пришло счастье, только и всего.

Теперь, когда в его мире окончательно воцарились радость и спокойствие, Мики снова занялся охотой. Вновь он услышал властный призыв лесных троп и начал уходить от хижины всё дальше и дальше. Он опять обследовал капканы Лебо. Но они давно захлопнулись, и некому было ставить их заново. Мики почти утратил свою былую недоверчивую осторожность. Он потолстел и больше уже не чуял надвигающейся опасности в каждом порыве ветра. На третью неделю пребывания Чэллонера в хижине, в тот самый день, когда внезапно потеплело и два месяца лютых морозов

подошли к концу, Мики в добрых десяти милях от хижины наткнулся на ловушку, которую Лебо поставил, рассчитывая, что в неё попадёт рысь. Это было бревно, подвешенное так, что оно должно было упасть, стоило только дёрнуть приманку. Но никто не прикоснулся к куску мяса, и оно промёрзло насквозь и стало твёрдым как камень. Мики из любопытства обнюхал приманку. Он больше ничего не опасался. Он уже не ощущал повсюду присутствия постоянной неведомой угрозы. И вот Мики куснул приманку. Потом с силой рванул — и бревно с грохотом упало ему на спину. Чудом его позвоночник остался цел. Почти сутки, превозмогая боль, Мики вновь и вновь пытался выбраться из-под бревна, придавившего его к земле. В конце концов ему это удалось. Ещё накануне, когда потеплело, начал падать мягкий снежок, который быстро занёс все лесные тропы. Мики полз по нетронутой белой пелене, оставляя за собой широкий след, точно выдра в прибрежном иле. Задние лапы у него отнялись, хотя хребет и не был перебит. Но он слишком долго пролежал под тяжёлым бревном, чтобы это могло пройти безнаказанным, — вся задняя часть туловища у него была словно парализована.

Мики пополз по направлению к хижине, но

каждое движение вызывало мучительную боль, и он полз так медленно, что за час удалился от бревна меньше чем на четверть мили. До наступления ночи он прополз меньше двух миль! Мики забился под куст и пролежал под ним до зари, а потом и весь следующий день. Когда занялось новое утро (шли уже четвёртые сутки с того момента, как он отправился на эту роковую охоту), Мики почувствовал, что боль в спине как будто уменьшилась. Однако стоило ему проползти несколько шагов, как силы совсем его покидали. И тут ему вдруг улыбнулась удача — после полудня он наткнулся на тушу карибу, полуобглоданную волками. Мясо замёрзло, но Мики принялся грызть его с жадностью. Потом он заполз под кучу валежника и пролежал там десять дней между жизнью и смертью. Если бы не туша карибу, конечно, Мики погиб бы. Но каждый день, а иногда и через день он с трудом подползал к ней и проглатывал несколько кусочков мяса. Прошло почти две недели, прежде чем ноги снова начали служить ему. На пятнадцатый день он приплёлся к хижине.

Едва Мики вышел на вырубку, как его охватило ощущение беды. Хижина стояла на прежнем месте. Она как будто была совсем такой, как

пятнадцать дней назад. Но над трубой не вился дымок, а окна заросли густым слоем пушистого инея. Снег вокруг хижины был белым, как чистая простыня, и его белизну не нарушал ни единый след. Мики нерешительно направился к двери. И там тоже не было следов. Ветер намёл у порога высокий сугроб. Мики взвизгнул и заскрёбся в дверь. Ему ответила только тишина. Из хижины не донеслось ни единого звука.

Мики вернулся в лес и начал ждать. Он ждал до вечера и время от времени подходил к двери и вновь обнюхивал её, проверяя, не ошибся ли он. С наступлением темноты он вырыл ямку в снегу возле двери и пролежал в этом логовище всю ночь. Наконец занялся серый и унылый рассвет. Но из трубы не повалил дым, и за бревенчатыми стенами по-прежнему царила нерушимая тишина. Тогда Мики наконец понял, что Чэллонер, Нанетта и малышка покинули хижину.

Однако он не потерял надежды. Он перестал слушать под дверью — теперь он ждал, что знакомые голоса донесутся до него откуда-нибудь из леса, и то и дело обводил взглядом опушку. Он даже отправился на розыски и обследовал лес то с одной стороны хижины, то с другой, тщетно принюхиваясь к нетронутому снегу и ловя ветер

чуткими ноздрями. Под вечер, уныло опустив хвост, он затрусил в чащу, чтобы поймать на ужин кролика. Поев, он вернулся к хижине и улёгся спать в ту же ямку возле двери. Третий день и третью ночь он тоже провёл возле хижины и в эту третью ночь услышал волчий вой, далеко разносившийся под чистым звёздным небом. И впервые за всё это время Мики завыл — тоскливо и жалобно. Он вовсе не отвечал волкам — он звал хозяина, Нанетту и малышку, и в его голосе слышались горе и тоскливая безнадёжность.

Никогда ещё Мики не ощущал себя таким одиноким. И его собачьему мозгу представлялось, будто всё, что он видел и чувствовал в течение последних недель, было сном, а теперь он очнулся и вновь обнаружил вокруг себя всё тот же враждебный лесной мир, полный опасностей и неизбывного одиночества, — мир, где нет дружбы, а есть только нескончаемая, отчаянная борьба за существование. Инстинкты, притупившиеся было за время его пребывания в хижине, вновь обрели силу и остроту. Теперь его опять ни на минуту не оставляло волнующее ощущение постоянных опасностей, которые грозят тому, кто бродит по лесу в одиночку, к нему вернулась осторожность, и на четвёртый день он уже крался

по вырубке как волк.

На пятую ночь он не лёг спать в ямке у двери, а ушёл в лес и в миле от хижины отыскал подходящую для ночлега кучу бурелома. До утра его мучили тревожные сны. Но ему не снились Чэллонер, Нанетта и малышка или драка в Форт О'Год и всё то новое и непонятное, что он там видел. Нет, во сне он бродил у каменистой вер-

шины холма, занесённой глубоким снегом, и забирался в тёмную, безмолвную пещеру. Вновь он старался разбудить своего брата и товарища по летним странствованиям — Нееву, чёрного медведя, ощущал теплоту его тела и слышал, как тот сонно ворчит, не желая просыпаться. А потом он вновь пережил во сне схватку среди кустов чёрной смородины и вместе с Неевой улепётывал во весь дух от разъярённой медведицы, которая вторглась в их овражек.

Внезапно Мики проснулся — он весь дрожал, его мышцы были напряжены. Он зарычал, и в темноте его глаза горели как два огненных шарика. В чёрной яме под перепутанными ветками он тихонько и призывно заскулил, а потом долго прислушивался, не ответит ли Неева.

Ещё целый месяц после этой ночи Мики рыскал вблизи хижины. И каждый день он хотя бы один раз обследовал вырубку, а иногда забегал туда и ночью. Но тем не менее его мысли всё чаще занимал Неева. Начало марта ознаменовалось тики-свао — большой оттепелью. Целую неделю солнце ярко сияло в безоблачном небе. Воздух стал тёплым, снег проваливался под ногами, а на южных склонах холмов сугробы быстро таяли, растекаясь стремительными журчащи-

ми ручейками, или миниатюрными лавинами обрушивались вниз на дно оврагов. Мир был проникнут новым радостным возбуждением — близилась весна. И в душе Мики начала медленно пробуждаться новая надежда, рождавшаяся из новых впечатлений и нового зова инстинктов, — он вдруг почувствовал, что Неева должен вот-вот проснуться.

Эта мысль возникала у него словно подсказан-

ная кем-то со стороны. Об этом пели ему ручейки, которые, журча, пробирались по снегу и с каждым днём становились всё шире и глубже, об этом шептал ему тёплый ветер, совсем не похожий на свирепые леденящие ветры зимы, об этом говорили ему обновлённые весенние запахи леса и сладкое благоухание оттаивающей земли. И он испытывал неодолимое возбуждение, он слышал зов, он знал: Неева должен вот-вот проснуться.

Мики ответил на зов — остановить его можно было бы, только пустив в ход силу. Однако он не побежал к холму Неевы прямо, так, как побежал из лагеря Чэллонера к хижине, где жила Нанетта с малышкой. Тогда он твёрдо знал, куда и зачем бежит, — тогда его влекла ясная и легкодостижимая цель. Но теперь манящий зов не воплощался в реальные образы. Вот почему, направившись на запад, первые два-три дня Мики петлял по лесу и часто подолгу задерживался на одном месте. Затем он вдруг решительно побежал прямо вперёд и не останавливался, пока на рассвете пятого дня не достиг опушки: перед ним расстилалась широкая безлесная равнина, которую пересекала гряда холмов. Мики сел и долго смотрел на равнину.

Когда он продолжил путь, образ Неевы в его мозгу с каждым шагом становился всё более чёт-

ким и ясным. Ему уже казалось, будто он ушёл от этой гряды всего только накануне. Холмы тогда были засыпаны снегом и землю окутывали серые страшные сумерки. А теперь сугробов почти не осталось, солнце светило ярко, а небо снова было голубым. Мики продолжал уверенно бежать к знакомому холму — он не забыл пути. Особого волнения он не испытывал, потому что утратил ощущение времени. Он спустился с этого холма вчера, а сегодня возвращается туда, что здесь особенного?

Мики направился прямо к пещере, вход в которую уже освободился от снега, сунул голову в отверстие и понюхал воздух. Ну и лежебока же этот чёрный лентяй! Подумать только — он всё ещё спит! Мики чувствовал запах Неевы, а прислушавшись, уловил даже звук его дыхания.

Перебравшись через снежный вал, который намело в устье прохода, Мики уверенно прыгнул в темноту пещеры. Он услышал негромкое сонное фырканье, а потом глубокий вдох и тут же чуть было не споткнулся о Нееву, который, как оказалось, за зиму сменил постель. Неева снова фыркнул, и Мики взвизгнул. Он ткнулся мордой в новый весенний мех Неевы и ощупью добрался до его уха. Всего-то один день прошёл!

И он прекрасно помнил всё, что было накануне! Поэтому он укусил Нееву за ухо и негромко залаял — Неева всегда прекрасно понимал этот басистый отрывистый лай.

«Проснись же, Неева! — словно говорил он. — Проснись! Снег растаял, и погода прекрасная. Ну, проснись же!»

И Неева сладко потянулся и широко, от всей души зевнул.

Глава 24

Мешеба, старый индеец кри, сидел на залитом солнцем камне на южном склоне холма, откуда была хорошо видна вся долина. Мешеба, которого когда-то, в давние-давние дни, соплеменники прозвали Великаном, был очень стар. Он родился так давно, что в книгах факторий Компании Гудзонова залива год его рождения не значился.

Его лицо сморщилось и побурело, как старая оленья кожа, а прямые волосы, обрамлявшие смуглые впалые щёки, достигали плеч и были белы как снег. Руки у него были худые, и даже нос казался худым — это была худоба глубокой

старости. Но его глаза всё ещё блестели как два тёмных драгоценных камня, и зоркость их оставалась прежней, нисколько не уменьшившись за без малого девяносто лет.

Сидя на тёплом камне, Мешеба внимательно оглядывал долину. В четверти мили за его спиной стояла старая хижина, в которой он жил один. Зима была долгой и холодной, а потому, радуясь наступлению весны, старый Мешеба взобрался на холм, чтобы погреться на солнышке и посмотреть на пробуждающиеся леса. Уже около часа его взгляд блуждал по долине словно взгляд старого, умудрённого опытом сокола. В дальнем конце долины темнел старый лес из елей и кедров, между ним и холмистой грядой простирались ровные луга, ещё покрытые тающим снегом, среди которого проглядывали ширящиеся пятна буровато-зелёной прошлогодней травы. С того места, где сидел Мешеба, ему был хорошо виден крутой холм, далеко вдававшийся в равнину в ста ярдах от него. Холм этот сам по себе не интересовал старого индейца, но он заслонял от его взгляда значительную часть долины.

Весь этот час Мешеба просидел неподвижно, посасывая чёрную трубку, из которой вился еле заметный сизый дымок. За это время он успел увидеть немало всякого зверья. В полумиле от его холма из леса вышло небольшое стадо карибу, а потом скрылось в кустарнике совсем неподалёку от него. Но старый индеец не почувствовал былого охотничьего азарта, а к тому же в хижине у него хранился достаточный запас свежего мяса.

Затем он заметил вдалеке безрогого лося, такого нескладного и забавного в своём весеннем безобразии, что пергаментные губы Мешебы на мгновение раздвинулись в весёлой улыбке, и он негромко и одобрительно хмыкнул, — несмотря на свой возраст, Мешеба полностью сохранил чувство юмора. Потом он увидел волка и два раза лисицу, а теперь его взгляд был устремлён на орла, парившего высоко над его головой. Орёл представлял собой лёгкую мишень, но старый индеец ни за что на свете не стал бы стрелять в гордую птицу: они были давними знакомыми и из года в год, когда наступала весна, Мешеба видел этого орла в солнечном небе. Поэтому он одобрительно хмыкнул, радуясь, что Уписк не погиб во время зимних холодов.

— Мы оба прожили долгую жизнь, Уписк, — пробормотал он, — и, наверное, нам суждено умереть вместе. Мы много раз встречали весну, и скоро для нас должна навеки настать чёрная, непроглядная зима.

Индеец медленно отвёл глаза от орла, и его взгляд случайно упал на крутой холм, заслонявший от него часть долины. Внезапно его сердце сильно забилось, он вынул трубку изо рта и уставился на холм неподвижным взглядом каменной

статуи.

На плоском уступе, залитом солнечным светом, не более чем в ста шагах от него, стоял молодой чёрный медведь. В ласковых лучах полуденного солнца весенний мех медведя блестел как полированное чёрное дерево. Но ошеломило Мешебу вовсе не внезапное появление медведя. Нет, старый индеец с изумлением уставился на другого зверя, который стоял рядом с Вакайо, — это был не другой медведь, а… огромный волк. Медленным движением старик поднял худую руку и протёр глаза в полной уверенности, что они его обманывают. За восемьдесят с лишним лет, которые он прожил в лесах, Мешеба ни разу не видел, чтобы волк и медведь дружили. Природа создала их заклятыми врагами, и они с рождения питают друг к другу неутолимую ненависть. Вот почему Мешеба некоторое время думал, что у него мутится в глазах. Но потом он убедился, что действительно стал свидетелем чуда; второй зверь повернулся к нему боком, и у старика не осталось никаких сомнений — это и в самом деле был волк! Широкогрудый, крупнокостный, он доставал Вакайо, медведю, до плеча. Огромный волк, лобастый и…

Сердце Мешебы снова забилось сильнее — он

посмотрел на хвост таинственного зверя. У волка весной хвост бывает большим и пушистым, а у этого зверя шерсть на хвосте была короткой и плотно прилегала к коже!

— О-о! — пробормотал Мешеба еле слышно. — Это собака!

Он начал тихонько отодвигаться назад — со стороны могло бы показаться, будто он съёживается, сохраняя полную неподвижность. Его ружьё было прислонено к камню сзади, так, что он не мог до него сразу дотянуться.

А в ста шагах от старого индейца на уступе стояли Неева и Мики и щурились от яркого солнца. Позади них темнело входное отверстие пещеры, в которой Неева проспал все зимние месяцы. Мики никак не мог разрешить одну непонятную загадку. Ему казалось, что он оставил лентяя Нееву спать в пещере только вчера, — долгая, тяжкая зима, которая принесла ему столько испытаний, отодвинулась куда-то вдаль, словно её и вовсе не было. И вдруг оказалось, что Неева за это короткое время ужасно вырос. Дело в том, что все четыре месяца, которые Неева проспал, он продолжал расти и был теперь в полтора раза больше, чем осенью. Если бы Мики умел говорить на языке кри и если бы Мешеба дал ему время

изложить свои сомнения, он, вероятно, произнёс бы примерно такую речь:

«Видите ли, мистер индеец, — сказал бы он, — этот медвежонок и я подружились, ещё когда мы были совсем малышами. Человек по фамилии Чэллонер связал нас одной верёвкой, когда Неева — вот этот самый медведь — был не больше вашей головы… Как мы царапались и кусались, пока не узнали друг друга по-настоящему! Ну а потом мы свалились в реку и с тех пор бродили по лесу вместе, как братья. За лето у нас было много разных приключений, и смешных, и опасных, а когда настали холода, Неева отыскал вон ту дыру в земле и проспал, бездельник, всю зиму! Про то, что мне довелось пережить за эту зиму, я говорить не стану, хотя много всякого было! Ну а как потеплело, я почувствовал, что Неева, пожалуй, выспался и пора бы ему, лежебоке, продрать глаза. Вот я и вернулся сюда. Теперь мы опять вместе. Только… объясните мне, пожалуйста, одно: почему Неева такой большой?»

Возможно, Мики изложил бы свои мысли как-нибудь иначе, но, во всяком случае, в этот момент они были заняты именно неожиданным превращением Неевы из маленького медвежонка в большого медведя. Впрочем, Мешеба, вместо того

чтобы выслушивать его объяснения, всё равно потянулся бы за ружьём. А Неева тем временем, подняв коричневый нос, нюхал ветер и вскоре уловил в нём какой-то неизвестный ему запах. Из всех троих только Неева в эту минуту ничему не удивлялся. Когда он четыре с половиной месяца назад погрузился в спячку, Мики был рядом с ним, и сегодня, когда он проснулся, Мики по-прежнему был рядом с ним. А они с Мики и до этого много раз засыпали бок о бок и, просыпаясь, вместе встречали новый день. Ведь Неева и не подозревал, что они не виделись четыре с половиной месяца; ему представлялось, что с того времени, как он заснул, прошла всего одна ночь.

И Нееву теперь тревожил только непонятный запах, который доносил до него тёплый ветерок. Инстинктивно он почувствовал в этом запахе какую-то угрозу и решил, что на всякий случай им будет полезнее убраться куда-нибудь подальше от этого подозрительного места. Поэтому он затрусил прочь, предупредив Мики тревожным «уф!». И когда Мешеба выглянул из-за камня, рассчитывая на лёгкий выстрел, он увидел, что странная пара исчезает среди деревьев. Почти не целясь, он поспешно выстрелил им вслед.

Грохот выстрела и зловещий свист пули вы-

звали как у Неевы, так и у Мики множество страшных воспоминаний; Неева, прижав уши и выгнув спину, припустил своим особым галопом, и почти милю Мики приходилось всерьёз напрягать силы, чтобы не отстать от приятеля. Затем Неева остановился, тяжело переводя дух. Он ведь ничего не ел почти треть года, а кроме того, ослабел от долгой неподвижности, и такая пробежка чуть было не прикончила его. Прошло несколько минут, прежде чем он оправился настолько, что сумел фыркнуть. Мики использовал эти минуты на то, чтобы тщательно обнюхать Нееву от морды до хвоста. По-видимому, результат этого осмотра вполне его удовлетворил: кончив его, он заливисто затявкал и, забыв про то, что он уже совсем взрослый, принялся в неуёмном восторге прыгать вокруг Неевы.

«Зимой мне было очень трудно и грустно одному, и я страшно рад, что мы опять вместе, — говорили его буйные прыжки. — Ну, чем мы сейчас займёмся? Пойдём поохотимся?»

Видимо, Неева думал о том же самом, так как он повернулся, деловито спустился в долину прямо к небольшому болотцу и начал разыскивать съедобные корни и траву. Роясь в земле, он добродушно похрюкивал, совсем как тогда, когда был

маленьким медвежонком. И Мики, рыскавший поблизости, почувствовал, что долгие месяцы одиночества и правда остались позади.

Глава 25

Мики и Неева — особенно Неева — не видели ничего странного в том, что они снова были вместе и что их дружба осталась такой же, какой была. Хотя за месяцы зимней спячки Неева сильно вырос, его воспоминания и образы, жившие в его мозгу, не изменились. Ему не пришлось пережить ни одного из тех ошеломительных событий, которые выпали этой зимой на долю Мики, а потому именно Неева воспринял возобновление их прежних отношений как нечто само собой разумеющееся. Он продолжал усердно разыскивать съедобные корни, как будто этих четырёх с половиной зимних месяцев и вовсе не было, а когда несколько утолил первый голод, то совсем как прежде оглянулся на Мики, словно спрашивая, что они будут делать дальше. И Мики тоже вернулся к прежним привычкам с такой лёгкостью, как будто их разлука продолжалась не больше недели. Возможно, он попытался растолковать Нееве, что произошло с ним за эту зиму. Ему, конечно, хотелось рассказать своему другу о том, при каких странных обстоятельствах

он встретил Чэллонера, своего первого хозяина, и как опять его потерял. И о том, как он познакомился с Нанеттой и её дочерью, маленькой Нанеттой, и как провёл с ними несколько недель и полюбил их больше всего на свете.

Вот почему его тянуло на северо-восток — туда, где стояла хижина, в которой прежде жила Нанетта с малышкой, и именно к этой хижине он потихоньку вёл Нееву в первые полмесяца их возобновившихся совместных странствований. Вперёд они продвигались медленно, главным образом потому, что весенний аппетит Неевы был поистине неутолим, и девять десятых своего бодрствования молодой медведь посвящал насыщению, в невероятных количествах пожирая съедобные корни, набухающие почки и траву. А Мики в течение первой недели не раз совсем отчаивался и решал навсегда бросить охоту: как-то он поймал пять кроликов, а Неева съел из них четырёх и захрюкал, свинья эдакая, требуя ещё!

Если Мики не переставал дивиться обжорству Неевы год назад, когда он был ещё щенком, а Неева — маленьким медвежонком, то теперь он даже потерял способность удивляться, потому что, когда дело доходило до еды, Нееву можно было сравнить только с бездонным колодцем. А в остальном он полностью сохранил свой добродушный нрав, и они по-прежнему часто затевали весёлую возню, хотя теперь силы их были далеко не равны: Неева весил чуть ли не вдвое больше, чем Мики. Он очень быстро научился пользовать-

ся своим преимуществом в весе: улучив момент, он внезапно наваливался на Мики, прижимал его к земле всей тяжестью своего толстого мохнатого тела и обхватывал передними лапами, так что Мики не мог пошевелиться. Иногда Неева, сжав Мики в могучем объятии, перекатывался с ним на спину, и оба рычали и рявкали, словно вели борьбу не на жизнь, а на смерть. Эта игра очень нравилась Мики, хотя верх в ней в буквальном смысле слова всегда оставался за Неевой, но потом в один прекрасный день они затеяли возню на краю обрыва и в конце концов свалились на дно оврага лавиной мелькающих медвежьих и собачьих лап. После этого Неева надолго оставил привычку кататься по земле, торжествуя победу над беспомощным противником. Впрочем, если Мики надоедало играть, ему достаточно было куснуть Нееву своими длинными клыками, и медведь тотчас отпускал его и быстро вскакивал с земли — к зубам Мики он питал самое глубокое уважение.

Однако больше всего Мики любил, когда Неева затевал драку, встав на задние лапы, словно человек. Вот тогда они оба отводили душу. Зато его по-прежнему выводила из себя манера Неевы среди бела дня залезать на дерево и устраиваться там спать.

Начиналась уже третья неделя их странствований, когда они наконец добрались до хижины Нанетты. Она осталась точно такой же, какой Мики видел её в последний раз, и когда они с Неевой оглядели вырубку, притаившись за кустами, его хвост уныло повис. Над трубой не поднимался

дым, и не было заметно никаких других признаков жизни. Только стекло в окошке было теперь разбито — возможно, какому-нибудь любопытному медведю или росомахе захотелось узнать, что находится внутри заброшенного человеческого жилья. Мики подошёл к окошку, встал на задние лапы, сунул морду в дыру и понюхал воздух. Запах Нанетты ещё не исчез, но стал еле различимым. А больше там ничего от неё не осталось. Комната была пуста, если не считать плиты, стола и грубо сколоченной скамьи. Всё остальное исчезло.

Ещё около получаса Мики не отходил от хижины и то и дело вставал у окна на задние лапы, пока Нееву наконец не разобрало любопытство и он не последовал примеру приятеля. Неева тоже уловил слабый запах, ещё таившийся в хижине, и долго принюхивался. Чем-то этот запах напоминал тот, который его ноздри уловили, когда он, только что покинув берлогу, стоял с Мики на залитом солнцем уступе. И всё-таки это были разные запахи: запах в хижине казался менее навязчивым и далеко не таким противным.

Целый месяц Мики не желал уходить из окрестностей хижины. Его удерживало тут смутное, но властное чувство, которое он не был способен понять, а тем более проанализировать. Некоторое

время Неева добродушно мирился с необъяснимым капризом приятеля. Потом ему надоело бродить по одним и тем же местам: рассердившись, он обиженно ушёл и три дня странствовал в одиночестве. Мики вынужден был во имя дружбы последовать за ним. Время созревания ягод — начало июля — застало их на границе области, где родился Неева, в шестидесяти милях к северо-западу от хижины.

Но это было лето бебе нак ам геда — лето засух и пожаров, а потому ягод было совсем мало. Уже в середине июля леса начало окутывать сероватое дрожащее марево. В течение трёх недель не выпало ни одного дождя. Даже ночи были жаркими и сухими. Каждый день все факторы в этих местах обводили окрестности тревожным взглядом, а к первому августа служащие на факториях индейцы принялись систематически обходить ближние леса, проверяя, не занялся ли где-нибудь пожар. Лесные жители, ещё не покинувшие свои хижины и типи, были начеку и днём и ночью. Утром, в полдень и на закате они влезали на высокие деревья и вглядывались в мутное, колышущееся марево — не клубится ли над чащей дым? День за днём дул ровный и устойчивый юго-западный ветер. Он был сухим

и жгучим, словно приносился в северные леса из раскалённых экваториальных пустынь. Ягоды засыхали на кустах, рябина сморщилась и завяла, не успев созреть. Ручьи иссякали, болота превращались в унылые торфяные пустоши, а листья на тополях уже не шуршали весело на ветру, а безжизненно свисали с веток. Лесным жителям лишь раз в тридцать — сорок лет доводится видеть, как тополиные листья свёртываются в сухие трубочки и облетают, спалённые безжалостным летним солнцем. Такое увядание листьев индейцы называют кискевахун — предупреждение об опасности. Вянущие листья предупреждают не только о возможной гибели в бушующем море огня, но и о том, что зимой дичи и пушного зверя будет мало, а именно это самая страшная беда для охотников и трапперов.

Пятое августа застало Нееву и Мики на большом высыхающем болоте. В низинах духота была особенно невыносимой. Друзья брели по краю глубокой чёрной рытвины, которая всего месяц назад была руслом полноводной речки, а теперь производила такое же гнетущее впечатление, как и сама эта тягостная жара. Неева высунул длинный красный язык, а Мики дышал так тяжело, что бока у него вздымались и опадали словно кузнечные мехи. Солнца не было видно, потому что его лучи не могли пробиться

сквозь зловещий багровый туман, затягивавший небо и сгущавшийся с каждым часом. Мики и Неева находились во впадине, к тому же густо поросшей кустами, и потому не сразу заметили возникшую над лесом чёрную тучу. Туда до них не доносился раздававшийся в нескольких милях от болота громовой топот копыт и треск веток, ломающихся под напором тяжёлых тел, — это спасались от смертоносного огня лоси, карибу и другие травоядные. Но друзья ничего не подозревали и продолжали неторопливо брести через пересохшее болото. День уже начинал клониться к вечеру, когда они наконец выбрались из низины и поднялись по ещё зелёному склону холма. До этих пор ни Нееве, ни Мики не приходилось сталкиваться с ужасами лесного пожара — они вообще не имели ни малейшего представления о том, что это такое. Тем не менее едва они добрались до вершины, как сразу же поняли, что происходит. В их мозгу и в мышцах пробудился инстинкт, родившийся из опыта, накопленного тысячами прошлых поколений: окружающий мир находился во власти искутао — огня! На востоке, на юге, на западе леса скрывала непроницаемая пелена, подобная ночной тьме, а к противоположному краю болота, из которого Не-

ева и Мики только что вышли, уже подбирались первые языки пламени.

Теперь, когда они поднялись на холм, они почувствовали палящее дыхание ветра, дувшего с той стороны. И вместе с ветром до них донёсся глухой низкий рёв, напоминавший далёкий грохот водопада. Медведь и собака застыли на месте, пытаясь сообразить, что происходит, пытаясь осознать, какая реальная угроза скрывается за смутным предостережением инстинкта. Неева, как все его сородичи, был близорук и не видел ни дыма, надвигавшегося на них тёмным смерчем, ни огня, подползающего к болоту. Но в отличие, от зрения, обоняние у него было отличное: его нос сморщился гармоникой, и он даже раньше, чем Мики, понял, что надо бежать со всех ног, спасаясь от гибели. А Мики, зоркостью не уступавший ястребу, стоял не двигаясь, как заворожённый.

Рёв стал громче. Теперь он, казалось, надвигался на них со всех сторон. Но пепел, первый предвестник приближающегося огня, а затем дым налетели на них с юга. Только тогда Мики с жалобным, растерянным визгом повернулся и побежал. Однако роль вожака теперь играл Неева — Неева, чьи предки на протяжении неисчислимых веков десятки тысяч раз убегали от огненной смерти. В эту минуту острота зрения была ему ни к чему. Он и так знал, что следует делать. Он знал, какая опасность надвигается на него сзади

и с боков, знал, где лежит единственный путь к спасению. Обоняние и все остальные чувства твердили ему, что вокруг — смерть. Дважды Мики пытался повернуть на восток, но Неева, упрямо прижав уши к голове, продолжал бежать на север. Трижды Мики останавливался, намереваясь встретить лицом к лицу настигающую их опасность, но Неева ни разу даже не замедлил бега. Прямо на север… на север… на север — к плоскогорьям, к большим озёрам и рекам, к открытым равнинам.

Они бежали не одни. Мимо, обгоняя их с быстротой ветра, промчался большой карибу. «Беги быстро, быстро, быстро! — кричал инстинкт Неевы. — Но не надрываясь! Карибу бежит быстрее огня, но его сил хватит ненадолго, он упадёт, и огонь сожрёт его. Беги быстро, но не надрываясь!»

И Неева продолжал бежать своей обычной переваливающейся рысью, не убыстряя шага.

Их дорогу пересёк лось. Он спотыкался и хрипел так, словно ему перерезали горло. Его бока были сильно обожжены, и, обезумев от боли, он вырвался из хватки огня, надвигавшегося с запада, только для того, чтобы слепо ринуться в стену пламени на востоке.

Позади них по обеим сторонам огонь бушевал с неумолимой яростью. Маленькие зверьки пытались укрыться от этого беспощадного врага в привычных убежищах — в дуплах, под кучами валежника, среди густых древесных ветвей, в норах, — но смерть настигала их и там. Кролики, куницы, пеканы, норки, горностаи, совы гибли, не издавая ни звука, и только барсуки жалобно кричали, как маленькие дети.

Огонь ревел, словно океан в бурю, смолистые вершины елей и кедров мгновенно вспыхивали гигантскими факелами. Пожар нёсся по хвойным лесам как ураган, и спастись от него бегством было невозможно никому — ни зверю, ни человеку. Для тех, кого настигали огненные валы, оставалась только одна надежда, воплощавшаяся в безмолвном крике, который словно оглашал горящие леса: «Вода! Скорее, скорее к воде!» Только вода обещала спасение, обещала жизнь, и каждое озеро превращалось в приют самых разных зверей: в грозный час общей гибели исконная вражда, кровожадность, ненависть, страх — всё это было забыто, и дикие обитатели глухих дебрей жались друг к другу, как братья.

К такому-то озеру и привели Нееву инстинкт и чутьё, которые становились всё острее по мере того, как огненная стена постепенно настигала беглецов.

Мики же, наоборот, совсем растерялся, все его чувства притупились, ноздри были полны только запаха огня, и он следовал за Неевой со слепой покорностью. Пожар уже бушевал на западном берегу озера, и вода буквально кишела разным зверьём. Озеро было не очень большим и совсем круглым. Его поперечник не превышал двухсот ярдов. Почти на самой его середине собрались лоси и карибу. Их было десятка два. Некоторые плавали, но большинство просто стояло на дне, и над водой виднелись только их рогатые головы. Вокруг беспорядочно плавали другие животные, чьи ноги были покороче, — вернее, они даже не плавали, а только еле-еле загребали лапами, чтобы не утонуть. У самой воды, где Неева и Мики на мгновение остановились, топтался большой дикобраз. Он сердито фыркал и хрюкал, словно ругая всех и вся за то, что ему не дали спокойно пообедать. Секунду спустя он вошёл в воду. В нескольких шагах дальше по берегу пекан и лисица припали к песку возле самой воды, словно им не хотелось мочить свой драгоценный мех и они намерены были прыгнуть в озеро только в самую последнюю минуту, когда их уже опалит жгучее дыхание огненной смерти. И тут, словно вестница этой смерти, на берег с трудом выбра-

лась вторая лисица, с которой ручьями стекала вода, — она только что переплыла озеро, так как на противоположном берегу уже колыхалась сплошная стена пламени. Но если эта лисица рассчитывала найти спасение на восточном берегу, то старый медведь, который был вдвое больше Неевы, по-видимому, не разделял её надежды: во всяком случае, он, с треском вырвавшись из кустов, стремглав кинулся в озеро и поплыл прямо к западному берегу. На мелководье бродили, барахтались, плавали куницы, красноглазые горностаи, норки, кролики, белки, суслики и всевозможные мыши. Наконец Неева медленно вошёл в воду и очутился среди зверьков, которыми ещё недавно с большим удовольствием закусил бы. Но теперь он не обращал на них ни малейшего внимания.

Мики следовал за своим другом, пока вода не дошла ему до шеи. Тогда он остановился. Огонь был уже совсем близко и мчался к озеру со стремительностью скаковой лошади. Из-за вершин ещё целых деревьев на озеро обрушилось чёрное облако дыма и пепла. Через несколько минут всё было поглощено непроницаемым жарким

мраком, в глубинах которого начали раздаваться дикие, пронзительные звуки: лосёнок отчаянно звал мать, а она отвечала ему испуганным мычанием, тоскливо выл волк, в ужасе тявкала лисица, и, заглушая все остальные голоса, исступлённо кричали две гагары, чьё гнездо исчезло в огне.

Кашляя от густого дыма, чувствуя на морде опаляющий жар пламени, Неева фырканьем позвал Мики и повернул к середине озера. Мики ответил ему коротким визгом и поплыл за своим большим чёрным братом, касаясь мордой его бока. На середине озера Неева последовал примеру тех, кто добрался туда раньше него, и почти перестал работать лапами. Однако костлявый Мики, которого не поддерживал на поверхности толстый слой жира, не мог просто лечь на воду, как это сделал его приятель, и продолжал плавать, описывая круги около Неевы. Потом ему в голову пришла удачная мысль, и, приблизившись к медведю вплотную, он опёрся на его плечо передними лапами.

К этому времени озеро уже было опоясано огнём со всех сторон. Языки пламени взвивались высоко в воздух над смолистыми вершинами. От рёва огня можно было оглохнуть, и все остальные звуки тонули в нём. Жар был нестерпимым:

в течение нескольких ужасных минут Мики казалось, что он вдыхает не воздух, а огонь. Неева каждые две-три секунды окунал голову в воду, но инстинкт мешал Мики последовать его примеру. Подобно волку, лисе, пекану и рыси, он скорее умер бы, чем погрузился бы в воду с головой.

Огонь унёсся дальше так же быстро, как налетел, и его оглушительный рёв вновь превратился в отдалённый рокочущий гул, но от зелёных деревьев по берегам озера остались только чёрные, обугленные скелеты.

Уцелевшие звери медленно подплывали к чёрным, дымящимся берегам. Из тех, кто искал спасения в озере, выжило не больше половины. Многие погибли, и в том числе все дикобразы, никуда не годные пловцы.

Возле берега жар по-прежнему был нестерпимым, и тлеющие угли не угасали ещё очень долго. Весь остаток дня и всю ночь спасшиеся звери провели на мелководье, но ни один хищник не напал на беззащитного соседа. Общая беда уравняла и примирила их всех.

Перед рассветом пришло неожиданное облегчение. Начался сильный ливень, и когда первые лучи солнца пробились сквозь серые тучи, в озере и на его берегах виднелись только трупы погибших животных. Те, кому удалось уцелеть, вернулись в свои опустошённые леса, и в их числе были Мики с Неевой.

Глава 26

Ещё много дней после Большого Пожара Мики продолжал покорно следовать за Неевой. Места, которые он так хорошо знал прежде, превратились в чёрную, безжизненную пустыню, и он понятия не имел, в какой стороне следует искать уцелевшие леса. Если бы это был обычный небольшой пал, Мики, конечно, и сам сумел бы без большого труда выбраться из царства золы и пепла, но этот пожар опустошил многие сотни квадратных миль, и половина зверей, укрывшихся от огня в озёрах и реках, была теперь обречена на голодную смерть.

Но в эту половину не входили ни Неева, ни все его сородичи. С той же уверенностью, с какой он во время пожара нашёл спасительное озеро, чёрный медведь выбрал теперь кратчайший путь к границе гари. На этот раз он направился на северо-запад, ни на шаг не отклоняясь от прямой линии. Если они натыкались на озеро, Неева обходил его по берегу и продолжал путь точно напротив того места, с которого он начал обход. Он шёл и шёл вперёд, не только днём, но и ночью,

лишь изредка останавливаясь, чтобы перевести дух, и на рассвете второго дня Мики еле волочил ноги — он устал даже больше своего друга.

Впрочем, судя по всему, они уже добрались до тех мест, где сила пожара начинала уменьшаться. Там и сям среди гари зеленели болотца, рощицы, полоски травы, пощажённые огнём. В этих оазисах среди чёрной пустыни Нееву и Мики ждал сытный завтрак, потому что вся окрестная дичь сбегалась под защиту уцелевших деревьев, которые, вероятно, вставали из огненного моря, как островки. Однако впервые за всё время их знакомства Неева не прельстился изобилием еды и не пожелал остаться у гостеприимного болотца. И на шестой день от озера, в котором они спаслись от огня, их отделяла уже добрая сотня миль.

Теперь пожарище осталось позади, и они очутились в прекрасном краю могучих лесов, широких равнин и сотен озёр и рек. Невысокие гряды холмов, пересекавшие равнины, были отличными охотничьими угодьями. Изобилие водных потоков, струившихся между холмами и соединявших озёра в одну огромную цепь, спасло эти края от засухи, от которой так пострадали более южные области страны.

Мики и Неева остались в этих благодатных

местах и через месяц снова стали толстыми и позабыли недавние невзгоды.

Затем, как-то в начале сентября, они наткнулись у болота на странное сооружение. Сначала Мики подумал, что это хижина, но только он никогда ещё не видел таких маленьких хижин. Неизвестное сооружение было не намного больше, чем та клетка из жердей, в которую его запирал Лебо, однако тут вместо жердей были толстые брёвна, скреплённые между собой так искусно, что никто не мог бы их разбросать.

Между брёвнами оставались широкие щели, а с одной стороны зияло большое отверстие, по-видимому заменявшее дверь. Из непонятного сооружения доносился сильный запах испорченной рыбы. Мики этот запах показался на редкость противным, но Неева просто упивался им и не пожелал уйти от этого места, несмотря на все попытки Мики увести его. В конце концов, негодуя на низменные вкусы своего друга, Мики обиженно отправился на охоту один. Однако прошло ещё довольно много времени, прежде чем Неева осмелился просунуть в отверстие голову и плечи. Там стояло такое рыбье благоухание, что его маленькие глазки заблестели от восторга. Он осторожно шагнул вперёд — теперь он был уже со

всех сторон окружён брёвнами. Однако ничего не случилось. Неева увидел аппетитную кучу рыбы, сваленной позади тоненькой наклонной жерди. Чтобы достать рыбу, надо было навалиться на жердь. Он неторопливо придвинулся к ней, налёг на неё грудью, и…

Бум!

Неева оглянулся как на выстрел. Отверстие, через которое он сюда вошёл, исчезло. Надавив на жердь, он освободил подъёмную дверь из толстых брёвен, подвешенную над входом, и теперь оказался в плену. Однако Неева сохранил полное спокойствие и хладнокровие, возможно потому, что щели между брёвнами были очень широкие и он надеялся протиснуться сквозь одну из них наружу. И вот, несколько раз потянув ноздрями воздух, он принялся лакомиться рыбой. Это занятие настолько его увлекло, что он даже не заметил, как из густого ельника в нескольких шагах от ловушки выглянул индеец, посмотрел на него и сразу же снова скрылся.

Полчаса спустя этот индеец вышел на вырубку, где стояли только что выстроенные дома новой фактории. Индеец направился прямо к зданию склада. Там, в конторе, где на полу лежал пушистый меховой ковёр, какой-то мужчина

разговаривал с женщиной и нежно держал её за руки. Увидев их, индеец снисходительно усмехнулся. В окрестностях фактории Лак-Бен эту парочку не называли иначе как сакехевавин — влюблённые. Он был среди гостей на их свадьбе — они созвали на неё всех ближних и дальних соседей и устроили настоящий пир.

Когда индеец вошёл, женщина приветливо улыбнулась ему. Она была настоящей красавицей. Её глаза сияли, на щеках играл лёгкий румянец. Индеец дружески улыбнулся в ответ.

— Мы поймали медведя, — сказал он. — Только это напао (самец), а не медведица с медвежонком, Нанетта.

Чэллонер улыбнулся.

— Ну и не везёт же тебе, Нанетта! — сказал он. — А я-то думал, что раздобыть для тебя медвежонка будет очень просто. И вот вместо этого — взрослый медведь! Придётся выпустить его, Мотег. Шкура у него в такое время года никуда не годится. Хочешь пойти с нами, Нанетта, и посмотреть, как мы его освободим?

Она кивнула и весело рассмеялась:

— Да, конечно! Это будет очень интересно — бедняга, наверное, совсем перепугался.

Чэллонер шёл впереди с топором в руке, за ним

Нанетта. Мотег завершал шествие, на всякий случай держа ружьё наготове. В ельнике Чэллонер осторожно срубил несколько веток, чтобы Нанетта могла без помех рассмотреть клетку и пленного медведя. Около минуты она затаив дыхание глядела на Нееву, который теперь в сильном возбуждении метался по своей тюрьме. Вдруг Нанетта вскрикнула, и её пальцы больно сжали руку Чэллонера. Прежде чем он сообразил, что происходит, Нанетта раздвинула ветки и выбежала из ельника.

Возле ловушки лежал Мики, не покинувший друга в час беды. Он старался прокопать ход под нижним бревном и успел так измучиться, что ничего не слышал и не чуял. Нанетту он заметил, только когда она была в десяти шагах от него. Мики присел на задние лапы, в горле у него встал комок, мешая ему дышать. Несколько секунд он сохранял неподвижность, не спуская с Нанетты пристального взгляда. Затем, восторженно взвизгнув, он прыгнул к ней. Чэллонер с испуганным воплем выскочил из ельника, занеся топор над головой. Но прежде чем топор опустился, Мики уже обнимался с Нанеттой, а Чэллонер уронил от удивления своё оружие и громко ахнул:

— Мики!

Мотег с удивлением смотрел, как новый фактор и его жена радостно гладят и тискают непонятного дикого зверя, в которого он, не задумываясь, выстрелил бы, если бы неожиданно встретился с ним на лесной тропе.

От радости Нанетта и Чэллонер совсем забыли про медведя в ловушке. Да и Мики, ошалевший от восторга при виде своего хозяина и хозяйки, тоже забыл про приятеля. Однако когда Неева напомнил им всем о себе, испустив громкое «уф!», Мики молнией бросился к брёвнам, обнюхал нос Неевы, просунутый между брёвнами, и отчаянно завилял хвостом, стараясь объяснить медведю, какое произошло чудо.

Чэллонера внезапно осенила невероятная догадка. Он медленно приблизился к огромному чёрному зверю в ловушке. С каким медведем мог подружиться Мики, как не с медвежонком, которого он поймал почти полтора года назад? Чэллонер перевёл дух и внимательно осмотрел странных друзей. Мики ласково лизал коричневый нос, просунутый между брёвнами! Чэллонер жестом подозвал к себе Нанетту и кивком указал на Мики с Неевой. Помолчав минуту, он сказал:

— Это тот самый медвежонок, Нанетта. Ну, тот, о котором я тебе рассказывал. Я прошлой

весной застрелил его мать и связал его с Мики одной верёвкой. Значит, они с тех пор так и не расставались! Теперь понятно, почему Мики убежал от нас тогда в хижине. Он вернулся к своему медведю!

Если вы отправитесь на север от Лепаса по реке Рэт или Грассбери, а потом спуститесь по Оленьей реке в Оленье озеро и поплывёте вдоль его восточного берега, вы рано или поздно доберётесь до Кокрана и до фактории Лак-Бен. Это одно из самых красивых мест во всём северном крае. На факторию Лак-Бен привозят меха триста охотников и трапперов. И все они, а также их жёны и дети прекрасно знают историю «ручного медведя с Лак-Бен», любимца и баловня красивой жены фактора.

Этот медведь носит блестящий ошейник и бродит на свободе в обществе гигантского пса. Ни один охотник, встретившись с ним, и не подумает выстрелить в него. Впрочем, медведь этот стал таким большим и толстым, что разлюбил далёкие странствования. А потому в этих местах действует неписаный закон, запрещающий ставить медвежьи капканы и ловушки ближе пяти миль от фактории. Дело в том, что больше чем на пять миль этот медведь в леса не углубляется. Когда же наступают холода, а с ними и время долгого сна, медведь забирается в глубокий уютный погреб, который вырыли для него под складом. И зимними ночами там же, привалившись к тёплому боку друга, спит и пёс Мики.

